

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.Н. КАРАЗИНА

А.И. Тумаков, А.П. Чижов

Новейшая история стран Восточной Азии
(1945 — 2000 гг.)

Учебное пособие

Харьков, 2001

Учебное пособие подготовлено на кафедре новой и новейшей истории Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В.В. Калиниченко,
доктор исторических наук В.В. Лантух,
кандидат исторических наук, доцент С.Ю. Страшнюк.

Ответственный за выпуск – профессор Е.П. Пугач.

Рекомендовано к печати Учёным советом исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (протокол № 1 от 19 января 2001 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

Япония

1. Установление американского оккупационного режима
2. Реформы 1945 – 1947 гг.
3. Начало “холодной войны” и Япония
4. Проблема мирного урегулирования с Японией.
Сан-Францисская конференция
5. Условия экономического роста
6. Развитие экономики во второй половине 70-х — 90-е годы
7. Общественно–политическое развитие
8. Кризис ЛДП
9. Внешняя политика
10. Украинско-японские отношения
- Литература

Китай

1. Послевоенный политический кризис
2. Попытки мирного объединения страны
(миссии П. Хэрли и Дж. Маршалла)
3. Эскалация гражданской войны и победа народной революции
(1946–1949 гг.)
4. Возникновение “тайваньской проблемы”
5. Выбор пути развития (1949–1957 гг.)
6. Формирование культа личности Мао Цзэдуна
7. КНР в годы социально-экономических экспериментов
(1958–1960)
8. “Культурная революция”
9. Смерть Мао Цзэдуна и борьба за власть
10. Реформы Дэн Сяопина
11. Тайвань в 50–90-е годы
12. Проблемы современного Китая
13. Китай на международной арене
14. Украинско-китайские отношения
- Литература

Монголия

1. Монголия на пути к независимости
2. Реализация модели некапиталистического развития
3. МНР в 1945–1989 гг.
4. Демократическая революция 1989–1990 гг. и выбор новой
модели развития
5. Монголия на международной арене
- Литература

Корея

1. Освобождение и раскол Кореи
2. Корейская война 1950–1953 гг.
3. Особенности развития КНДР в 50–90-е годы

4. Республика Корея в 50—90-е годы
5. Проблема объединения Кореи в 60—90-е годы
- Литература

Приложения

- 1. Япония**
- 1.1. Об ущербе, нанесенном японской агрессией народам Азии
(Из доклада Го Можо на конференции сторонников мира стран Азии
и Тихого океана, 1952 г.)
- 1.2. Поправки к американо-английскому проекту мирного договора
с Японией, сделанные другими странами (Из справки МИД СССР,
август 1951 г.)
- 1.3. Шифротелеграмма МИД СССР советскому послу в Пекине
Н.В. Рощину (12 августа 1951 г.)
- 1.4. Указания делегации СССР на конференции в Сан-Франциско
(Утверждены ЦК ВКП (б) 20 августа 1951 г.)
- 1.5. Советско-японские отношения в 50-е годы (Из совместной декларации
СССР и Японии, 19 октября 1956 г.)
- 1.6. Япония глазами Вилли Брандта
- 1.7. М.С. Горбачёв и японская проблема
(Из воспоминаний А.С. Черняева)
- 1.8. “Это будет “правительство возрождения” (Из программной речи
премьер-министра Японии Иосиро Мори на 147-й сессии
парламента, май 2000 г.)
- 2. Китай**
- 2.1. Переговоры между КПК и Гоминьданом осенью 1945 г.
(Из воспоминаний А.М. Ледовского)
- 2.2. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай (январь-февраль 1949 г.)
(Из записки А.И. Микояна, представленной в президиум ЦК КПСС
22 сентября 1960 г.)
- 2.3. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР
(14 февраля 1950 г.)
- 2.4. Мао Цзэдун и атомная бомба (Из воспоминаний Д.Т. Шепилова
о визите в Китай в составе правительственной делегации в 1954 г.)
- 2.5. Тайваньский кризис 1958 г. (Из воспоминаний Н.С. Хрущёва)
- 2.6. Визит Дэн Сяопина в США в 1979 г. (Из воспоминаний
А.Ф. Добрынина)
- 2.7. “Заниматься буржуазной либерализацией — значит идти
по капиталистическому пути” (Отрывок из беседы Дэн Сяопина с
профессором Чэнь Гуином и членами президиума научно-
исследовательского общества “Континент и Тайвань”,
май-июнь 1985 г.)
- 2.8. “Я помню Тяньаньмэнь...” (Из воспоминаний корреспондента
газеты “Комсомольская правда” А. Платковского)
- 2.9. Ретроспектива событий в Пекине в апреле-июне 1989 г.
(Официальная версия)
- 3. Монголия**
- 3.1. Советы И.В. Сталина монгольскому руководству (Из записей

- о встречах 1934 и 1935 годов)
- 3.2. Время Чойбалсана (Из воспоминаний Ц. Дамдинсурэна)
- 3.3. Договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР
(27 февраля 1946 г.)
- 3.4. Встречи с Цеденбалом (Из воспоминаний В.А. Медведева
о поездке в МНР в 1982 г.)

4. Корея

- 4.1. Из директивы И.В. Сталина советскому оккупационному
командованию в Корее от 20 сентября 1945 г.
- 4.2. Решение Московского совещания министров иностранных
дел (16-26 декабря 1945 г.) по вопросу о Корее
- 4.3. По вопросу о Корее (Сообщение ТАСС, 25 января 1946 г.)
- 4.4. Из статьи американского корреспондента Эдгарда Сноу
“Мы встречаемся с Россией в Корее”
- 4.5. Работа Совместной советско-американской комиссии по Корее
в 1947 г. (Из воспоминаний В.И. Петухова)
- 4.6. Предложения советского правительства о выводе из Кореи
советских и американских войск (26 сентября 1947 г.)
- 4.7. Телеграмма советского посла в КНДР Т.Ф. Штыкова
советскому руководству от 19 января 1950 г.
- 4.8. Ответная телеграмма И.В. Сталина Т.Ф. Штыкову
от 31 января 1950 г.
- 4.9. Указания Т.Ф. Штыкову относительно использования советских
военных советников в ходе боевых действий в Корее
- 4.10. Два варианта телеграммы Мао Цзэдуна И.В. Сталину
от 2 октября 1950 г. относительно Корейской войны и участия
в ней “китайских добровольцев”
- 4.11. “Опираясь на надёжную базу” (Из интервью Ким Чен Ира
кубинской газете “Гранма”)

Я п о н и я

1. Установление американского оккупационного режима

2 сентября 1945 г. Япония заявила о своей капитуляции. Это событие завершило вторую мировую войну. Политика союзных держав в отношении побеждённой Японии была сформулирована в Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., содержащей три важнейших принципа, которыми должны были руководствоваться державы-победительницы (демилитаризация страны, её демократизация, образование миролюбивого демократического правительства).

Для выполнения этой программы было решено оккупировать Японию силами американских войск. 28 августа 1945 г. американские воинские подразделения начали высаживаться на японской территории. Предполагалось, что они будут находиться там до подписания с ней мирного договора. Таким образом, с осени 1945 г. в истории Японии начинается период американской оккупации. Он продолжался с 1945 по 1952 год. На протяжении этого времени вся верховная власть в стране находилась в руках американской военной администрации, которую возглавлял генерал Дуглас Макартур*. Но в отличие от оккупированной Германии, где прежнее правительство было распущено и управление страной осуществлялось непосредственно союзными державами, в Японии был в основном сохранён старый государственный аппарат во главе с императором, который выполнял распоряжения американских оккупационных властей и являлся связующим звеном между ними и населением страны. Это позволило снизить неприязнь японцев к оккупантам и успешно воспринять новшества, введённые военной администрацией. Тем самым был обеспечен плавный, наименее болезненный переход общества от одного состояния к другому. Таким образом, американский оккупационный режим не прервал естественный процесс преемственности в развитии японской цивилизации.

* После отставки Д. Макарура в апреле 1951 г. на пост главнокомандующего был назначен генерал Мэтью Б. Риджуэй, который руководил оккупационной администрацией до её расформирования в апреле 1952 г.

В декабре 1945 г. на совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве было решено создать два международных органа для контроля над японской проблемой: Дальневосточную комиссию и Союзный совет.

Дальневосточная комиссия провозглашалась директивным органом, т.е. она должна была определять основные принципы оккупационной политики в отношении Японии. Размещалась она в Вашингтоне. В её состав входили представители 11 держав, принимавших участие в войне против Японии (СССР, США, Великобритании, Франции, Китая, Голландии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Индии и Филиппин). Дальневосточная комиссия была поставлена над главнокомандующим оккупационными войсками. Однако реально без согласия США она не могла провести ни одного мероприятия в Японии. К тому же многие важные решения комиссии нередко саботировались американской военной администрацией.

Другим международным органом стал *Союзный совет для Японии* (начал функционировать с апреля 1946 г.). Он размещался в Токио. В его состав входили представители СССР, США и Китая, плюс один представитель от четырёх стран: Великобритании, Австралии, Индии и Новой Зеландии. Функции Союзного совета были иными: он должен был контролировать деятельность оккупационных властей. Это был сугубо консультативный орган, поскольку по всем вопросам оккупационной политики преобладали решения главнокомандующего. С обострением «холодной войны» работа Союзного совета для Японии фактически прекратилась.

В деятельности американской оккупационной администрации прослеживается определённая этапность. Несмотря на крайне тяжёлую экономическую ситуацию в Японии (к концу 1945 г. её промышленное производство едва достигло 30% довоенного уровня) военная администрация Макарура вначале предприняла политические меры по ликвидации прежнего

тоталитарно-милитаристского режима, и лишь затем (с весны 1947 г.) активно занялась перестройкой её экономики.

2. Реформы 1945 – 1947 гг.

Выполняя союзнические обязательства, американские оккупационные власти провели серию важных реформ, направленных на демилитаризацию и демократизацию Японии. Были расформированы её вооружённые силы, ликвидированы фашистские организации и тайная полиция (Токко), арестованы и преданы суду военные преступники. Главные из них (28 человек) предстали перед Международным военным трибуналом, который работал в Токио с мая 1946 по ноябрь 1948 г. Ни один из подсудимых не был оправдан. 7 военных преступников были приговорены к смертной казни, остальные — к различным срокам тюремного заключения. Трибунал осудил японскую агрессию как международное преступление. Американские власти распустили 27 шовинистических организаций и провели чистку государственного аппарата, в ходе которой были отстранены от дел свыше 200 тыс. чиновников, связанных с прежним режимом. Была разрешена деятельность политических партий и профсоюзов, женщины получили равные права с мужчинами.

Американцы попытались ослабить культ императора, который нёс прямую ответственность за агрессивные действия Японии. С этой целью был принят декрет об отделении религии (синто) от государства. Более того, 1 января 1946 г. они заставили императора Хирохито публично отречься от мифа о божественном происхождении правящей династии.

Важным шагом оккупационной администрации стала *декартелизация* японской промышленности, т.е. роспуск монополистических объединений, которые несли прямую ответственность за развязывание агрессивной войны. Главному удару подверглась т.н. “большая четвёрка” (концерны Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда). Головные компании этих концернов были ликвидированы, а их акции распроданы служащим этих компаний. Одновременно было введено антимонопольное законодательство, призванное недопустить возрождения крупных концернов. По своей сути принятое законодательство было аналогично действовавшему в США*. Однако проводимое военной администрацией разукрупнение предприятий не затронуло банковскую систему страны. Это позволило банкам в дальнейшем существенно укрепить своё положение и стать основой экономического организма Японии, главной опорой в ускоренном развитии экономики страны.

* Но в отличие от США, где подобное законодательство малоэффективно, в Японии принятые меры оказали колоссальное воздействие на последующее развитие страны. Они положили начало процессу *деперсонификации* крупной собственности на средства производства, предопределив тем самым существенную трансформацию японского общества [см. раздел 5].

В период американской оккупации получило развитие *трудовое законодательство* Японии. Были введены 8-часовой рабочий день, система оплачиваемых отпусков, охрана труда женщин и подростков и т.д. Принятые законы предоставили право рабочим создавать профсоюзы, заключать коллективные договоры. В результате уже в 1949 г. в профсоюзах состояло более 55% всех рабочих и служащих страны, что сделало рабочее движение более организованным.

Важнейшим направлением в деятельности оккупационной администрации стали *аграрные преобразования*. Аграрный вопрос в Японии стоял очень остро, поскольку в деревне господствовала полуфеодалная система помещичьего землевладения. Более 50% всей земли принадлежало помещикам. Большая часть этой земли сдавалась в аренду на кабальных условиях (арендная плата доходила порой до 60% урожая). Подъём крестьянского движения после капитуляции Японии заставил американские оккупационные власти осуществить аграрную реформу. Первый проект аграрной реформы был разработан в декабре 1945 г. Он был направлен на сохранение помещичьего землевладения и поэтому не нашёл поддержки у народа. Против

него выступил советский представитель в Союзном совете, предложивший собственный проект аграрной реформы, который предусматривал конфискацию большей части помещичьей земли и передачу её крестьянам. Советский проект оказал большое влияние на разработку второго закона об аграрной реформе (принят в октябре 1946 г.). По этому закону размер земельной собственности ограничивался 3 га (исключение делалось для о-ва Хоккайдо, где максимум составлял 12 га). Остальная же помещичья земля подлежала выкупу и последующей продаже крестьянам-арендаторам. К 1950 г. государство выкупило и передало крестьянам 80% всей арендной земли (около 2 млн га). Проведенная аграрная реформа имела ряд важнейших последствий: она дала мощный импульс для развития капитализма в деревне, разрядила там социальную напряжённость, ликвидировала помещичье землевладение. Отныне основой японского сельского хозяйства стала раскрепощённая крестьянская семья с собственным земельным наделом.

Важным преобразованием этого периода стала также *реформа системы образования* (1947 г.). Её суть состояла в том, что период обязательного и бесплатного обучения был увеличен с шести до девяти лет; существенному пересмотру подверглись программы, из которых была устранена националистическая и шовинистическая пропаганда; было запрещено преподавание курсов морали и этики (в основе которых лежала традиционная самурайская идеология), а также истории и географии (до создания новых учебников); была проведена децентрализация школьного образования. Местные власти получили большую автономию в этой области, что улучшило подготовку специалистов.

Наконец, важнейшим направлением в деятельности оккупационной администрации были мероприятия по изменению *государственного устройства* Японии. Среди них наиболее важной акцией стало принятие новой *конституции* страны. Она была разработана сотрудниками пропагандистского отдела штаба Макартура, принята парламентом в октябре 1946 г. (вступила в силу в мае 1947 г.) и продолжает действовать без каких-либо изменений по сегодняшний день. Конституция упразднила абсолютную монархию: император был отстранён от политической власти и стал “символом государства”. Новая конституция декларировала демократические права и свободы, официально провозгласила отказ Японии от войны, как средства решения внешнеполитических проблем и запретила ей иметь вооружённые силы (ст. 9).

Эти положения конституции полностью соответствовали настроениям большинства японцев, уставших от тоталитарного режима и его военных авантюр. Поэтому в обществе она была встречена с энтузиазмом. Но поскольку проект конституции готовили иностранные специалисты (пусть даже искренне сочувствовавшие Японии и хорошо понимавшие её потребности), в нём не удалось в необходимой мере учесть особенностей японского общественного менталитета и национально-культурных традиций. Кроме того, сам факт привнесения конституции “извне” вызывал у японцев чувство сожаления. В последующие годы этим неоднократно пытались воспользоваться консервативные круги Японии, которые под предлогом “исправления законодательства периода оккупации” добивались пересмотра конституции. При этом в первую очередь подразумевалась та её статья, которая препятствовала вооружению страны. Но из-за решительного противодействия демократических сил все эти попытки оказались безуспешными.

Крупномасштабные преобразования первых послевоенных лет, проведенные американской оккупационной администрацией, имели решающее значение для последующего развития Японии. Они окончательно уничтожили военно-феодалные пережитки и открыли перед страной широкие перспективы демократического развития.

3. Начало “холодной войны” и Япония

В 1948 г. обозначился *поворот в американской политике* на Дальнем Востоке, который привёл и к изменению политики в отношении Японии. Этот поворот был обусловлен двумя обстоятельствами. *Во-первых*, произошли кардинальные перемены в глобальной политике США, что выразилось в усилении антисоветских тенденций, начале “холодной войны”,

принятии “доктрины Трумэна” и “плана Маршалла”. Во-вторых, сказались события, происходившие в соседнем Китае. В первые послевоенные годы гоминьдановский режим в Китае считался главной опорой США в Азии. Но там бушевала гражданская война и явственно прослеживалась перспектива победы коммунистов. Поэтому Соединённые Штаты решили сделать основную ставку на Японию, и с 1948 г. военные власти начинают проводить новую оккупационную политику, которая получила название “обратный курс”.

США стали уделять больше внимания восстановлению японской экономики. Дело в том, что в 1948 г. промышленное производство Японии составляло всего лишь 52% от уровня 1937 г. (в то время как в Германии и Италии довоенный уровень был уже фактически восстановлен). С начала 1949 г. оккупационные власти приступили к осуществлению “плана экономической стабилизации”. Эту работу возглавил американский финансист Джозеф Додж, который стал главным экономическим советником штаба оккупационных войск. Американский план содержал элементы “шоковой терапии” (увеличение налогов, ограничение выдачи субсидий, и др.) и мог привести к снижению жизненного уровня широких слоёв населения. Поэтому, опасаясь острых социальных конфликтов, власти предприняли ряд упредительных мер. В июле 1948 г. был принят декрет, запрещающий забастовки госслужащих. В ноябре 1948 г. права на забастовку были лишены все работники государственных предприятий. В 1950 г. было запрещено проведение митингов и демонстраций, закрылись левые газеты. Но практически одновременно с этими действиями японские власти, при поддержке США, предприняли важный “социальный манёвр” — несмотря на сильную послевоенную инфляцию, обеспечили быстрое повышение реальной заработной платы (в 1947 г. она составляла лишь 30,2% от уровня 1934—1936 годов, в 1949 — 66,3%, а в 1952 г. возросла до 102,3%). Это стало возможным за счёт временного сокращения доли предпринимательской прибыли. Рост реальных доходов большинства населения способствовал расширению ёмкости внутреннего рынка и обеспечивал достаточную социальную стабильность в стране.

Важной вехой в истории Восточной Азии стала *Корейская война 1950–1953 гг.* Она оказала большое влияние и на Японию, которая использовалась США в качестве основной базы на Дальнем Востоке. Война сыграла большую роль в восстановлении японской экономики. Так, Соединённые Штаты предоставили Японии военные заказы на сумму в 2,5 млрд долл. В итоге за годы войны объём её промышленного производства возрос в 1,5 раза, а оборот внешней торговли — в 10 раз. В 1952 г. японская промышленность достигла довоенного уровня, а сельскохозяйственное производство и национальный доход превысили этот уровень.

В результате экономических мероприятий, проведенных американской оккупационной администрацией, был дан положительный импульс развитию страны. Основной тормоз — инфляция — был устранён путём отмены правительственных субсидий нерентабельным производствам. Вместо субсидий им предоставлялись кредиты под ответственность банков. Разумная налоговая система поощряла вложения капиталов в промышленность, в строительство, в научно-технические разработки. Реалистический обменный курс иены (фиксированный по отношению к доллару — свободная конвертация иены была разрешена только в 1970 г.) позволил, с одной стороны, привлечь в Японию иностранных инвесторов и, с другой, активизировать японский экспорт. Как уже было сказано, свою роль сыграла американская помощь и заказы, которые японская промышленность выполняла для армии США, воевавшей в Корее.

“Холодная война” замедлила процесс демократизации Японии. Новая американская политика (“обратный курс”), начавшаяся в 1948 г., была направлена на планомерное превращение Японии в военно-стратегический плацдарм США на Дальнем Востоке. Уже в августе 1950 года, вопреки конституции, началось фактическое возрождение вооружённых сил Японии под видом резервного полицейского корпуса численностью 75 тыс. человек*.

* Формально целью этой акции было укрепление полицейских сил внутри страны в связи с переброской значительной части американских оккупационных войск на корейский фронт.

4. Проблема мирного урегулирования с Японией. Сан-Францисская конференция

После начала войны в Корее ещё более актуальным стал вопрос о заключении мирного договора с Японией. Выявились *два подхода* к его разработке. *Советский Союз* настаивал на том, чтобы подготовка проекта мирного договора была поручена Совету министров иностранных дел четырёх держав (СССР, США, Великобритании и Китая). *Соединённые Штаты* всячески стремились обойти Совет министров иностранных дел, в котором существовал принцип единогласия всех его членов. Американцы хотели закрепить свой контроль над Японией и поэтому настаивали на том, чтобы проект мирного договора готовила Дальневосточная комиссия, где они могли рассчитывать на поддержку послушного большинства. В конечном счете, США, используя своё положение оккупирующей державы, при поддержке Англии подготовили проект мирного договора, который полностью соответствовал их интересам.

Для утверждения этого договора была созвана *мирная конференция*, которая начала работу 4 сентября 1951 г. в *Сан-Франциско*. Несмотря на настойчивые требования советского правительства, на конференцию не были приглашены социалистические страны Азии – КНР*, КНДР, МНР и ДРВ. Индия и Бирма (совр. Мьянма) отказались участвовать в конференции, поскольку они были не согласны с американо-английским проектом мирного договора (Бирма, в частности, настаивала на решении вопроса о репарациях) [см. приложение 1.2]. Не прислала свою делегацию и Югославия. В то же время на конференцию были приглашены многие неазиатские страны (в первую очередь латиноамериканские государства, зависимые от США), которые фактически не участвовали в войне против Японии. Таким образом, на конференции были представлены 52 страны.

* Предлогом для отстранения КНР от участия в конференции стала резолюция Генеральной ассамблеи ООН (февраль 1951 г.) об осуждении Китайской Народной Республики за участие её «добровольцев» в Корейской войне на стороне КНДР.

Уже в ходе подготовки конференции стало ясно, что она замышлялась исключительно для осуществления формальной процедуры подписания представленного США и Англией окончательного варианта мирного договора с Японией. Тем не менее, советское руководство приняло приглашение, но заявило, что его делегация представит соответствующие предложения по содержанию договора [см. приложения 1.3, 1.4].

Советскую делегацию на конференции возглавлял А.А. Громыко. Он подверг обстоятельной критике проект мирного договора и предложил свои поправки и дополнения (в том числе 8 новых статей). Это были вполне конструктивные предложения, которые предусматривали, в частности, признание Японией суверенитета Китая над Маньчжурией, Тайванем и рядом других островов, признание суверенитета СССР над Южным Сахалином и Курильскими островами, суверенитета Японии над островами Рюкю, Бонин и др., справедливое решение проблемы репараций и т.д. Советские предложения были поддержаны в целом Польшей и Чехословакией, а по ряду пунктов – и другими участниками конференции. Однако они не были даже приняты к рассмотрению, поскольку было объявлено, что обсуждение поправок не входит в повестку дня конференции. В ответ советская делегация, в соответствии с полученными от И.В. Сталина инструкциями, отказалась подписывать документ и покинула зал заседаний конференции. Этому примеру последовали также делегации Польши и Чехословакии. В итоге 8 сентября 1951 г. Сан-Францисский договор подписали 49 государств. Некоторые современные российские исследователи (Б. Славинский) трактуют итоги Сан-Францисской конференции как “полное фиаско” советской дипломатии, не желавшей идти на компромисс, признавать “национальные интересы” партнёра – США, которые “понесли огромные потери в тихоокеанской войне и, естественно, не хотели потерять свои завоёванные с таким трудом стратегические позиции” [подробнее см.: 26, 27].

Сан-Францисский договор состоит из 7 глав, 27 статей. Подписав его, Япония официально отказалась от претензий на Курильские острова, на Южный Сахалин, на Тайвань и Пескадорские острова. Но в договоре не было указано, что эти территории возвращаются Советскому Союзу и Китаю, как это было предусмотрено соглашениями союзных держав военного времени. Помимо этого Япония признала независимость Кореи, передала часть своих бывших колоний под опеку ООН. В подписанном договоре предусматривалось также, что оккупационные войска будут выведены с японских островов не позднее, чем через 90 дней после вступления договора в силу. Но при этом не исключалась возможность размещения или сохранения иностранных вооружённых сил на японской территории в соответствии с какими-либо двусторонними или многосторонними соглашениями, которые могут быть заключены в дальнейшем.

Давая общую оценку Сан-Францисскому договору, следует отметить, что он не решил многих проблем, которые должен был решить. В частности, юридически не было прекращено состояние войны Японии с Советским Союзом, КНР и другими азиатскими странами (т.е. не был полностью – в правовом смысле – восстановлен мир). Договор не установил никаких ограничений на ремилитаризацию Японии, на её участие в агрессивных военных блоках. Не было зафиксировано окончательное решение территориального вопроса. Наконец, не была решена *проблема репараций*.

* Американцы объявили, что Япония является государством-банкротом, и на этом основании освободили её от выплаты серьёзных репараций жертвам агрессии. Для сравнения: *Германия* в послевоенный период заплатила репарации на 30 млрд долл., а *Япония* — только на 2 млрд. Причём некоторые зарубежные исследователи (в частности, супруги Сигрэйв, авторы книги «Династия Ямато») считают, что Макартур умышленно исказил реальное финансовое состояние Японии, скрыв от общественности сам факт существования колоссального тайного золотого фонда императора Хирохито, созданного в результате операции «Золотая лилия» — систематического ограбления оккупированных стран Азии.

Одновременно с мирным договором в Сан-Франциско был подписан «договор безопасности» между США и Японией. Этот договор предоставил Соединённым Штатам право под предлогом обеспечения «безопасности Дальнего Востока» неограниченное время держать свои войска на японской территории, причём базы США контролировались лишь американскими властями. Договор имел и внутривосточную направленность, поскольку предусматривал возможность использования американских войск «для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков». Подписанный договор ограничил государственный суверенитет Японии, но с другой стороны, он избавил её от затрат на оборону в сложный для Дальневосточного региона период «холодной войны» и внешнеполитической активизации СССР и КНР.

Сан-Францисский мирный договор, а также японо-американский «договор безопасности» вступили в силу 28 апреля 1952 г. Они получили название *Сан-Францисской системы*. Эта система создала правовую основу военно-политического союза Японии и США.

Заключение мирного договора покончило с периодом оккупации. Японии был возвращён суверенитет, американский контроль над японским правительством был снят. Одновременно были распущены Дальневосточная комиссия и Союзный совет для Японии. В послевоенной истории страны начался новый этап.

Процесс мирного урегулирования продолжался и в последующие годы. В апреле 1952 г. было подписано мирное соглашение между Японией и правительством *Чан Кайши* на Тайване, которое провозгласило прекращение состояния войны между Японией и Китайской Республикой (на Тайване) и подтвердило отказ японского правительства от претензий на Тайвань, Пескадорские и Парасельские острова. В июне 1952 г. был подписан отдельный мирный договор Японии с *Индией*, провозгласивший «вечный мир и дружбу» между двумя странами. Индия отказалась от репарационных претензий к Японии, а Япония, со своей стороны, обязалась выплатить довоенные долги и вернуть индийскую собственность, находившуюся на японской территории. В апреле 1953 г. были урегулированы и отношения с

Бирмой. Между двумя странами была достигнута договорённость по вопросу о репарациях. Япония обязалась выплатить 250 млн долл. в течение 10 лет, путём ежегодных поставок Бирме промышленных товаров и в виде экономической помощи.

Итак, Сан-Францисский мирный договор не решил целый ряд важных проблем послевоенного урегулирования. Одним из самых сложных вопросов внешней политики Японии оставались её *взаимоотношения с Советским Союзом*.

После смерти И.В. Сталина политика СССР по отношению к Японии стала более реалистичной. Некоторые подвижки в советско-японских отношениях наметились в период хрущёвской “оттепели”. В июне 1955 г. в Лондоне начались советско-японские переговоры. В ходе переговоров японская сторона предъявила территориальные претензии к Советскому Союзу. Советское руководство заявило о своей готовности пойти на определённые уступки и передать Японии южнокурильские острова Хабомаи и Шикотан при условии окончательного урегулирования территориального вопроса между двумя странами*. Но Япония отказалась заключать мирный договор. Тогда было решено восстановить дипломатические отношения, отложив решение о мирном договоре.

* Эта уступка неоднозначно воспринимается в научных и общественных кругах России. Так, участник советско-японского урегулирования в 50-х годах, впоследствии видный историк-востоковед академик РАН С.Л. Тихвинский в своих воспоминаниях пишет: «уступка Японии части советской территории, на которую без разрешения Верховного Совета СССР и советского народа пошёл Хрущёв, разрушила международно-правовую основу ялтинских и потсдамских договорённостей и противоречила Сан-Францисскому мирному договору, в котором был зафиксирован отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов. Это недалёковидное самоличное решение Хрущёва стало миной замедленного действия, которая вот уже 40 лет продолжает угрожать добрососедству народов России и Японии».

В октябре 1956 г. в Москве была подписана *Совместная декларация* о прекращении состояния войны между СССР и Японией и восстановлении дипломатических отношений, пункт 9-й которой официально зафиксировал согласие советского правительства передать Японии острова Хабомаи и Шикотан после заключения мирного договора [см. приложение 1.5]. Советский Союз поддержал просьбу Японии о вступлении в ООН (была принята 18 декабря 1956 г.). В 1957 г. был подписан советско-японский торговый договор. Однако мирный договор с Советским Союзом Япония подписывать не торопилась. Существует мнение, что мощный нажим на неё оказали тогда Соединённые Штаты, не желавшие допускать нормализации японо-советских отношений (т.к. это ставило под сомнение необходимость американского военного присутствия на её территории). Так, госсекретарь США Дж. Ф. Даллес заявил, что если Япония признает Южный Сахалин и Курильские острова территорией Советского Союза, то США навечно сохраняют за собой архипелаг Рюкю, оккупированный американскими войсками со времён окончания второй мировой войны*. Таким образом, США сорвали возможность окончательного советско-японского урегулирования.

* Административные права на острова Рюкю с главным о. Окинава были возвращены Японии 15 мая 1972 г. Окинава стала 47-й префектурой Японии.

В 1960 г. был заключён новый японо-американский договор “о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности”, который закрепил за США право держать в Японии свои войска и иметь там военные базы (в 1969 г. этот договор был продлён на неопределённый срок). В связи с этим советское правительство внесло в свою позицию коррективы и заявило, что передаст Японии два южнокурильских острова лишь при условии, что все иностранные войска будут выведены с её территории. Таким образом, мирный договор между СССР и Японией так и не был подписан, а вопрос о спорных (т.н. “северных”) территориях остаётся открытым и в современных японо-российских отношениях [подробнее см.: 16, 17, 30].

5. Условия экономического роста

Экономическая ситуация в Японии в конце 40-х годов была весьма сложной. Потерпев поражение в войне, Япония лишилась своих колоний, утратила возможность эксплуатировать их природные ресурсы и население. Существовали опасения, что её экономика в новых условиях окажется нежизнеспособной. Но подобные прогнозы не оправдались. Средства, заработанные на корейской войне, воскресили деловую активность в стране. Отсутствие же собственной сырьевой базы на каком-то этапе даже помогло Японии совершить рывок вперёд: не потребовались затраты на модернизацию предприятий горнодобывающей промышленности, железнодорожных перевозок и др. Основное внимание было сосредоточено на создании самых новых и перспективных отраслей. В первую очередь была сделана ставка на развитие морского транспорта, поскольку на 1 кв. км территории Японии приходится 72 м побережья, что в 2 раза больше, чем в Англии и в 12 – чем в США (в 2000 г. по суммарному тоннажу своего коммерческого флота — свыше 90 млн тонн — Япония вышла на второе место в мире после Греции, опередив Норвегию, США и Китай).

С 1955 г. начался период бурного экономического развития, который стали называть японским “экономическим чудом”. Он продолжался с перерывами до 1973 г. и был обусловлен целым комплексом причин (в специальной литературе их можно насчитать несколько десятков)*.

* Творцом японского “экономического чуда” считают известного экономиста *Сабуру Окута* (1914—1993 г.). [Подробнее см.: 7].

Одним из условий, способствовавших стремительному экономическому росту, стало массовое обновление основного капитала японской промышленности. Во всех отраслях экономики устаревшее оборудование заменялось новым, самым передовым. При этом широко использовались производственный опыт и технические достижения других стран. Япония стала на путь покупки лицензий и патентов на новую технологию. Это позволяло экономить время и расходы на научные исследования. С 1950 по 1980 г. Япония заключила более 25 тыс. соглашений с другими странами о приобретении лицензий и технологического оборудования, что позволило, по выражению японцев, “превратить чужие идеи в конкурентоспособные товары”. Так, в 1955 г. в США был создан первый приёмник на транзисторах. Буквально через несколько месяцев фирма “Сони” запустила в широкую продажу карманный радиоприёмник*.

* Традиционную склонность японцев к полезным заимствованиям ряд авторитетных исследователей (например, Л.С. Васильев) объясняют «периферийным статусом» этой страны в составе дальневосточной цивилизации, что было обусловлено, в первую очередь, её островным положением. Начиная с VI в. Япония очень активно начала заимствовать достижения китайской цивилизации (не случайно на Дальнем Востоке бытовала мудрость: «Китай – мелодия, Япония – ритм»). Причём, заимствуя, она перерабатывала чужие идеи применительно к собственным национально-культурным традициям. В XX в. эта особенность менталитета японцев позволила им в кратчайшие сроки приобщиться к мировому научно-техническому опыту.

Существенно расширился внутренний рынок страны. В результате проведенных аграрных преобразований значительно повысился спрос крестьян-собственников на сельскохозяйственную технику, удобрения, химикаты и т.д. Умело формировался потребительский спрос городского населения. В 50 – 60-е годы появился набор из т.н. “трёх сокровищ” (телевизор, стиральная машина, холодильник), который пропагандировался как символ престижа и материального благополучия “среднего класса”. В погоне за этими “сокровищами” население страны своими накоплениями стимулировало развитие важнейших отраслей промышленности. Столь же удачно был составлен и второй набор для 70 годов: цветной телевизор, кондиционер и автомобиль. Быстро расширявшийся внутренний рынок позволил создать сильную и конкурентоспособную электротехническую промышленность, мощное автомобилестроение*.

* В 1980 г. Япония произвела 7 млн легковых автомобилей и, опередив США (6,5 млн), вышла на первое место в мире.

На развитие промышленности Японии благотворно влиял также относительно низкий уровень военных расходов. На протяжении длительного периода он не превышал 1% валового национального продукта (ВНП). Несмотря на то, что по мере роста ВНП военные расходы в абсолютном исчислении увеличивались, для японской экономики они не были слишком обременительными.

Одним из определяющих факторов успешного экономического развития Японии являлось сохранение регулирующей роли государства в социально-экономической сфере. По своему характеру японская экономика является планово-рыночной, хотя и не имеет государственного сектора. Государство финансирует важнейшие отрасли экономики, научно-технические исследования (35% общего объёма финансирования), активно влияет на размещение производительных сил. Так, в 1973 г. был принят план “реконструкции японских островов”, который предусматривал перевод целого ряда предприятий в новые районы страны за счёт средств из госбюджета. Японское государство поставило под контроль и развитие сельского хозяйства. Это было обусловлено тем, что в конце 50-х годов обнаружилось резкое отставание сельского хозяйства от промышленности. Для его преодоления в 1961 г. был принят “Основной сельскохозяйственный закон”, целью которого было создание крупных капиталистических хозяйств по типу американских ферм. Это должно было стимулировать развитие сельскохозяйственного производства. Таким образом, государство эффективно влияло на ход экономических процессов в стране.

Росту национальной науки и техники способствовал также высокий образовательный уровень населения. С 1950 по 1980 г. количество вузов в Японии увеличилось более чем в 2,2 раза, численность преподавателей – в 5 раз, студентов – в 8 раз. В 80-е годы Япония вышла на первое место среди развитых капиталистических стран по удельному весу молодых людей, имеющих высшее образование, что было связано с резким расширением государственного финансирования этой сферы. В середине 80-х годов 93% взрослых японцев имели полное среднее образование, а 40% молодёжи, достигшей 25-летнего возраста, – высшее (в США – 20%). Благодаря подобной политике в области образования стали возможными научно-технические достижения, которые дали 45% прироста ВНП (для сравнения: вложения капиталов – лишь 43%).

И, наконец, бурный экономический подъём был непосредственно связан с особенностями японского национального характера, формировавшегося на протяжении столетий (нередко говорят, что японцы усердны как труженики и воздержаны как потребители). По данным статистики, средняя японская семья ежемесячно откладывает в виде сбережений около 20% своего бюджета, т.е. в три раза больше, чем американская. Причём, в отличие от американцев, предпочитающих покупать акции, японцы держат свои сбережения в виде вкладов. Эти средства, аккумулированные в банках, широко использовались для кредитования японской экономики. Официально поощряемые *патернализм* (т.е. “отеческое” отношение к подчинённым), *пожизненный найм* на крупных японских корпорациях, позволяют рабочим и служащим считать себя неотъемлемой частью “своих” предприятий*. Этому же способствуют и характерные для японцев стойкие традиции общинного сознания, уходящие своими корнями в феодальное прошлое.

* Система пожизненного найма сформировалась в Японии ещё в межвоенный период и была законодательно оформлена в 1938-1939 гг. В период американской оккупации она была восстановлена. Считается, что это было сделано для того, чтобы воспрепятствовать Японии быстро восстановить свою индустриальную мощь, поскольку американские эксперты в 1946 г. оценивали подобную форму найма как «исторический анахронизм, нелепый в условиях индустриализирующегося общества и вредный с точки зрения динамичности производства». Японцы же на этот счёт придерживаются совершенно иной точки зрения: «К счастью у нас действует пожизненная форма найма, которую нам по иронии судьбы навязали Соединённые Штаты в период оккупации» (Акио Морита, основатель фирмы «Сони»).

Бурное промышленное развитие страны во второй половине 50-х – начале 70-х годов имело большие *экономические последствия*:

— Япония сумела создать мощную промышленную структуру по типу развитых капиталистических стран.

— Промышленное производство Японии в 1970 г. превысило довоенный уровень в 11 раз. По темпам роста промышленности Япония значительно опережала развитые капиталистические страны: с 1960 по 1970 г. объём её промышленного производства увеличился на 269,5% (за этот же период в США – на 54,1%, ФРГ – на 73,6%, Франции – на 99,2%, Англии – на 31,2%). В итоге резко возрос удельный вес Японии в промышленном производстве капиталистического мира (в 1950 г. он составлял 1,7%, а в 1970 г. – 10,1%). К 80-м годам по уровню промышленного производства Япония прочно заняла второе место в мире.

— К 1970 г. Япония вышла на четвёртое место в мире (после США, ФРГ и Англии) по экспорту. На её долю приходилось 7% мирового экспорта.

В результате высокие темпы развития экономики Японии привели к значительному укреплению её позиций в капиталистическом мире.

Ускоренный экономический рост Японии имел и серьёзные *социальные последствия*. В 60-80-е годы происходила существенная трансформация японского общества. Особого внимания заслуживают несколько характерных тенденций:

— В этот период значительно возросла доля лиц наёмного труда. К началу 90-х годов для 90% населения страны заработная плата стала основным источником доходов.

— Происходило выравнивание доходов различных социальных групп. В Японии, по данным статистики, разница в доходах президента средней компании и неквалифицированного рабочего составляет 8:1 (в США — 20:1). С 1950 по 1960 г. доля бедных в населении страны сократилась с 52,5% до 33,8%, а к 1970 г. практически исчезла*. По данным социологических исследований 70% японцев причисляли себя к “среднему классу”, а 80% были вполне удовлетворены своей жизнью.

* Из-за начавшейся в конце 70-х годов структурной перестройки японской экономики этот показатель несколько вырос, но в целом оставался на достаточно низком уровне – 5,7%.

— Продолжался процесс *деперсонификации* (т.е. обезличивания) крупной собственности на средства производства. Как уже отмечалось, начало ему было положено ещё в конце 40-х годов, когда американские оккупационные власти провели распродажу собственности крупных японских монополистических объединений. Это привело к тому, что кардинально изменилась сама структура экономического организма Японии. Её центральным звеном стали банки, а не крупные промышленные концерны (как в США и Западной Европе). К 1980 г. в крупных японских компаниях доля собственного капитала составляла менее 20%, остальная же часть их средств формировалась за счёт банковских кредитов. В свою очередь банковский капитал также не имел индивидуального собственника — он формировался из вкладов населения страны. Благодаря своей честности и надёжности японские банки завоевали колоссальный авторитет как внутри страны, так и за её пределами.

Большое влияние на развитие Японии оказал *мировой энергетический кризис 1973-1974 годов**. Он завершил период высоких темпов в её экономическом развитии.

* Он был вызван обострением Ближневосточного кризиса и решением государств-экспортёров нефти о сокращении добычи и поставок нефти в те страны, которые поддерживали Израиль, в том числе и в Японию.

6. Развитие экономики во второй половине 70-х — 90-е годы

Возросшие цены на топливо и сырьё показали уязвимость японской экономики, зависимой от экспорта топливно-сырьевых ресурсов*. Поэтому был взят курс на её *структурную перестройку*, которая продолжалась практически 10 лет – с 1978 по 1988 г. Суть

этой перестройки состояла в переориентации экономики страны с топливно- и энергоёмких отраслей (чёрная и цветная металлургия, автомобильная промышленность, судостроение, производство цветных телевизоров и др.) на наукоёмкие и технологически сложные виды производства (электроника, производство компьютеров, аппаратуры связи, средств автоматизации и т.д.). В 1979 г. была принята долгосрочная энергетическая программа, предусматривавшая снижение зависимости экономики от импорта энергоисточников за счёт перехода на новые источники энергии. Принятые меры позволили существенно сократить потребление сырьевых и топливных ресурсов.

* В начале 70-х годов Япония экспортировала 99,5% потребляемой нефти (из них около 80% — с Ближнего Востока), 99,2% железной руды, 79,9% коксующегося угля, 51,4% природного газа и т.д.

В 80-е годы Япония оставалась одной из наиболее динамично развивавшихся стран: её среднегодовые темпы экономического роста составляли примерно 4% (1-е место среди развитых капиталистических стран). Стабильно увеличивался ВВП: в 1980 г. он превысил 1000 млрд долл., а к концу 80-х годов составил 2420 млрд долл. За этот же период экспорт увеличился почти на 30%. Уровень безработицы был самым низким среди развитых капиталистических стран и в среднем составлял 2,5%.

Наряду с этим, в 80-е годы в японской экономике прослеживались и тревожные тенденции. Быстрый рост экспорта и приток сбережений граждан обеспечили японским банкам огромные средства. Но из-за высокой стоимости рабочей силы внутри страны (в 1986 г. номинальная заработная плата японских рабочих стала самой высокой в мире) эти средства направлялись не столько на кредитование промышленных предприятий, сколько на спекулятивные сделки с акциями и недвижимостью. В результате искусственно взвинчивалась их стоимость, создавался т.н. “финансовый мыльный пузырь”. Именно в это время японцы скупали по всему миру уникальные произведения искусства (например, “Подсолнечники” Ван Гога), а также виллы и замки в наиболее престижных уголках планеты.

Но в начале 90-х годов “финансовый пузырь” лопнул: резко снизились цены на землю и упали курсы акций. Это больно ударило по экономике Японии. Наибольший ущерб понесла банковская система. В 1996—1997 гг., впервые за весь послевоенный период, начались банкротства банков. Кризис финансовой системы вызвал *рецессию* (т.е. спад производства или замедление темпов его роста) в японской экономике, самую тяжёлую и продолжительную за всю послевоенную историю. Сократился объём промышленного производства (в 1998 г. он составлял 97,6% от уровня 1995 г.). Происходило свёртывание производства и капиталовложений.росло количество банкротств: в 1998 г. обанкротилось 17 тыс. компаний, а с мая по июль 1999 г.— 11 тыс. В 2000 г. число корпоративных банкротств увеличилось на 23,4% (после обанкротившихся компаний осталось около 246 млрд долларов долгов). Для того чтобы остаться “на плаву”, японские компании вынуждены проводить реструктуризацию, в том числе, уменьшать заработную плату и сокращать рабочие места. В результате уровень безработицы поднялся до рекордно высокой по японским меркам отметки — 4,3% трудоспособного населения (для сравнения: в США уровень безработицы в 4,3% был зафиксирован в январе 1999 г. и признан самым низким за последние десятилетия).

В итоге 90-е годы стали для Японии “потерянным десятилетием”. Резко сократились темпы её экономического роста — в среднем они составили немногим более 1% в год (для сравнения: в США среднегодовой рост в эти годы был равен 3,7%, в странах ЕС — 2,2%; среди семёрки ведущих государств данный показатель в 90-е годы оказался ниже только у Италии). Экономические неурядицы обусловили и определённые изменения в общественном сознании японцев, подорвали у них доверие к государству как гаранту стабильности и процветания.

Для преодоления кризисных явлений японское правительство предприняло ряд действий. В апреле 1998 г. был принят пакет “пожарных мер”, предусматривавший крупные бюджетные ассигнования (более 110 млрд долл.) для оживления экономической конъюнктуры. Разработан и начал осуществляться т.н. “план тотального финансового оздоровления”. В целом

же в 1998 г. для преодоления кризисных явлений государство ассигновало астрономическую сумму — 84 трлн иен (684 млрд долл.). В то же время, попытки властей реанимировать экономику и вывести страну из кризиса путём увеличения государственных расходов привели к невиданному росту государственного долга, который в 2000 г. достиг 130% ВВП. Положение дел в экономике остаётся весьма сложным*. Примечательно, что эксперты ООН объясняют первые успехи в борьбе с рецессией общим улучшением экономической ситуации в Юго-Восточной Азии, а не работой японского правительства.

* Экономисты считают, что о выходе Японии из кризиса можно будет говорить лишь после того, как прирост её ВВП превысит 2% в год. По мнению некоторых специалистов, это может произойти в 2001 году (хотя имеются и более пессимистические прогнозы).

Таким образом, финансовый кризис, пережитый Японией в конце 90-х годов XX в., имел собственное, национальное происхождение и лишь по времени совпал с валютно-финансовым кризисом в Юго-Восточной Азии. Большинство азиатских государств с тревогой наблюдают за происходящим в Японии, поскольку её экономические проблемы могут спровоцировать новый региональный финансовый кризис*.

* Примечательно, что некоторые азиатские политики видят первопричину нынешних экономических неурядиц Японии в её «подражании Западу» и считают, что «копирование западной идеологии приведёт к краху Японии, как это было с японской империей в Восточной Азии» (Махатхир Мохамад, премьер-министр Малайзии).

Глубокие экономические и социальные изменения, происходившие в послевоенной Японии, продемонстрировали позитивный потенциал современного капитализма, его способность к существенной трансформации. В 80–90-е годы специалисты заговорили о «*японской модели*» общественного развития, которая, в известном смысле, может служить альтернативой европейской социал-демократической модели [подробнее см.: 6, 9, 10, 11].

В настоящее время доля Японии в мировом ВВП составляет 15% (второе место после США, чья доля — 25%), а её внешнеторговый оборот по своему объёму занимает третье место в мире (после США и ФРГ).

7. Общественно–политическое развитие

Ликвидация структур старого тоталитарного режима, разрешение на деятельность политических партий, амнистия для политзаключённых, проведенная американскими оккупационными властями, создали благоприятные условия для демократизации общественно-политической жизни страны. Уже в первые послевоенные месяцы в Японии начинает формироваться многопартийная система. Вышла из подполья Коммунистическая партия. На основе объединения довоенных социал-демократических групп была создана Социалистическая партия Японии. Произошла перегруппировка сил в буржуазном лагере, в результате чего возникли новые партии: в ноябре 1945 г. — Либеральная и Прогрессивная партии, в декабре — Японская партия сотрудничества. На формирование политической системы послевоенной Японии несомненное влияние оказало присутствие американских оккупационных войск, которые служили гарантом от всплесков экстремизма и применения насилия в качестве инструмента политики.

В развитии партийно-политической системы послевоенной Японии прослеживается три этапа.

Первый этап (1945–1955 гг.) характеризовался определённой политической нестабильностью. Экономические трудности первых послевоенных лет, нерешённость важных социальных проблем, отсутствие чёткой стратегии последующего развития,— всё это накладывало отпечаток на политическую ситуацию в стране. Конституция, принятая в 1947 г., создала прочную юридическую основу парламентской демократии. Все партии оказались в равных стартовых условиях, что предопределило накал внутривнутриполитической борьбы.

В соперничестве за власть консервативные и центристские партии использовали различные комбинации союзов и коалиций. К середине 50-х годов в консервативном лагере определились две противостоящие силы — Либеральная и Демократическая партии, которые на парламентских выборах получали относительное большинство голосов избирателей.

В левоцентристском лагере наиболее сильными позициями обладала Социалистическая партия Японии (СПЯ), дважды входившая в правительственные коалиции. Так, на парламентских выборах 1947 г. социалисты добились крупных успехов (за них проголосовало 26% избирателей) и лидер СПЯ Тэцу Катаяма с мая 1947 по февраль 1948 г. возглавлял коалиционное правительство (т.н. *правительство “среднего пути”*). Однако в начале 50-х годов в руководстве партии возникли острые разногласия по вопросу об отношении к мирному договору и “договору безопасности” в связи с предстоящей их ратификацией в парламенте. Правые выступили в поддержку мирного договора, но против ратификации “договора безопасности”, левые — против ратификации обоих договоров (поскольку мирный договор не был “всесторонним”). Это привело к организационному расколу партии в 1951 г. на Левую СПЯ и Правую СПЯ, что, несомненно, ослабило позиции социалистов.

Коммунистическая партия Японии (КПЯ) большим влиянием не пользовалась, что объяснялось жёсткой позицией оккупационных властей по отношению к леворадикальным элементам, особенно после начала Корейской войны, а также (и в немалой степени) — её стратегическими просчётами, склонностью к ультралевому авантюризму. Так, в 1951 г. была принята новая программа КПЯ, в которой Япония характеризовалась как колониальная, зависимая страна, а в качестве главной задачи партии определялась борьба против американского империализма. Часть руководства Компартии высказалась за т.н. “военный курс”, предусматривавший вооружённую борьбу против американских оккупационных войск, и начала подготовку к партизанской войне. Подобная политика, не учитывавшая реальной обстановки в стране, привела к фактической изоляции партии от масс, резкому снижению её влияния. В итоге, на парламентских выборах 1952 г. коммунисты не получили ни одного депутатского мандата. Это заставило их начать пересмотр своих позиций, и в 1955 г. КПЯ окончательно осудила и отвергла “военный курс”.

В середине 50-х годов произошла новая перегруппировка политических сил. По требованию Генерального совета профсоюзов в октябре 1955 г. было восстановлено единство СПЯ, что укрепило позиции левых сил в парламенте. Это вызвало обеспокоенность среди руководителей деловых кругов Японии, которые настояли на объединении консервативных партий. В ноябре 1955 г. на основе объединения Либеральной и Демократической партий была образована *Либерально-демократическая партия* (ЛДП). С момента своего создания ЛДП поставила задачу “самостоятельного исправления” конституции и пересмотра “законодательства периода оккупации” (в первую очередь подразумевалась ст. 9-я конституции, препятствовавшая вооружению Японии).

Консолидация консервативных сил и образование ЛДП, располагавшей абсолютным большинством мест в парламенте, положили начало *второму этапу* в развитии общественно-политической системы Японии. Он продолжался с 1955 по 1993 г. и характеризовался бесменным правлением кабинетов ЛДП. Такая система получила название “*полупарламентской*” (в отличие от двухпартийной системы западного образца)*. Неизменному успеху либеральных демократов на выборах способствовал целый ряд факторов.

* Суть «полупарламентской» системы состоит в длительном единоличном правлении одной политической партии, обеспеченном конституционным путём, в условиях реально существующей многопартийной системы.

Во-первых, в японском обществе доминировали консервативные настроения. Особенно это было характерно для сельского населения, численность которого существенно возросла в связи с репатриацией гражданских лиц с ранее занятых территорий (из Маньчжурии, Кореи и др). Репатрианты, как правило, составляли электорат консервативных политических сил. Кроме того, многочисленный слой крестьян-собственников, получивших землю в результате

проведенных американцами аграрных преобразований, был вполне удовлетворён аграрной политикой правительства и фактически отошёл от поддержки левых партий.

Во-вторых, объединение консервативных партий положило конец постоянному соперничеству между ними в ходе парламентских выборов. А это дало возможность сосредоточить главное внимание на решении экономических проблем. Стабильный экономический рост второй половины 50-х — начала 70-х годов способствовал укреплению имиджа ЛДП в глазах избирателей.

В-третьих, внутри ЛДП большую роль играют фракции, первоначально образовавшиеся на базе партий, её создавших. Внутрипартийные группировки не всегда занимали одинаковые позиции по вопросам внутренней и внешней политики, что заставляло руководство партии двигаться к консенсусу, учитывать мнения более широкого политического спектра.

В-четвёртых, прочное положение ЛДП во многом объяснялось слабостью и раздробленностью оппозиции. Получив конституцию и другие демократические институты из рук американских оккупационных властей, оппозиционные силы были вынуждены отстаивать уже достигнутое, противостоять попыткам консерваторов пересмотреть демократическое законодательство, т.е. невольно выполнять охранительные функции. Это лишало оппозицию политической инициативы. Кроме того, ни одна из оппозиционных партий не могла представить собственный план развития страны, который смог бы стать реальной альтернативой экономической политике ЛДП. Поэтому деловые круги Японии считали оппозицию неконструктивной и боялись подпускать её к власти. Понижала привлекательность оппозиции в глазах избирателей и происходившая деидеологизация японского общества, что в первую очередь было связано с его существенной трансформацией в условиях быстрого экономического развития и резким сокращением маргинальных слоёв, недовольных своим положением.

В итоге единоличное правление либерал-демократов на протяжении длительного периода позволило обеспечить стабильное внутриполитическое развитие страны, выполнить широкомасштабные программы социально-экономического развития. При этом необходимую соревновательность в выборе правильных тактических решений обеспечивала внутрипартийная фракционность, характерная для ЛДП. К примеру, в 1962 г. был принят беспрецедентный по своему характеру план удвоения ВВП за 10 лет (т.н. *“план Идзанаги”*), который был успешно выполнен.

В своей деятельности правительства ЛДП руководствовались интересами большинства нации, всячески избегая раскола в обществе. Поэтому их внутренняя политика была эффективной и плодотворной. Им удалось обеспечить быстрое и устойчивое развитие экономики, высокий жизненный уровень населения, резко сократить имущественное неравенство, сгладить противоречия между трудом и капиталом. Это позволило достичь *“политического чуда”* — длительной общественно-политической стабильности в стране, что, в свою очередь, давало возможность либеральным демократам проводить избранный ими экономический курс.

8. Кризис ЛДП

Бессменное пребывание либеральных демократов у власти, тесная связь их руководства с финансово-промышленными кругами создавали почву для злоупотреблений. В 1976 г. разразился политический скандал, связанный с деятельностью американского авиастроительного концерна *“Локхид”*, пытавшегося продвинуть свою продукцию на японский рынок. Выяснилось, что ряд видных правительственных деятелей Японии, включая бывшего премьер-министра К. Танака, получили от концерна крупные взятки. *“Дело “Локхида”* было рассмотрено в японском суде, который приговорил Танака к тюремному заключению. Выявленные факты коррупции в руководстве ЛДП привели к снижению её популярности. Ещё один серьёзный удар по престижу правящей партии был нанесен в 1988 г., когда вскрылись факты незаконной деятельности компании *“Рикруто космос”*. *“Дело “Рикруто”* переросло в новый политический скандал, к

которому оказались причастными многие руководящие деятели ЛДП. Подобные скандалы подрывали позиции либеральных демократов, приводили к обострению внутривнутрипартийной борьбы. Вместе с тем, гласное и объективное рассмотрение фактов злоупотреблений и коррупции в высших эшелонах власти свидетельствовало о нравственном здоровье политической системы Японии, о её способности к самоочищению и саморегулированию. Опыт послевоенного развития японского общества свидетельствует о том, что оно сумело выработать свой собственный стиль жизни, основанный на гармоничном сочетании традиционных и современных черт, который существенно отличает его от гражданского общества развитых стран Запада.

В начале 90-х годов борьба фракций внутри ЛДП ещё более обострилась. В 1993 г. произошёл её организационный раскол: партию покинула большая группа парламентариев, несогласных с политикой руководства. Это подорвало позиции либеральных демократов в парламенте, что привело к отстранению их от власти.

Эти события ознаменовали начало *третьего этапа* в развитии партийно-политической системы Японии, который продолжается по сегодняшний день. На короткое время к власти пришло коалиционное правительство, сформированное из представителей 7 бывших оппозиционных партий. Однако правительственная коалиция оказалась неустойчивой и продержалась меньше года. Летом 1994 г. ЛДП сумела вернуться к власти, образовав коалицию со своим прежним непримиримым соперником — Социал-демократической партией Японии (СДПЯ), а также небольшой партией Сакигакэ (Предвестник). Либеральным демократам пришлось даже пожертвовать постом премьер-министра, который занял лидер социал-демократов Т. Мурояма. Постепенно ЛДП вновь набирала силу, в то время как социалисты, вступившие в союз с консерваторами, быстро теряли своё влияние в массах. Парламентские выборы 1996 г. принесли ЛДП большинство депутатских мест, что позволило либеральным демократам вновь сформировать однопартийное правительство.

В июне 1998 г. СДПЯ и Сакигакэ заявили об отказе от сотрудничества с ЛДП и перешли в оппозицию. Для укрепления своего положения в парламенте в январе 1999 г. ЛДП образовала правительственную коалицию с неоконсервативной Либеральной партией. Позднее к ней примкнула партия Комэйто. Учитывая опыт имевших место скандалов, весной 1999 г. был принят Моральный кодекс государственных служащих, призванный содействовать укреплению дисциплины, предупреждению злоупотреблений чиновников и укреплению доверия народа к власти. В мае 2000 г. новый премьер-министр Японии *Иосиро Мори* выступил с политической программой “возрождения Японии”, предусматривающей обновление её экономики и проведение структурных реформ, которые могут оказаться болезненными для народа [см. приложение 1.8]. С декабря 2000 г. проводится *административная реформа*, целью которой является повышение эффективности государственного аппарата и уменьшение расходов на его содержание. В рамках этой реформы уже сокращено общее число министерских портфелей с 19 до 15. К февралю 2001 г. Иосиро Мори отправил в отставку трёх министров своего кабинета по подозрению в нарушении закона *.

* В апреле 2001 г. кабинет министров Японии во главе с премьер-министром Иосиро Мори подал в отставку. Новым премьером стал лидер Либерально-демократической партии *Дзюнъитиро Коидзуми*.

Характерной тенденцией общественно-политической жизни Японии 90-х годов XX в. стали интенсивные процессы перегруппировок в лагере оппозиции, имевшие своей целью консолидацию партий и движений, отстранённых от реальной политической власти. В конце 1994 г. на основе объединения 9 политических партий и группировок возникла новая крупная неоконсервативная сила — Партия новых рубежей (ПНР). Её создание стало наиболее реальным шансом вплотную приблизиться к формированию в Японии стабильной двухпартийной системы по американскому образцу. Однако отсутствие единства в новой партии, непрекращавшаяся межфракционная борьба не позволили ей стать реальным соперником ЛДП в борьбе за власть. Рейтинг ПНР неуклонно снижался, и в декабре 1997 г. было объявлено о её самороспуске.

Таким образом, в настоящее время прочность политических позиций либеральных демократов (на парламентских выборах в июне 2000 г. их коалиция получила 271 депутатский мандат из 480) во многом определяется слабостью и раздробленностью оппозиции. Наиболее влиятельными партиями, из противостоящих ЛДП, на сегодняшний день являются Демократическая партия, Либеральная партия, Новая партия мира, а также Коммунистическая и Социал-демократическая партии.

9. Внешняя политика

Политическая и деловая элита Японии сумела извлечь уроки из национальной трагедии, к которой привели страну руководители прежнего тоталитарного режима. В послевоенный период была разработана стратегия мирного развития, в основе которой лежали два главных принципа.

Во-первых, Япония официально отказалась от использования военной силы в международных отношениях, что было зафиксировано в конституции 1946 г. В последующие годы этот миролюбивый курс получил дальнейшее развитие. В 1968 г. японское правительство сформулировало “*три неядерных принципа*” — не иметь, не производить, не ввозить ядерное оружие (правда, эти принципы так и не были оформлены в виде закона, остались добровольным обязательством японского руководства). В 1976 г. было принято “*заявление из 77 слов*”, в соответствии с которым Япония обещала ограничить свои военные расходы 1% ВВП. Эти важнейшие военно-политические решения способствовали демократическому развитию страны, обеспечивали мир и стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, укрепляли доверие к Японии стран-соседей, заплативших миллионами жизней в период завоевательных походов японских милитаристов.

Во-вторых, оказавшись в условиях “холодной войны” и биполярного мира, Япония пошла на сближение с США. Подписанные японо-американские договоры (1951 и 1960 гг.) обеспечили прочный военно-политический союз двух стран. Получив надёжную гарантию военной защиты, Япония смогла сосредоточиться на решении своих внутренних проблем. При этом японская дипломатия последовательно поддерживала политические действия США на международной арене, но всячески препятствовала втягиванию своей страны в военные акции американцев периода “холодной войны”. Таким образом, внешняя политика Японии была “проамериканской” лишь в той мере, в какой это не противоречило её национальным интересам.

В 50–60-е годы Япония играла на международной арене второстепенную роль, участвуя в решении лишь местных, региональных проблем. Но быстрый экономический взлёт страны, её выход на передовые рубежи в мировой экономике выявили несоответствие реального удельного веса Японии в мировом хозяйстве её месту в международной политике. Поэтому в 70-е годы японское руководство стало добиваться права участвовать в решении глобальных, мировых проблем. В 1975 г. Япония впервые приняла участие в переговорах глав правительств ведущих капиталистических держав, что свидетельствовало об официальном признании её важной роли в мировом сообществе. С этого времени она стала активным членом “большой семёрки”. Активизировалась деятельность Японии в ООН и ведущих международных организациях. В 1992 г. был принят закон о содействии миротворческим усилиям ООН, в соответствии с которым японские военнослужащие, впервые после Второй мировой войны, были направлены за пределы страны. Они участвовали в невоенных операциях ООН по поддержанию мира в Юго-Восточной Азии, Африке и на Ближнем Востоке.

Союз с США остаётся основой современной внешней политики Японии. Это всемерно способствует углублению их военно-политического сотрудничества и экономических связей. Но в условиях окончания “холодной войны” японское руководство попыталось наполнить “договор безопасности” новым содержанием, изменить его направленность с совместной обороны японского архипелага на разработку совместных японо-американских мероприятий по поддержанию мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В рамках этой стратегии в сентябре 1997 г. была принята *новая оборонительная доктрина* Японии [Подробнее см.: 1, 19]. В настоящее время Япония и США являются крупнейшими в мире торговыми

партнёрами. Одновременно Япония поддерживает и успешно развивает связи с *Западной Европой*. Однако это экономическое сотрудничество не всегда развивается гладко, безболезненно. Нередко американские и западноевропейские монополии не могут выдержать натиска японских товаров, что приводит к обострению торгово-экономических противоречий.

Важнейшее значение Япония придаёт развитию отношений с соседними азиатскими странами, в первую очередь с государствами-членами *АСЕАН*. К началу 80-х годов она добилась доминирующего положения в Восточной и Юго-Восточной Азии (ЮВА), которую считает традиционной зоной своего влияния. Большую помощь Япония оказала государствам ЮВА в преодолении последствий *азиатского валютно-финансового кризиса 1997 г.* С июля 1997 г. для этих целей было выделено около 80 млрд долл., в том числе 30 млрд долл. государственной помощи в рамках т.н. *инициативы Миядзавы* (министра финансов Японии). Чтобы закрепить и расширить в этом регионе своё влияние в противовес Китаю, а также усилить международную роль иены, осенью 1997 г. японское правительство выдвинуло идею создания регионального Азиатского валютного фонда в качестве альтернативы МВФ. Однако эта инициатива не получила поддержки стран “большой семёрки” и от неё пришлось отказаться. Тем не менее, проблема азиатского регионализма остаётся одной из главных во внешней политике Японии. В ноябре 1999 г. на саммите государств АСЕАН, проходившем по формуле “*АСЕАН плюс 3*” (Япония, Китай и Южная Корея), впервые, пока в постановочной форме, обсуждалась схема экономического объединения представленных государств по этапам: таможенный союз — общий рынок — единая валюта и единая экономика.

Регион Восточной и Юго-Восточной Азии важен для Японии и с военно-стратегической точки зрения — от того, как складывается здесь обстановка, во многом зависит её безопасность. Поэтому Япония не ограничивается одними лишь экономическими связями с соседними государствами, но и целенаправленно расширяет с ними политические контакты. В мае 1999 г. японский парламент утвердил пакет документов, которые предоставили правительству право направлять войска за рубеж для совместных операций с вооружёнными силами США в случае “чрезвычайных обстоятельств в прилегающих районах” (раньше японскую армию — Силы самообороны, — разрешалось приводить в действие только в случае непосредственной агрессии против страны).

Серьёзное внимание уделяется отношениям с *КНР*. В начале 70-х годов правительство Японии отказалось от политики “сдерживания” Китая и пошло на политический диалог с китайским руководством. Это позволило снизить напряжённость в двусторонних отношениях и открыть путь к широкому развитию межгосударственных связей. В 1972 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения, а в 1978 г. — подписан *Договор о мире и дружбе*, завершивший процесс японо-китайского урегулирования. Это поставило под угрозу традиционно прочные отношения Японии с Тайванем, поскольку неперемными требованиями КНР были признание Тайваня “неотъемлемой частью территории Китая” и разрыв дипломатических отношений с тайваньским правительством. Тем не менее, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, Япония сохранила с Тайванем тесные торгово-экономические и прочие связи. Япония активно поддерживает экономические реформы, проводимые в Китае с конца 70-х годов. В 1992 г. состоялся первый в истории визит японского императора Акихито в КНР. Успешно развиваются торгово-экономические связи: в настоящее время Китай является вторым по объёму товарооборота (после США) торговым партнёром Японии и самым важным её партнёром в Азии — прямые инвестиции Японии в Китае составляют свыше 13 млрд долл. (это самые большие японские инвестиции в азиатском регионе). Японо-китайское сближение может стать важным фактором стабильности в Азии и во всём мире.

Японо-советские отношения в 60—80-е годы развивались неровно. Их плодотворному развитию мешали действия советского руководства по наращиванию военной мощи на Дальнем Востоке, а также проамериканский курс японского правительства и принцип “неразделения политики и экономики”, которым оно длительное время руководствовалось в отношении СССР.

При этом развитие экономического сотрудничества ставилось в прямую зависимость от решения проблемы “северных территорий”. В эпоху советской “перестройки” позиция М.С. Горбачёва относительно спорных островов претерпела эволюцию от традиционно категоричной (“мы Японии войну не проигрывали”) до неопределённой (“не знаю сам, отдадим острова или нет”) [см. приложение 1.7].

После распада Советского Союза политика Японии в отношении России стала более сбалансированной и реалистичной, что способствовало расширению двусторонних контактов в различных областях. Японское правительство выступает в поддержку политико-экономических реформ в России, оказывает ей техническое и финансовое содействие. В конце 90-х годов товарооборот между двумя странами составлял примерно 6 млрд долларов. В 1997 г. Япония официально заявила об отказе от требования немедленного возвращения ей “северных территорий”. В ходе последующих встреч политических лидеров двух стран было решено приложить все силы к подписанию мирного договора между Японией и Россией до конца 2000 года. Во время визита Президента России В.В. Путина в Японию (сентябрь 2000 г.) были продолжены переговоры по проблеме мирного договора и о развитии торгово-экономического сотрудничества между двумя странами, но вопрос о южнокурильских островах не нашёл своего окончательного решения. В октябре 2000 г. Россия открыто признала, что подписать мирный договор с Японией невозможно без “определения принадлежности” спорных Южных Курил.

10. Украинско-японские отношения

В декабре 1991 г. Япония признала Украину как суверенное, независимое государство. Вскоре между ними были установлены дипломатические отношения. Важным шагом к расширению взаимовыгодных двусторонних связей стал визит в Японию Президента Украины Л.Д. Кучмы в марте 1995 г., в ходе которого был подписан первый в украинско-японских отношениях политический документ — Совместное заявление двух стран. В нём были определены наиболее перспективные направления сотрудничества в политической и экономической сферах, а также в различных отраслях науки, техники, культуры и образования. Японское правительство заявило о своей поддержке проводимых в Украине рыночных реформ, предоставило ей ряд займов и кредитов. Было решено усилить помощь Украине для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, а также частично финансировать мероприятия по уничтожению ядерного оружия, размещённого на её территории. В современной Японии наблюдается подъём общественного интереса к Украине: созданы ассоциации японско-украинской дружбы, Ассоциация украинистов Японии, которая объединяет в своих рядах представителей научной интеллигенции страны. Однако торгово-экономические отношения между Японией и Украиной ещё не получили широкого развития, имеют лишь символический характер, что никак не соответствует потенциальным возможностям двух стран.

Литература

1. Беспалова М.А., Собянин А.Д. Что грозит Японии? Изменения последних лет в японской концепции национальной безопасности // Профи.— 2000.— № 3-4.— С. 47-59.
2. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т.: Учебник.— Т. 2.— М.: Высш. шк., 1998.
3. Вербицкий С.И. Япония в поисках новой роли в мировой политике.— М.: Наука, 1992.
4. Гренвилл Дж. История XX века: Люди, события, факты.— М.: Аквариум, 1999.
5. Говоров Ю.Л. История стран Азии и Африки в новейшее время. Основы лекционного курса. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.
6. Демократия в Японии: опыт и уроки: [Материалы “круглого стола” советских японоведов].— М.: Наука, 1991; Демократия в Японии: современность и традиции: “круглый стол” // Восток.— 1991.— № 4.— С. 57-73.
7. Динкевич А.И. Творец японского “экономического чуда” (памяти С. Окита) // Восток.— 1994.— № 1.— С. 114-123.

8. Дюрозель Жан-Батист. Історія дипломатії від 1919 року до наших днів.— К.: Основи, 1995.
9. Еремін В.Н. Политическая система современного японского общества.— М.: Наука; ИФ “Вост. литература”, 1992.
10. Загорский А. Гражданское общество в Японии // Мировая экономика и международные отношения (далее — МЭМО).— 1996.— № 6.— С. 97-105.
11. Загорский А. Куда идёт японский капитализм: социальные уроки социалистическому реформизму // МЭМО.— 1991.— № 2.— С. 44-54.
12. Исторический опыт Японии: в чём специфика? [Беседа за “круглым столом”] // Азия и Африка сегодня.— 1990.— № 10.— С. 29-33.
13. История Японии (1945-1975).— М.: Наука, 1978.
14. История Японии, 1868—1998: Учеб. пособие /РАН, Ин-т востоковедения.— [Т.] 2.— М.: ИВ, 1998.
15. Козицький А. Новітня історія країн Азії та Африки (1918—1999): Курс лекцій.— Львів: Вид. науково-технічної літератури, Вид. фірма “Афіша”, 2000.
16. Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией и территориальный вопрос // Азия и Африка сегодня.— 2000.— № 11.— С. 68-73; № 12.— С. 54-61.
17. Кошкин А.А. Проблема мирного урегулирования с Японией. Исторический аспект // Вопросы истории.— 1997.— № 4.
18. Крупянко М.И. Япония 90-х: В поисках модели отношений с новой Россией.— М.: ИФ “Вост. литература” РАН, 1997.
19. Крупянко М., Арешидзе Л. Япония: Концепция национальной безопасности // Азия и Африка сегодня.— 1999.— № 3.— С. 26-30.
20. Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии.— М.: Высш. школа, 1988.
21. Міжнародні відносини та зовнішня політика (1945 — 70-ті роки): Підручник / В.А. Манжолла, М.М. Білоусов, Л.Ф. Гайдуков та ін.— К.: Либідь, 1999.
22. Николаева О. Проблема политической реформы в Японии // МЭМО.— 1993.— № 1.— С. 97-106.
23. Николаева О. Социалистическая партия Японии: от левой ортодоксии к правоцентризму // МЭМО.— 1997.— № 1.— С. 102-107.
24. Николаева О. Японская оппозиция сегодня: перегруппировка политических сил продолжается // МЭМО.— 1999.— № 2.— С. 70-76.
25. Сапожников Б.Г. Япония между 1945 и 1980 годами: Итоги и уроки // Народы Азии и Африки.— 1980.— № 5.— С. 29-39.
26. Славинский Б.Н. Сан-Францисская конференция 1951 г. // Проблемы Дальнего Востока.— 1991.— № 3,4.
27. Славинский Б.Н. Сан-Францисская конференция по мирному урегулированию с Японией и советская дипломатия: новые дела из архива МИД России // Проблемы Дальнего Востока.— 1994.— № 1.— С. 80-100.
28. Тихвинский С.Л. К истории восстановления послевоенных советско-японских отношений // Вопросы истории.— 1990.— № 9.— С. 3-28.
29. Топёха П.П. Социально-политические изменения в Японии после второй мировой войны // Вопросы истории.— 1980.— № 10.— С. 59-74.
30. Черевко К. Как продлить “цветение сакуры”: (В поисках путей к заключению мирного договора России с Японией) // МЭМО.— 1998.— № 11.
31. Черняев А.С. Горбачёв и японская проблема: [Воспоминания] // Новая и новейшая история.— 2000.— № 3.— С. 141-156.
32. Это будет “правительство возрождения”: Программная политическая речь премьер-министра Японии Иосиро Мори на 147-й сессии парламента // Независимая газета.— 2000.— 4 мая.— С. 5.
33. Юрьев М.Ф. История стран Азии и Северной Африки после второй мировой войны (1945-1990): Учебное пособие.— М.: Изд-во МГУ, 1994.

34. Японский феномен.— М.: ИВ; Упрполиграфиздат Администрации Моск. обл., 1996.
35. Япония наших дней: (Справочное изд.).— М.: Наука, 1983.
36. The Oxford history of the twentieth century / Ed. by Michael Howard and Wm. Roger Louis.— Oxford; New York: Oxford University Press, 1998.

К и т а й

1. Послевоенный политический кризис

Длительная национально-освободительная война против японской агрессии потребовала сплочения всех патриотических сил Китая. В годы войны два ведущих военно-политических центра — *Коммунистическая партия Китая* (КПК) и *Гоминьдан* (национальная партия) — на время прекратили своё противоборство за власть и переключились на борьбу с японскими захватчиками. В период Второй мировой войны советское руководство рассматривало Центральное (гоминьдановское) правительство Китая, возглавляемое генералиссимусом *Чан Кайши*, как своего главного политического партнёра, оказывавшего сопротивление японской агрессии.

14 августа 1945 г. в Москве был подписан *Договор о дружбе и союзе* между СССР и Китаем, заложивший основы для их взаимодействия в борьбе против милитаристской Японии, а также послевоенного сотрудничества. Договор и подписанные одновременно с ним межправительственные соглашения предусматривали вступление советских войск в Маньчжурию*, а также возвращение Советскому Союзу всех прав и привилегий, полученных Россией в конце XIX в. и утраченных в результате её поражения в русско-японской войне 1904—1905 гг. и оккупации Маньчжурии японцами в 1931 г. (в том числе возвращение железных дорог и других важных объектов, построенных царской Россией на территории Маньчжурии). Всё это значительно укрепляло стратегические позиции СССР на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Заклячая с советским руководством эти соглашения, ущемлявшие государственный суверенитет Китая, Чан Кайши рассчитывал, что Советский Союз не станет оказывать поддержку китайским коммунистам в гражданской войне и не передаст им Маньчжурию после вывода своих войск. Однако в дальнейшем эти расчеты не оправдались.

* Советские войска должны были находиться в Маньчжурии на протяжении трёх месяцев со дня капитуляции Японии, а затем уйти, передав власть китайской администрации. Однако срок вывода советских войск дважды откладывался (один раз — по просьбе Центрального правительства, не успевавшего перебрасывать в Маньчжурию свои войска, другой — по решению советского командования «из-за сложности транспортировки большой численности войск в зимнее время»). Эвакуация советских войск была завершена в конце апреля — начале мая 1946 г. Американские же войска находились на территории Китая до февраля 1949 г.

Завершение войны и капитуляция милитаристской Японии не принесли китайскому народу долгожданного мира. По сути дела, на территории Китая сформировались два враждебные друг другу государственных образования, каждое из которых имело собственный административный аппарат, своё законодательство и свои вооружённые силы. КПК контролировала северные и северо-восточные районы страны (т.н. Освобождённые районы), где проживало 100 млн человек, остальная же часть территории Китая с населением свыше 300 млн человек находилась под контролем Центрального правительства. За годы войны Компартия Китая, которую возглавлял *Мао Цзэдун*, значительно укрепила свои позиции. Её численность возросла в 30 раз (с 40 тыс. до 1,2 млн человек). Антифеодальная и антиимпериалистическая политика коммунистов пользовалась доверием и поддержкой населения Освобождённых районов. Неуклонно росла численность регулярных вооружённых сил КПК, которые к августу 1945 г. насчитывали 910 тыс. человек. Гоминьдан же в этот период переживал острый кризис. В годы войны он был оттеснён в экономически отсталые районы страны, что привело к его существенной эволюции. Значительно сократилась социальная база партии, а её главной социальной опорой стала бюрократия, фактически превратившаяся в “бюрократическую буржуазию”, чьё господство было основано не на частной, а на государственной собственности. Режим, установленный Чан Кайши в подконтрольных районах, был по своей сути диктаторским и не отвечал интересам большинства населения. Ослабляла Гоминьдан и острая внутривнутрипартийная борьба, которую вели различные политические группировки и кланы. Тем не

менее, Центральное правительство оставалось влиятельной военно-политической силой и располагало армией численностью 4,3 млн человек.

После освобождения Маньчжурии от японских оккупантов политический курс советского руководства в отношении Китая претерпевает существенные изменения. Продолжая провозглашать политику невмешательства во внутренние дела Китая, правительство СССР начинает переориентацию от союза с Центральным правительством Чан Кайши к фактической поддержке КПК как более перспективного и идеологически близкого политического партнёра. Советское правительство оказало содействие руководству КПК в переброске в Маньчжурию коммунистических военных формирований (свыше 100 тыс. человек), на основе которых к началу 1946 г. была создана Объединённая демократическая армия (ОДА) численностью около 300 тыс. человек. Китайским коммунистам было передано вооружение и боевая техника японской Квантунской армии, разгромленной на территории Маньчжурии, а также оружие немецкого, чехословацкого и частично советского производства. Таким образом, при поддержке СССР Маньчжурия превратилась в важнейший опорный район КПК.

Крах японского оккупационного режима привёл к образованию “вакуума власти” на огромной территории Северного и Центрального Китая. И коммунисты, и гоминьдановцы стремились к установлению собственного контроля над этими обширными районами, где был сконцентрирован основной промышленный потенциал страны. Между их вооружёнными формированиями практически не прекращались локальные военные столкновения, грозившие вновь перерасти в широкомасштабную гражданскую войну.

2. Попытки мирного объединения страны (миссии П. Хэрли и Дж. Маршалла)

Для того чтобы разрядить напряжённость, президент США Трумэн выступил с инициативой проведения переговоров между КПК и Гоминьданом на высшем уровне. В качестве посла США в Китай был направлен специальный представитель американского президента генерал *Патрик Хэрли*. Он уговорил Чан Кайши послать приглашение Мао Цзэдуна приехать на переговоры по урегулированию внутривосточных проблем. Однако Мао Цзэдун, не отрицая возможности переговоров, выдвинул ряд предварительных условий, потребовав ликвидировать режим однопартийной диктатуры Гоминьдана, создать коалиционное правительство, провести радикальные преобразования и полную демократизацию в стране, а также признать за КПК контролируемые ею районы. Поскольку из-за неговорчивости сторон переговоры откладывались, Хэрли отправился в Яньань, где находилась ставка Мао Цзэдуна, чтобы от имени президента США и гоминьдановского правительства уговорить руководство КПК провести встречу с Чан Кайши. При этом Хэрли обратился к советскому послу в Китае с предложением принять участие в урегулировании отношений между Гоминьданом и КПК. Однако это предложение было отклонено, поскольку советское руководство официально придерживалось политики невмешательства во внутренние дела Китая.

Благодаря стараниям американского посла 28 августа 1945 г. начались переговоры между Мао Цзэдуном и Чан Кайши (продолжались до 9 октября 1945 г.). Эта была их первая личная встреча. В ходе переговоров удалось договориться о прекращении военного противостояния. Однако по территориальным вопросам согласия достичь не удалось: Чан Кайши настаивал на том, чтобы сохранить за КПК лишь т.н. “Особый район”*. Ещё более сложным оказался вопрос о вооружённых силах. КПК настаивала на сохранении всей своей армии, а Чан Кайши требовал её значительного сокращения и подчинения гоминьдановскому верховному командованию. В конечном счете, руководство Компартии согласилось ограничить свои вооружённые силы двадцатью дивизиями**.

* Так называлась главная опорная база КПК в Северном Китае на границе с Синьцзяном (с центром в г. Яньань), где с 1936 г. находилась штаб-квартира ЦК КПК и командования коммунистических войск.

** В беседе с советскими дипломатами Мао Цзэдун так пояснил свою позицию по данному вопросу: поскольку на переговорах не упоминалось о штатной численности дивизий, то КПК была намерена «втиснуть» в эти 20

дивизий все свои наличные войска. Наша дивизия, говорил Мао Цзэдун, может быть 15-тысячной, 20-тысячной, 30-тысячной, т.е. такой, какой она нам нужна [См.: 37, с.101].

Мао Цзэдун и другие руководители КПК признавали наличие шансов на мирное урегулирование и демократическое развитие страны, минуя гражданскую войну*. Однако согласованной программы действий по послевоенному обустройству Китая руководители КПК и Гоминьдана выработать так и не смогли. Переговоры были прерваны, поскольку стало известно, что войска Компартии под командованием генерала Линь Бяо быстрым темпом двигаются в направлении Северной Маньчжурии.

* По мнению Мао Цзэдуна, на момент проведения переговоров Чан Кайши еще не определил своего курса как во внутренней, так и во внешней политике («не знает, по какому пути ему идти»), не отказался от демократизации политической системы и сотрудничества с КПК, другими партиями и общественными силами в управлении страной, не склонился окончательно к односторонней ориентации на США [Подробнее см.: 37, с. 101-102]. Вполне созвучны с этой точкой зрения и наблюдения Хэрли, во время частной беседы с которым Чан Кайши сказал, что если он умрёт как диктатор, то его имя и всё, что он сделал для Китая будет забыто. Если же он даст стране демократию, даст народу свободу, введёт конституционный режим, то его имя навеки останется в истории Китая [34, с. 124].

Между двумя соперничавшими партиями развернулась борьба за те районы страны, которые ранее находились под японской оккупацией. Чтобы предотвратить захват коммунистами Северного Китая, американцы высадили десанты морской пехоты в его крупнейших портах, предоставили свои корабли и авиацию для переброски гоминьдановских войск в центральные и северные районы страны. В дальнейшем экспедиционный корпус США в Китае постоянно наращивался, и к лету 1946 г. его общая численность достигла 113 тыс. человек. Чан Кайши и командующий вооружёнными силами США на Дальнем Востоке генерал Макартур отдали приказ японскому командованию не капитулировать перед коммунистами, удерживать занимаемые объекты и сдавать их только гоминьдановским властям. Чан Кайши попросил советское руководство позволить ему ввести свои войска в Маньчжурию морем через полуостров Ляодун. Однако Советский Союз, оккупировавший этот район, отклонил эту просьбу. Поэтому войска Центрального правительства двинулись в Маньчжурию через районы, занятые американцами. Таким образом, достигнутые ранее договорённости о национальном примирении оказались под угрозой срыва. Убедившись в провале своей миссии, Хэрли подал в отставку.

В декабре 1945 г. в Москве состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Советское руководство предложило включить в его повестку дня вопрос о ситуации в Китае в связи с обострившимся там положением. По настоянию СССР, несмотря на протесты китайского правительства, этот вопрос обсуждался без участия представителей Китая. Участники совещания договорились о необходимости объединения и демократизации Китая под руководством национального правительства, о привлечении демократических элементов во все правительственные органы и о прекращении гражданской войны. Три державы обязались придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела Китая.

Решения Московского совещания дали импульс к возобновлению переговоров между компартией и Гоминьданом. Для посредничества в этих переговорах в Китай в качестве личного представителя Трумэна был направлен генерал *Джордж Маршалл*. Его официальная миссия (декабрь 1945 — январь 1947 гг.) состояла в том, чтобы содействовать мирному объединению страны. Однако дипломатическая деятельность Маршалла в Китае сдерживалась тем обстоятельством, что два других участника Московского совещания — СССР и Великобритания — от участия в урегулировании внутрикитайского конфликта воздержались*.

* Примечательно, что Чан Кайши, дав согласие на возобновление переговоров с коммунистами при посредничестве Маршалла, одновременно направил своего сына Цзян Цзинго в Москву с чрезвычайной миссией, поручив ему добиться согласия Сталина на установление в Маньчжурии контроля Центрального правительства и её

оккупацию, после вывода советских войск, гоминьдановскими войсками. Кроме того, Цзян Цзинго передал просьбу советскому руководству оказать воздействие на Мао Цзэдуна и побудить его отказаться от вооружённой борьбы за власть и пойти на сотрудничество с Гоминьданом. Сталин выразил понимание всей сложности обстановки, однако от вмешательства в китайские события воздержался [подробнее см.: 39].

Переговоры между КПК и Гоминьданом возобновились в конце декабря 1945 г. 10 января 1946 г. было подписано соглашение о прекращении военных действий и созыве Политической консультативной конференции (ПКК) с участием представителей Гоминьдана, КПК, а также других партий и беспартийных общественных деятелей. В ходе работы ПКК была разработана программа мирного объединения страны на демократической основе, которая предусматривала создание временного коалиционного правительства — Государственного совета с участием коммунистов и других политических сил, созыв Национального собрания, введение самоуправления провинций, демократизацию общественно-политической жизни и осуществление прогрессивных преобразований в экономике. Удалось достичь соглашения и по вопросу о реорганизации армии, численность которой было решено сократить до 60 дивизий (50 гоминьдановских и 10 коммунистических) по 14 тыс. человек. Принятые решения носили компромиссный характер и создавали реальные возможности для национального примирения. Однако дальнейшие события показали, что гоминьдановское руководство не собиралось отказываться от монополии на власть. В марте 1946 г. состоялся пленум ЦИК Гоминьдана, который формально одобрил решения ПКК, но с такими оговорками и дополнениями, которые заведомо не могли устроить коммунистов. Таким образом, процесс урегулирования был вновь сорван.

Весной 1946 г. обострилась обстановка в Маньчжурии, где между вооружёнными силами КПК и Гоминьдана развернулась ожесточённая борьба за районы, откуда выводились советские войска. В мае 1946 г. коммунисты, после ряда поражений, были отеснены из основных центров Южной и Центральной Маньчжурии. Гоминьдановские войска были готовы продолжить наступательные операции и располагали соответствующими возможностями. Но Маршалл, опасавшийся серьёзного конфликта с СССР, удержал Чан Кайши от наступления в направлении Северной Маньчжурии. Однако преодолеть углублявшийся политический кризис мирными, политическими средствами американцам так и не удалось, и в скором времени возобладали силовые методы решения спора о власти в Китае.

3. Эскалация гражданской войны и победа народной революции (1946—1949 гг.)

В июле 1946 г. войска Чан Кайши, рассчитывавшие на своё численное превосходство, начали широкомасштабное наступление на Освобождённые районы. В военных действиях были задействованы основные силы (80%) гоминьдановской регулярной армии. Таким образом, несмотря на формально продолжавшиеся переговоры (они длились до начала 1947 г.) гражданская война приобрела *всекитайский масштаб*.

На первых порах войскам Чан Кайши сопутствовал военный успех — уже в первые месяцы войны были захвачены более 100 городов, ранее контролируемых коммунистами. Однако это было достигнуто ценой больших материальных и людских потерь. Руководство КПК объявило “войну самообороны” и эффективно использовало манёвренную тактику, направленную на изматывание и уничтожение противника. Испытывая острую потребность в поддержке извне, 4 ноября 1946 г. правительство Чан Кайши подписало с США договор, который в обмен на крупную военно-экономическую помощь американцев (около 6 млрд долл. за 1945—1948 гг.), предоставлял им целый ряд льгот и привилегий в Китае, что существенно ограничивало государственный суверенитет страны.

Углубление политического кризиса, переживаемого гоминьдановским режимом, внутренняя слабость его армии, а также удачная военная стратегия КПК, базировавшаяся на поддержке народных масс, предопределили перелом в ходе боевых действий. В июле-сентябре 1947 г. НОА перешла от обороны к наступлению в масштабе всей страны. За один год войны (с июля 1947 по июнь 1948 г.) гоминьдановская армия потеряла 1 млн солдат и офицеров

пленными и 500 тыс. убитыми и ранеными. В условиях происходившего перелома в ходе войны, 10 октября 1947 г. КПК выдвинула новые политические задачи: доведение до победного конца национально-освободительной революции, свержение правительства Чан Кайши и создание демократического коалиционного правительства. Эта программа нашла поддержку среди различных слоёв китайского общества, недовольных диктатурой Гоминьдана, и способствовала образованию единого демократического фронта.

Первой крупной военной операцией НОА стало *Ляошенское сражение* в Южной Маньчжурии (12 сентября — 2 ноября 1948 г.), в ходе которого была разгромлена 500-тысячная армия Гоминьдана. В ноябре 1948 — январе 1949 г. командованием НОА была проведена *Хуайхэйская операция* — одно из крупнейших сражений в истории войн (с обеих сторон в нём участвовало по миллиону человек). В ходе этой операции была разгромлена крупнейшая группировка гоминьдановских войск в составе 22 армий (56 дивизий) общей численностью свыше 555 тыс. человек. Тем самым был открыт путь для последующего наступления НОА к реке Янцзы. Успешными были военные действия частей НОА и в Северном Китае, где в декабре 1948 — январе 1949 г. в ходе *Бэйпин-Тяньцзинь-Калганской операции* были разгромлены 13 гоминьдановских армий (50 дивизий) численностью более 500 тыс. человек. Это позволило НОА почти полностью освободить территорию Северного Китая. В результате этих поражений Гоминьдан лишился своих лучших военных сил.

В апреле 1949 г. части НОА форсировали Янцзы. Деморализованные войска Гоминьдана несли большие потери, отступали и рассеивались. К концу 1949 г. коммунисты взяли под свой контроль почти всю территорию континентального Китая, за исключением Тибета *. Военное поражение гоминьдановского режима ознаменовало завершение гражданской войны. В Пекине, вновь ставшем столицей Китая, был сформирован Центральный народный правительственный совет, председателем которого был избран Мао Цзэдун. Премьером правительства (и одновременно министром иностранных дел) стал Чжоу Эньлай.

* Положение Тибета в первой половине XX в. было весьма своеобразным. В годы Синьхайской революции (1911—1913) все китайские войска и должностные лица были оттуда изгнаны, а в 1914 г. при посредничестве англичан было подписано тибетско-китайское соглашение, предоставившее Тибету широкую автономию (с признанием формального сюзеренитета Китая). Однако вскоре китайское правительство аннулировало это соглашение. В последующие годы между Тибетом и Китаем сохранялись напряжённые отношения, что порой приводило даже к вооружённым конфликтам. В середине 30-х годов отношения между тибетским руководством и гоминьдановским правительством несколько нормализовались, однако Тибет продолжал проводить фактически независимую политику.

1 октября 1949 г. была провозглашена *Китайская Народная Республика*. Многолетняя освободительная война китайского народа, вылившаяся в народную революцию (в Китае её называют *новодемократической*), одержала победу. К весне 1950 г. были разгромлены остатки гоминьдановских войск на территории континентального Китая, а в октябре 1950 г. части НОА вступили в Тибет. Этому предшествовали важные события. 4 ноября 1949 г. Великое собрание Тибета, состоявшее из представителей местной верхушки, провозгласило его независимость. Правительство КНР осудило эти действия как сепаратистские. В конце ноября 1949 г. бежавший из Тибета в Пекин *панчен-лама* (второе лицо в тибетской иерархии после далай-ламы) выступил с радиообращением, в котором содержался призыв к “освобождению” Тибета. В мае 1950 г. правительство КНР предложило начать переговоры по мирному урегулированию вопроса. Однако это предложение не было принято тибетским руководством, вслед за чем последовала военная акция китайских властей. В мае 1951 г. было подписано соглашение о мирном урегулировании, предоставившее Тибету права национальной автономии и сохранявшее сложившуюся там политическую систему, которая просуществовала до 1959 г.

4. Возникновение “тайваньской проблемы”

Разгром Гоминьдана завершился полным его изгнанием из континентальной части страны. Верные Чан Кайши войска (включая авиацию и флот), а также члены гоминьдановской

партии и их семьи эвакуировались на остров Тайвань. Туда же, прихватив золотой запас страны, перебралось и прежнее руководство Китайской Республики во главе с Чан Кайши*. Гоминьдановское руководство твёрдо заявило о своём намерении вернуть утраченные позиции и силой оружия “освободить” континентальный Китай. В свою очередь, руководители КНР также готовились к силовым действиям в отношении острова. В ходе своего визита в Москву (декабрь 1949 — февраль 1950 г.) Мао Цзэдун попросил И.В. Сталина поддержать его идею захвата Тайваня силой и направить лётчиков-добровольцев или секретные воинские части для ускорения этой операции. Но Сталин, опасавшийся военного вмешательства США и вовлечения в конфликт СССР, занял уклончивую позицию.

* В общей сложности на Тайвань, чьё население в 1949 г. составляло 6 млн человек, перебралось около 2 млн жителей континентального Китая.

В начале 1950 г. американский госдепартамент исключил Тайвань из “периметра обороны” США. Однако начавшаяся Корейская война (1950—1953 гг.) резко обострила ситуацию в Восточной Азии. Чан Кайши сразу же заявил о своей готовности оказать военную помощь войскам ООН в Корее. Но это предложение было отклонено американским президентом Г. Трумэнном, провозгласившим “карантин” Тайваня. В июне 1950 г. США ввели в Тайваньский пролив свой военный флот (воспользовавшись этим прикрытием, чанкайшистская авиация напала на Шанхай и другие приморские города Китая), а в 1954 г. — подписали с Тайванем договор о взаимной обороне, превративший остров в американский “непотопляемый авианосец” на Дальнем Востоке. Американцы не только получили право размещать войска на Тайване и близлежащих островах, но и гарантировали ему вооружённую защиту, если бы армия КНР попыталась занять остров. На протяжении длительного периода, опираясь на военно-политическую поддержку США, гоминьдановское правительство на Тайване выступало от имени всего китайского народа и представляло его в ООН (до 1971 г.) и на международных форумах.

5. Выбор пути развития (1949 — 1957 гг.)

После победы народной революции КПК, завоевавшая колоссальный авторитет за годы национально-освободительной борьбы, стала правящей партией. Ей предстояло выполнить ряд первоочередных задач: завершить разгром контрреволюционных сил, создать новый государственный аппарат, осуществить насущные демократические преобразования, восстановить народное хозяйство страны, пострадавшее в результате многолетней войны и начать модернизацию отсталого, полуфеодального Китая.

Ещё в годы антияпонской войны руководство КПК разработало концепцию развития Китая после победы народной революции. В 1940 г. Мао Цзэдун предложил политическую систему для послереволюционного Китая, которая в своих важнейших аспектах существенно отличалась от советского образца. Эта система получила название “*новая демократия*”. Она предполагала привлечение к созидательной деятельности “всех антиимпериалистических и антифеодальных сил во главе с пролетариатом”, не замыкаясь в жёстких рамках “диктатуры пролетариата”, как того требовала ортодоксальная традиция. В предложенную систему была включена и национальная буржуазия, которой предоставлялось право заниматься предпринимательской деятельностью на протяжении длительного времени.

Концепцию “новой демократии” китайские коммунисты попытались реализовать на практике после провозглашения КНР. Социализм оставался для них заветной целью, но он не ставился на повестку дня. На практике это означало призыв к объединению всех здоровых сил общества, независимо от классов и сословий, во имя созидания сильного и богатого государства. Социальное переустройство общества предполагалось осуществлять мирным путём, отличным от советских методов. Подобная политика КПК пользовалась доверием и поддержкой народа. А это во многом обеспечило большие успехи новой власти в первые послевоенные годы.

За относительно короткое время в КНР удалось создать дееспособный административный аппарат. Первоначально на большей части территории страны власть осуществлялась военно-административными комитетами. Но по мере выполнения задач послевоенного устройства власть передавалась местным правительствам, избравшимся представителями всех слоёв населения. Национальным меньшинствам было предоставлено право на создание автономных национальных районов (АНР). К середине 1952 г. было образовано 130 АНР различных ступеней. Были проведены важные демократические преобразования. Главным из них стала *аграрная реформа*, в результате которой к 1953 г. помещичье землевладение было ликвидировано, а 300 млн крестьян получили 47 млн га земли. В собственности беднейшего и среднего крестьянства сосредоточилось 90% сельскохозяйственных земель. Сразу же после аграрной реформы началось *кооперирование* сельского хозяйства, первоначально — “мягкое” (к концу 1956 г. было кооперировано лишь 14,2% крестьянских хозяйств, причём большинство из созданных кооперативов были кооперативами низшего типа), а в 1956 г. — *форсированное*. В результате уже к концу 1956 г. было кооперировано 93,6% крестьянских хозяйств, а 87,8% созданных кооперативов являлись кооперативы высшего типа.

В отношении частного предпринимательства политика новой власти оказалась непоследовательной. В первые послевоенные годы (1949—1951) национальный капитал развивался в благоприятных условиях (чему в немалой степени способствовали протекционистская политика государства, прекращение иностранной конкуренции и др.) и играл большую роль в восстановлении экономики. Однако руководство КПК из своих доктринальных соображений не хотело допускать усиления позиций национальной буржуазии. Поэтому уже в конце 1951 г. были организованы массовые кампании “*три против*” (против коррупции, бесхозяйственности и бюрократизма государственных служащих) и “*пять против*” (против взяточничества, уклонения от уплаты налогов, расхищения государственной собственности, должностных преступлений и разглашения государственной тайны, в чём обвинялись представители бизнеса). Эти кампании ознаменовали начало массированного наступления на экономические позиции частного предпринимательства, итогом которого стало превращение государства в совладельца частных предприятий (позже, в 1956 г., была проведена сплошная поотраслевая национализация этих предприятий за выкуп).

Большую роль в хозяйственном строительстве молодой республики играла экономическая помощь СССР. Советский Союз стал первым государством, официально признавшим КНР и установившим с ней дипломатические отношения (2 октября 1949 г.). В феврале 1950 г. был подписан советско-китайский *договор о дружбе, союзе и взаимной помощи* сроком на 30 лет, положивший начало непродолжительному периоду “великой дружбы” между двумя странами [см. приложение 2.3].

В сформировавшемся военно-политическом альянсе Китай оказался “младшим партнёром”, что в то время вполне соответствовало реальному соотношению сил между СССР и КНР, их месту в системе международных отношений, но нередко ущемляло интересы Китая и самолюбие его руководителей. В результате некоторые торговые и экономические соглашения, заключённые в тот период, предоставляли односторонние преимущества Советскому Союзу, т.е. не были для КНР равноправными. Но китайское руководство было вынуждено идти на подписание подобных договоров, поскольку в условиях “холодной войны” других источников помощи не было. Тем не менее, при всех своих недостатках советская помощь была для Китая спасением — она помогла ему создать основы промышленности. КНР были предоставлены льготные кредиты, там трудились тысячи советских специалистов, помогая восстанавливать разрушенные войной заводы и фабрики, строить новые предприятия, налаживать систему управления хозяйством. За короткий срок были достигнуты внушительные успехи. Уже к концу 1952 г. восстановление народного хозяйства в основном было завершено. После смерти И.В. Сталина новое советское руководство отказалось от “особых прав” в Китае, создав тем самым благоприятные условия для последующего расширения и углубления двусторонних отношений.

В 1953 г. руководство КПК провозгласило *курс на строительство социализма*. В качестве образца была взята советская модель. Первоначально предполагалось осуществлять социалистические преобразования постепенно, на протяжении длительного периода — трёх пятилеток. Однако в скором времени эти сроки были пересмотрены. Дело в том, что в годы первой пятилетки (1953—1957 гг.) промышленное производство Китая развивалось очень быстрыми темпами, что позволило значительно перевыполнить намеченные плановые задания. И это вскружило голову радикалам в китайском руководстве, вселило в них иллюзию о возможности существенного ускорения социалистического строительства. Кроме того, выявились серьёзные идеологические расхождения между КПК и КПСС. После XX съезда КПСС (1956 г.), развенчавшего культ личности Сталина, Мао Цзэдун стал критически относиться к политике советского руководства. В первую очередь его не устраивало то, что развернувшаяся критика культа личности подрывала командный стиль руководства, которому он сам был привержен, и могла сказаться на его харизматическом положении в КПК.

В области внешней политики правительство КНР заявило о намерении установить нормальные отношения со всеми странами, включая и капиталистические, основанные на принципах равенства, взаимной выгоды и уважения суверенитета. Однако вплоть до конца 50-х годов Китай, по сути дела, “держался одной стороны”. Оказавшись в условиях “холодной войны” и столкнувшись с откровенно враждебной политикой США, КНР стала верным союзником СССР и поддерживала все внешнеполитические акции советского руководства того времени. С одобрения И.В. Сталина сотни тысяч китайских военнослужащих (т.н. “добровольцев”) приняли участие в Корейской войне 1950—1953 гг. на стороне Северной Кореи. Китайское правительство наладило тесные отношения с социалистическими странами (за исключением Югославии, которую руководство КНР обвиняло в ревизионизме и сговоре с империализмом). За период с 1950 по 1956 г. объём торговли с ними возрос в 20 раз, что стало хорошим подспорьем для Китая в решении его народнохозяйственных проблем.

Китай проводил активную внешнюю политику в азиатском регионе. Уже в первые годы существования КНР ей удалось установить дипломатические отношения с рядом государств Южной и Юго-Восточной Азии. В апреле 1954 г. было подписано соглашение с Индией, урегулировавшее вопрос о Тибете, который был признан составной частью КНР (в преамбуле этого соглашения впервые были сформулированы пять принципов мирного сосуществования — “*панча шила*”, получившие в дальнейшем широкое распространение в практике международных отношений). Укреплению доверия к Китаю способствовала гибкая политика его делегации на Женевской конференции 1954 г. по Корее и Индокитаю, направленная на предотвращение военной конфронтации с США и обеспечение безопасности южных границ страны. КНР приняла участие в *Бандунгской конференции 1955 г.*, где её представитель заявил о том, что Китай не имеет ни территориальных, ни каких-либо других претензий к молодым государствам. Это способствовало росту авторитета и влияния КНР в странах “третьего мира”.

6. Формирование культа личности Мао Цзэдуна

Советская модель использовалась и в процессе политического переустройства китайского общества. Но уже в скором времени проявились её серьёзные изъяны. Вся власть оказалась сосредоточенной в руках узкого круга высших партийных руководителей, которые образовали привилегированный социальный слой и вывели себя из-под контроля народа. Фактически главные рычаги управления оказались в руках одного человека — Мао Цзэдуна (1893—1976), ставшего лидером партии и государства, “вождём китайского народа”.

Мао Цзэдун возглавил КПК в 1935 г. В годы антияпонской войны его руководящее положение в партии значительно упрочилось. Сформировалась влиятельная группа ближайших сподвижников Мао Цзэдуна, объединявшая не только преданных ему лично и не имевших собственного политического лица партийных функционеров, но и многих видных деятелей КПК, ранее не всегда разделявших его точку зрения. Эта группа направила свои усилия на укрепление власти и авторитета Мао Цзэдуна, формирование его имиджа “вождя” партии,

“общенационального лидера”, что вполне соответствовало политической практике Китая, а также опыту партийного строительства ВКП (б) и других крупных компартий. Основным средством для достижения этой цели стали массовые политические кампании.

В 1941 г. в Особом районе началась “кампания по исправлению стиля работы”, которая в скором времени приобрела характер массовой чистки. Она проводилась под лозунгом “Посредством идеологической системы Мао Цзэдуна покончить с меньшевистской идеологией внутри партии”. Одновременно контрразведка коммунистов под предлогом выявления гоминьдановской и японской агентуры проводила необоснованные массовые репрессии. Повсеместно насаждался культ личности Мао Цзэдуна, взгляды которого представлялись как образец “китайского марксизма”.

Характерно, что руководство КПК отказалось от использования терминов “маоизм”, “маоцзэдунизм” (по аналогии с “марксизмом” и “ленинизмом”) применительно к учению Мао Цзэдуна. Для этой цели стал использоваться термин “*идеи Мао Цзэдуна*”, впервые прозвучавший в 1941 г. и официально закреплённый в партийном лексиконе в 1945 г., когда VII Всекитайский съезд КПК включил в партийный устав положение о том, что “идеи Мао Цзэдуна” (“объединяющие теорию марксизма-ленинизма с практикой китайской революции”) являются теоретической основой деятельности партии*.

* Положение об «основополагающем характере» идей Мао Цзэдуна было изъято из партийного устава на VIII съезде КПК (1958 г.) и вновь в него внесено на IX съезде партии в 1969 г.

В последующие годы культ личности Мао Цзэдуна укреплялся. Непомерно раздуваемый, он вступил в противоречие с демократическими тенденциями развития китайского общества, сковывал творческую инициативу, мешал свободному обсуждению важнейших вопросов развития страны. Закреплению этой недемократической системы способствовали низкий общеобразовательный уровень китайского населения, большинство которого было неграмотным, а также глубоко укоренившиеся в обществе традиции деспотизма, бюрократии и патриархальщины. На формирование политической системы КНР оказало влияние и то, что революция там протекала в форме длительной партизанской войны, в ходе которой армия фактически слилась с партией, а КПК приобрела привычку действовать армейскими методами.

Роль Мао Цзэдуна как самобытного политического теоретика является предметом острых дискуссий и требует дальнейшего непредвзятого изучения. Он, несомненно, был исторической личностью. Но в то же время Мао Цзэдун был фанатиком созданной им же идеологии, готовым во имя неё принести в жертву жизни миллионов людей. Искренне уверовав в свою непогрешимость, он никогда не сомневался в правомочности своих действий. С годами Мао Цзэдун становился всё более нетерпим к чужому мнению, что порождало нездоровую обстановку в обществе. Обладая неограниченной властью в многомиллионной стране, он решил в кратчайшие сроки реализовать собственную версию коммунизма. Период его правления стал временем непрерывных политических кампаний, порой вовлекавших в свою орбиту всё население страны. Господствующей стала идеология борьбы, которая оправдывала насильственные методы приобщения людей к “социалистическим идеалам”. Мао Цзэдуну удалось навязать руководству страны свою точку зрения относительно путей и методов дальнейших преобразований, что обернулось для китайского народа жестокой трагедией, унесшей десятки миллионов человеческих жизней.

7. КНР в годы социально-экономических экспериментов (1958–1960)

В 1958 г. произошёл кардинальный поворот в политике КПК. Мао Цзэдун и его сторонники в руководстве партии отказались от планомерного развития экономики, которое, по их мнению, не обеспечивало быстрого превращения Китая в могучую державу. Была принята новая генеральная линия, призывавшая “*строить социализм больше, быстрее и экономнее*”. По сути дела, было решено посоревноваться с Советским Союзом в продвижении к коммунистическому обществу. Отсутствие необходимого экономического потенциала не

смущало китайских радикалов. Они решили компенсировать его колоссальными людскими ресурсами Китая. Для осуществления новой стратегии был утверждён курс “*большого скачка*” и “*народных коммун*”. Это ознаменовало окончательный отказ китайского руководства от советской модели.

Цель, которую преследовал Мао Цзэдун, приступая к организации “*большого скачка*”, состояла в переходе к коммунизму в кратчайшие сроки. Осуществить же это предполагалось при помощи новых форм организации общества, способных, по мнению маоистов, мобилизовать “*людское море*” — многомиллионное население Китая — на решение основных задач и добиться небывалой эффективности производства. По своей сути это была утопическая программа, которая эксплуатировала революционный энтузиазм масс и веру народа в КПК. Летом 1958 г. под лозунгом “*Три года упорного труда — десять тысяч лет счастья*” вся страна была втянута в грандиозный социально-экономический эксперимент.

Курс “*большого скачка*” в промышленности предполагал ускоренное развитие отраслей тяжёлой индустрии как на крупных промышленных предприятиях, так и путём массового создания мелких и мельчайших полукустарных промышленных предприятий, основанных на примитивной технике и ручном труде. Они создавались повсюду — в деревнях, при учреждениях, учебных заведениях. Всё население страны включилось в “*битву за металл*”. Эта кампания охватила все провинции Китая, независимо от наличия на их территории руды и угля. Нередко плавильные печи загружали железной утварью, отобранной у жителей. Мао Цзэдун предложил даже разобрать и пустить на переплавку часть “*ненужных*” железных дорог. Однако огромные трудовые и материальные ресурсы оказались израсходованными впустую — полученный кустарным способом металл был непригоден для промышленного использования. Стране был нанесён большой экономический ущерб.

Маоистский эксперимент непосредственно затронул и сельское хозяйство Китая. В августе 1958 г. по инициативе Мао Цзэдуна был провозглашён повсеместный переход от сельскохозяйственных производственных кооперативов, созданных в деревне в предыдущие годы в результате “*мягкой*” коллективизации, к т.н. “*народным коммунам*”. В кратчайший срок 740 тыс. кооперативов были преобразованы в 26 тыс. коммун, которые выполняли хозяйственные, административные и военные функции. В них было проведено полное обобществление: у крестьян отобрали приусадебные участки, а также личный скот и птицу; обобществлению подлежали даже вещи личного обихода, в том числе посуда. Взамен вводилось “*бесплатное*” (точнее — безденежное) коллективное питание в общественных столовых. Была отменена оплата по труду и введена всеобщая уравниловка, лишившая крестьян материальных стимулов к труду. Но зато была усилена идеологическая обработка населения. Популярными лозунгами той поры были: “*Ешь и спи на полях*”, “*Работай как муравей,двигающий гору*” и др. Военизированный быт, жёсткая казарменная дисциплина, сверхинтенсивная работа без выходных дней доводили людей до физического истощения. В результате упала производительность труда, значительно сократилось производство продовольствия, а из-за недоедания резко возросла смертность (с 1,1% в 1957 году до 1,5% в 1959 и 2,9% в 1960).

Уже к концу 1958 г. стало ясно, что политика “*большого скачка*” и “*народных коммун*” зашла в тупик. Против неё выступили ряд видных деятелей КПК (в том числе — министр обороны КНР маршал Пэн Дэхуай). Но по настоянию Мао Цзэдуна и его сторонников в партийной верхушке она продолжала осуществляться и в последующие два года. Для китайского народа это обернулось настоящей трагедией. По приблизительным оценкам за период с 1958 по 1962 год от голода умерло 19 млн человек.

“*Эксперименты*” китайского руководства затронули и национальные районы страны. В Тибете угроза “*коммунизации*” привела к вооружённому восстанию местного населения в марте 1959 г., которое было подавлено войсками КНР. Далай-лама, светский и духовный глава Тибета, бежал в Индию, где ему было предоставлено политическое убежище*. Он обвинил власти КНР в геноциде и массовых нарушениях прав человека, оценив потери тибетцев в ходе восстания в 65 тыс. человек. Это вызвало резкое недовольство китайского правительства и привело к

обострению отношений с Индией. После подавления восстания Тибет фактически перешёл под контроль военных властей. Одновременно были ликвидированы сохранявшиеся там феодальная собственность на землю и теократическая форма правления. Новое правительство возглавил панчен-лама, проявлявший лояльность по отношению к коммунистическому режиму. Однако в 1962 г. он обратился к Мао Цзэду с посланием, в котором осудил голод и репрессии, сократившие численность тибетского населения. За это панчен-лама был брошен в тюрьму, а в 1977 г. отправлен в ссылку (вынесенный ему приговор отменили лишь в 1988 г.). Окончательно же статус Тибета в составе КНР определился в 1965 г., когда на его территории был создан Тибетский автономный район.

* В 1960 г. правительство Индии по просьбе далай-ламы предоставило ему 10 самолётов «Дакота» для перевозки драгоценностей в Калькутту. По сообщениям индийской печати, представители далай-ламы сдали на хранение в банк 12 тонн золота и реализовали на рынке более 18 тонн серебра, вложив вырученные деньги в различные предприятия.

Кампании 1958—1960 гг. дезорганизовали народное хозяйство Китая, вызвали спад производства. В целом они обошлись Китаю почти в 70 млрд долларов, что составляло около 1/3 валового национального продукта (ВНП) страны. Поэтому с начала 1961 г. курс “большого скачка” был заменён курсом на “урегулирование”. Кустарное производство металла было приостановлено. Взамен распускавшихся коммун воссоздавались прежние кооперативы. Постепенно стали возвращаться к принципу материальной заинтересованности, к оплате по труду. Крестьянам вернули их личное имущество и приусадебные участки, а в ряде провинций были восстановлены индивидуальные хозяйства. Изменение экономической политики дало положительные результаты — к 1962 г. удалось преодолеть наиболее тяжёлые последствия “скачка” и “коммунизации” деревни. А в 1963—1965 годах темпы экономического роста в Китае достигли рекордно высокого уровня — 15,1% в год (по итогам 1958—1962 годов этот показатель опустился до -2%).

Социально-экономические эксперименты маоистов сопровождались серьёзными изменениями и в области *внешней политики* Китая. В конце 50-х годов между китайским и советским руководством возникли серьёзные идеологические разногласия. Н.С. Хрущёв, придя к власти, провозгласил курс на мирное сосуществование с капиталистическими странами, на улучшение отношений с США и разоружение. Но ни одна из этих стратегических установок не была принята Мао Цзэдуном, который считал международную напряжённость благоприятным фактором для развития мирового революционного процесса. Пагубное воздействие на советско-китайские отношения оказали личные амбиции вождей обеих стран, их взаимные обиды и нарастающая неприязнь друг к другу.

Курс китайского руководства на нагнетание напряжённости вызвал *тайваньский кризис 1958 г.* В августе-сентябре 1958 г. артиллерия КНР предприняла интенсивный обстрел двух небольших прибрежных островов (Цзиньмэнь и Мацзу) в Тайваньском проливе, которые контролировались гоминьдановцами (сегодня доказано, что советское руководство не только знало о готовящейся акции, но и поддерживало её). Попытки США эвакуировать войска Чан Кайши с обстреливаемых островов на своих судах вызвали резкие протесты правительства КНР, заявившего о нарушении американцами территориальных вод и суверенитета Китая. Дальнейшая эскалация конфликта была чревата военным вмешательством США.

7 сентября 1958 г. Н.С. Хрущёв обратился с посланием к президенту Д. Эйзенхауэру, в котором предостерёг американцев против применения военной силы в отношении КНР. Несмотря на вполне реальные шансы освободить прибрежные острова от гоминьдановских войск (к мысли о необходимости вывода оттуда армейских подразделений Чан Кайши в обмен на прекращение огня склонялась даже администрация США), операция по их захвату была отложена Мао Цзэдуном на неопределённое время. Это, очевидно, объяснялось тем, что установление реального суверенитета КНР над островами и не входило в планы китайского руководства, политический курс которого был направлен лишь на усиление напряжённости в

отношениях между КНР, Тайванем и США. Это, в свою очередь, давало возможность Мао Цзэдуну и его окружению создавать в глазах своего народа образ КНР как “осаждённой крепости”, использовать фактор “внешней угрозы” для сплочения нации, эксплуатировать патриотизм и революционный энтузиазм масс с целью успешного проведения кампаний “большого скачка” и “народных коммун” *.

* По свидетельству Н.С. Хрущёва, на его вопрос о том, какую же цель преследовала эта военная акция, глава правительства КНР Чжоу Эньлай ответил: «Мы хотели показать наши возможности, но не хотели, чтобы Чан Кайши ушёл от нас далеко. Мы желаем, чтобы он оставался в радиусе досягаемости наших военных возможностей» [См. приложение 2.5].

В конце 50-х годов ухудшились отношения Китая и с соседними азиатскими странами. В июле 1956 г. возник пограничный спор с Бирмой (*совр.* Мьянма), в ходе которого вооружённые силы КНР захватили примерно 2 500 кв. км бирманской территории (вопрос о китайско-бирманской границе был урегулирован в 1960 г.). Происходили пограничные трения с Непалом. Обострились и отношения с Индией, что было вызвано начавшимся соперничеством между ними за лидерство среди стран “третьего мира”. Резкое ухудшение китайско-индийских противоречий, усугублённое поддержкой Индией далай-ламы, переросло в открытую конфронтацию. Летом 1959 г. между Китаем и Индией началась т.н. “картографическая война” — спор из-за пограничных территорий. В 1962 г. этот спор перерос в крупномасштабный вооружённый конфликт, в ходе которого индийские войска потерпели поражение. Китай захватил все пограничные районы, на которые претендовал, а затем заявил об одностороннем прекращении огня, предложив Индии подписать соглашение об урегулировании. Однако индийское правительство, не возобновляя военных действий, категорически отвергло китайские условия. Последствия конфликта не удалось преодолеть до сегодняшнего дня.

Советское же правительство заняло нейтральную позицию в отношении начавшегося пограничного конфликта между “дружественной Индией” и “братским Китаем”, что вызвало возмущение китайского руководства. Мао Цзэдун крайне отрицательно отреагировал на визит Н.С. Хрущёва в США (1959 г.), расценив его как попытку “сговориться за спиной Китая”. Идеологические разногласия были перенесены на почву межгосударственных отношений. Советское руководство отказалось помогать Китаю в создании ядерного оружия и строительстве современного подводного флота. Дело дошло до того, что в 1960 г. Хрущёв, вопреки имевшимся соглашениям, единолично принял решение о спешном отзыве из КНР находившихся там советских специалистов. Китайские руководители вполне правомерно расценили этот шаг как попытку силового давления, а Мао Цзэдун открыто обвинил СССР в экономических неудачах Китая. Напряжённость в отношениях между двумя странами нарастала. С 1960 г. начались конфликты на советско-китайской границе.

Провал “большого скачка” выдвинул на политическую арену Китая иных лидеров — т.н. “прагматиков” (Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Чэнь Юнь и др.), — которые трезво оценивали реальные возможности страны и выступали за экономические методы ведения хозяйства. Авторитет Мао Цзэдуна был подорван, ослабли его позиции в центральных органах КПК. На некоторое время он отошёл от активного руководства и даже оставил пост председателя КНР (который занял Лю Шаоци), сохранив за собой должность партийного лидера. Однако, как показал дальнейший ход событий, он не отказался от борьбы и лишь ждал подходящего момента, чтобы вновь взять власть в свои руки и расправиться с политическими противниками.

8. “Культурная революция”

Крах политики “большого скачка” и “народных коммун” Мао Цзэдун воспринял как временную неудачу своих попыток преодолеть экономическую отсталость страны внеэкономическими средствами. Вскоре, после тщательной подготовки, он попытался взять реванш. В августе 1966 г. Мао Цзэдун выдвинул лозунг “*Огонь по штабам!*”, подразумевая партийные комитеты и местные органы власти, где якобы окопались “буржуазные

перерожденцы”, препятствовавшие развитию китайской революции. Вслед за этим началась широкая репрессивная кампания против антияоистской оппозиции, которая продолжалась 10 лет (1966-1976 гг.) и вошла в историю Китая как “великая пролетарская культурная революция”. Считалось, что её цель — не допустить реставрации капитализма в стране и добиться “большой демократии по типу Парижской коммуны”. Но фактически эта была попытка установить режим личной власти Мао Цзэдуна.

В борьбе с инакомыслящими основная ставка была сделана на политически незрелую молодёжь, которую много лет воспитывали в духе преданности “вождю” и армии. Для того чтобы дать возможность студентам и школьникам участвовать в “культурной революции”, занятия в школах и вузах были прекращены. Звучали откровенные призывы к “революционному насилию”. Повсеместно создавались молодёжные отряды *хунвэйбинов* (“красных охранников”, “красногвардейцев”) и *цзаофаней* (“бунтарей”), которые стали ударной силой “культурной революции”. Поощряемые Мао Цзэдуном, они развернули борьбу за захват власти в стране. Их средствами были террор и насилие.

Характерной особенностью молодёжных выступлений в Китае, существенно отличавшей их от других студенческих выступлений, прокатившихся по миру в конце 60-х годов XX века, было то, что их инспирировали “сверху” и умело направили против “привилегированных слоёв” — кадровых партийных работников и творческой интеллигенции, критически относившихся к политике Мао Цзэдуна. Фактическим руководителем “культурной революции” стала жена Мао Цзэдуна *Цзян Цин*.

В 1966—1968 гг. в стране царил хаос. Борьба приобрела масштабы гражданской войны с жестокими столкновениями во многих частях страны. Миллионы людей подверглись насилию и издевательствам. В результате всеобщих чисток многие кадровые работники и просто грамотные горожане были сосланы “на перевоспитание” в деревню. Запылали костры, на которых сжигались книги классиков мировой литературы, поскольку они “не соответствовали идеям Мао Цзэдуна”. Хунвэйбины прошли по всей стране. Их движение сопровождалось разгулом анархии и вандализма. Местные партийные структуры, а также конституционные органы власти были разгромлены. Взамен началось создание новых властных органов — “*революционных комитетов*”. В их состав вошли самые преданные сторонники Мао Цзэдуна, культ которого был раздут до невероятных размеров. Помощь хунвэйбинам в захвате власти оказывала армия. В результате был создан новый политический механизм, который вполне соответствовал маоистским представлениям о “китайской модели социализма”. По сути дела, страна перешла к казарменному коммунизму, социально-экономическим смыслом которого стала “*политика железной миски риса*” (т.е. поддержание жизненного уровня народа в пределах физического выживания), а государство приобрело полную и безраздельную власть над личностью.

Однако вскоре случилось непредвиденное — хунвэйбины, вкусив вседозволенности, начали выходить из-под контроля тех сил, которые их породили. Особенно сложным было положение на юге страны, где дело дошло до вооружённых столкновений с армией. Поэтому летом 1968 г. Мао Цзэдун призвал прекратить борьбу “с применением силы” и пригрозил неминуемой расправой, если эксцессы не прекратятся. Вслед за этим началась широкомасштабная акция по ликвидации хунвэйбиновского движения. Около 10 млн молодых людей были насильственно высланы в деревню для “трудового перевоспитания”. Тем самым завершилась активная фаза “культурной революции”, однако её политика продолжалась до 1976 г.* Для Китая это обернулось новыми потерями. Репрессиям подверглись около 100 млн человек**. Большой ущерб был нанесён народному хозяйству. В то же время царивший в стране хаос усугубил бесконтрольный рост рождаемости. За 10 лет (1966—1976) население Китая увеличилось на 258 млн человек, что ещё более обострило социально-экономические проблемы страны.

* Примечательно, что некоторые современные китайские публицисты предпринимают попытку реабилитировать хунвэйбиновское движение, выдвигая концепцию «*двух культурных революций*», согласно

которой «первая революция» (1966—1969 гг.) была «народным восстанием в масштабах всей страны против коммунистической деспотии», а вторая (1969—1976 гг.) — «революцией партийной бюрократии» (или «культурной контрреволюцией») [подробнее см.: Делюсин Л. Десятилетняя смута или две революции? // *Азия и Африка сегодня*.— 1997.— № 12.— С. 14-19].

** Эти данные были официально обнародованы в КНР в конце 70-х годов. В конце 90-х годов были опубликованы некоторые новые сведения о жертвах «культурной революции»: 4 млн 200 тыс. человек были задержаны и находились под следствием, более 237 тыс. человек было убито в разного рода вооружённых столкновениях, а 730 тысяч стали инвалидами. По другим же данным, опубликованных в КНР для служебного пользования, в период 1966—1976 годов репрессиям подверглись более 21 млн человек, а в общей сложности пострадали 123 млн человек.

В годы «культурной революции» существенно изменилось отношение властей к национальным традициям, истории и культуре. Были прекращены все археологические раскопки, а населению предписывалось уничтожать предметы старины — «феодальные реликвии». Жестоким гонениям подверглась и идеология конфуцианства, традиционная для Китая и некоторых стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Дело в том, что сама логика политической борьбы того времени вела к конфронтации с учением Конфуция, объявленного властями «символом феодального прошлого». Мао Цзэдун претендовал на то, чтобы определяющей в жизни народа стала идеология, созданная им самим. Поэтому в массы был брошен призыв «бить Конфуция, как крысу, перебегающую улицу», а в 1973 г. в Китае развёрнулась общенациональная кампания по изучению древнекитайской философии *легистов* («законников»), откровенно враждебной конфуцианству. Эта философия вполне соответствовала создаваемой Мао Цзэдуном общественно-политической системе, поскольку политическим идеалом легистов была «*страна, где народ боится государственных законов и послушен в войне*» (Шан Ян, школа легистов, IV в. до н. э.).

В 60—70-е годы китайско-советские отношения испортились окончательно — период «великой дружбы» сменился двадцатилетием «великой вражды». Летом 1964 г. китайское руководство выдвинуло территориальные претензии к Советскому Союзу. Возросла напряжённость на советско-китайской границе. После смены советского руководства (в октябре 1964 г. Н.С. Хрущёв был отстранён от власти) отношения между СССР и КНР не только не улучшились, но ещё более осложнились. В годы «культурной революции» антисоветские настроения, поддерживаемые Мао Цзэдуном, достигли пика. В 1968 г., во время визита в Тирану, китайский премьер Чжоу Эньлай предложил Албании заключить с Югославией и Румынией оборонительный пакт, направленный против СССР. В свою очередь, ещё более жёсткую позицию по отношению к КНР занял и Советский Союз.

В «эпоху Брежнева» произошла милитаризация советско-китайского конфликта. В Китае это выразилось в массовом строительстве бомбоубежищ и продовольственных складов на случай войны, больших закупках оружия на Западе. В СССР резко возросли военные расходы, строились мощные оборонительные сооружения в приграничных районах, формировались новые армейские соединения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Вблизи границы с Китаем были сосредоточены большие сухопутные вооружённые силы СССР — почти 40 дивизий (370 тыс. солдат и офицеров). Крупный контингент советских войск был введён в Монголию. Дело дошло до вооружённых пограничных конфликтов.

В марте 1969 г. произошли кровопролитные столкновения на острове Даманский (на реке Уссури). Напряжение на границе и вооружённые стычки продолжались всё лето 1969 г. Кульминацией их стали столкновения на среднеазиатском участке границы у населённого пункта Жаланашколь (район Семипалатинска, Казахстан) в августе 1969 г. Реальная угроза расширения военного конфликта заставила руководителей двух стран начать переговоры об урегулировании пограничного вопроса. Однако до нормализации советско-китайских отношений было ещё далеко. Тезис о том, что СССР является врагом Китая, продолжал действовать и в последующие годы и даже был зафиксирован в конституциях КНР 1975 и 1978 годов (в последней фактор «советской угрозы» по степени своей опасности для Китая был даже поставлен на первое место). Явную антисоветскую направленность имели и некоторые

внешнеполитические акции китайского руководства конца 70-х годов [см. приложение 2.6]. Лишь после смерти Л.И. Брежнева (1982 г.) две страны смогли начать медленное движение навстречу друг другу.

В 60-е годы международный статус Китая повысился, чему, несомненно, способствовали активная внешнеполитическая деятельность его руководства в странах “третьего мира”, а также превращение КНР в ядерную державу. Несмотря на отказ СССР от участия в ядерных программах КНР, эта работа там продолжалась (проект “596”). В 1964 г. Китай провёл испытания атомной бомбы (став пятым ядерным государством мира), а в 1967 г. — водородной. В 1970 г. КНР, запустив свой первый искусственный спутник Земли, превратилась в космическую державу.

После начала Второй индокитайской войны (1965—1975 гг.) Китай осудил агрессивные действия США в отношении Демократической Республики Вьетнам, заявив, что “посягательство США на Вьетнам есть и посягательство на Китай”. В Северный Вьетнам были введены китайские войска численностью несколько десятков тысяч человек, однако участия в боевых действиях они не принимали, занимались выполнением оборонных работ (в общей сложности за годы войны погибло 1100 и было ранено 4200 китайских военнослужащих). В период “культурной революции” произошло ухудшение китайско-вьетнамских отношений. Китай нередко задерживал поставки оружия из Советского Союза во Вьетнам, отправляемые транзитом через территорию КНР (нередко новейшие виды вооружений даже присваивались). Весной 1968 г. китайские власти закрыли железную дорогу на Вьетнам, что вызвало столкновения на китайско-вьетнамской границе в провинции Юньнань. В 1971 г., во время своего визита в ДРВ, китайский премьер Чжоу Эньлай предупредил вьетнамских руководителей, чтобы те не пытались освободить Южный Вьетнам. В 1974 г. между КНР и ДРВ начались переговоры о сухопутной границе, которые затем были прерваны из-за неуступчивой позиции Пекина (именно тогда Китай оккупировал архипелаг *Спратли*, принадлежавший Южному Вьетнаму). В 1975 г. Китай решил прекратить безвозмездную помощь Вьетнаму*.

* Впоследствии Дэн Сяопин говорил, что за 1958—1975 годы китайская помощь Вьетнаму составила 10 млрд долларов.

Характерной тенденцией во внешней политике Китая 60—70-х годов стало изменение его отношения к развитым странам Запада. В 1964 г. КНР была признана Францией. В 1970-1971 гг. её признали Канада, Италия и Австрия. Китайское руководство попыталось нормализовать отношения и с США. В апреле 1971 г., после проходившего в Японии чемпионата мира по настольному теннису, премьер Чжоу Эньлай пригласил в КНР американскую команду в сопровождении журналистов. Этот “шаг навстречу” (получивший название “пинг-понговой дипломатии”) был положительно воспринят американским правительством. В 1971 г. в Китае побывало 32 делегации из США, которые, как правило, принимались на самом высоком уровне. Дважды (в июле и октябре 1971 г.) КНР посетил Г. Киссинджер — специальный помощник президента США по национальной безопасности.

Об укреплении международного престижа КНР свидетельствовало то, что в одном лишь 1971 г. она установила дипломатические отношения с 14 государствами и возобновила с двумя. В октябре 1971 г. были восстановлены права КНР в ООН (одновременно Тайвань был исключён из этой организации), что позволило окончательно преодолеть внешнеполитическую изоляцию. А в феврале 1972 г. состоялся первый в истории визит в Китай американского президента Р. Никсона, положивший начало процессу нормализации отношений между двумя странами.

9. Смерть Мао Цзэдуна и борьба за власть

В сентябре 1976 г. умер Мао Цзэдун. Его смерть вызвала резкое обострение борьбы за власть в руководстве КПК. Наибольшую активность проявляли три основные политические группировки:

— группа Цзян Цин, вдовы Мао Цзэдуна (т.н. “четвёрка”), члены которой несли основную ответственность за злодеяния “культурной революции”;

— т.н. “выдвиженцы” — группировка Хуа Гофэна, официального преемника Мао Цзэдуна, объединявшая политиков, пришедших к власти в годы “культурной революции”;

— фракция “старых кадров”, многие члены которой, включая их лидера — Дэн Сяопина, подвергались репрессиям при Мао Цзэдуна.

Две первые группировки значительно превосходили фракцию Дэн Сяопина и по силе, и по влиянию. Однако “старые кадры” поддержало высшее военное руководство страны. В результате секретных переговоров между верхушкой военных и Дэн Сяопином было достигнуто соглашение о совместных действиях против Цзян Цин и её сторонников, стремившихся захватить ключевые посты в партии и государстве. Борьба за власть приобрела ожесточённый характер. “Четвёрка” Цзян Цин начала подготовку государственного переворота с целью отстранения от власти Хуа Гофэна. Однако их планы стали известны армейскому руководству. В итоге к политическому блоку “старые кадры” — армия примкнула и группировка Хуа Гофэна, опасавшегося за свою участь. Под давлением союзников Хуа Гофэн решился принять контрмеры по устранению своих политических противников. Это был рискованный шаг, поскольку “четвёрка”, во главе с ненавистной в народе “красной императрицей” Цзян Цин, имела большую власть и в столице, и в провинции.

6 октября 1976 г. “четвёрка” Цзян Цин была арестована. Политбюро ЦК КПК одобрило эту акцию. За свой риск Хуа Гофэн получил должность председателя ЦК КПК. Таким образом, Цзян Цин и её сторонники в высшем руководстве были свергнуты. Официальная пропаганда окрестила их “бандой четырёх”. Над ними был организован открытый судебный процесс, транслировавшийся по национальному телевидению. Суд вынес суровые приговоры. Цзян Цин, как ненавистный символ “культурной революции”, была приговорена к смертной казни, которую позже заменили пожизненным заключением. В ходе крупномасштабной “чистки” в центре и на местах своих должностей лишились более половины всех руководящих кадров, заподозренных в симпатиях к “банде четырёх”. Разгром группировки Цзян Цин ознаменовал окончательное завершение “культурной революции” в Китае.

Отказ от основных догматов теории Мао Цзэдуна привёл к усилению позиций реформаторской фракции в руководстве КПК, возглавляемой Дэн Сяопином — тех самых “прагматиков”, которые в период “культурной революции” подверглись жестоким гонениям. В июне 1981 г., на очередном пленуме ЦК КПК, Хуа Гофэн был освобождён с поста председателя КПК (который впоследствии был упразднён вообще). Высшие посты в партии и государстве заняли представители более молодого поколения, искренние приверженцы реформ. Было решено прекратить политические кампании и сосредоточить все силы на решении экономических проблем. Эти события ознаменовали коренной поворот в политике Китая.

10. Реформы Дэн Сяопина

Новому руководству страны удалось круто изменить курс и добиться бескомпромиссного осуждения “культурной революции”, которую расценили как “чудовищное бедствие”. Однако оценка деятельности Мао Цзэдуна была более сдержанной*. Новые лидеры Китая отказались от его политики, но попытались сохранить репутацию прежнего лидера. Формально сохраняя верность его идеям, они пошли по пути деидеологизации своей политики. Отныне на передний план выдвигались лишь патриотические цели строительства могучего и процветающего Китая. В истории страны начался качественно новый этап — этап широкомасштабной экономической реформы, направленной на построение “социализма с китайской спецификой”. Творцом этой реформы был Дэн Сяопин (1904—1997 гг.), который на протяжении почти двух десятилетий после смерти Мао Цзэдуна оставался единственным общепризнанным лидером нации.

* В современном Китае деятельность Мао Цзэдуна оценивается в соответствии с формулой «отделить 3 от 7»: три десятых в его действиях признаются негативными, а семь десятых — позитивными. Эту формулу, кстати, сам Мао Цзэдун в 1957 г., в противовес Н.С. Хрущёву, предложил использовать в отношении И.В. Сталина.

Следует заметить, что понимание необходимости масштабных экономических преобразований созрело в китайском руководстве ещё в середине 70-х годов, когда Чжоу Эньлай, бессменно возглавлявший правительство с момента образования КНР, выступил с идеей “четырёх модернизаций” (промышленной, сельскохозяйственной, научно-технической, военной) и добился её официального одобрения Мао Цзэдуном. В дальнейшем, после смерти Чжоу Эньлая в январе 1976 г., от идеи “модернизаций” не отказались, но она стала трактоваться китайскими политиками по-разному — в зависимости от их мировоззренческих приверженностей. В начале 1978 г. свой план “четырёх модернизаций” предложил и Хуа Гофэн. Но этот план, по сути дела, представлял собой новый вариант “большого скачка” (правда, его, в отличие от “скачка” 50-х годов, предполагалось осуществлять не путём “опоры на собственные силы” — т.е. тотальной мобилизации внутренних ресурсов страны, а за счёт широкого привлечения иностранного капитала и интенсивного торгово-экономического сотрудничества со странами Запада). Стремясь к быстрому достижению результатов, Хуа Гофэн выдвинул ряд грандиозных, но, по существу, нереальных задач, попытки выполнения которых не только не ускорили темпов экономического развития страны, но, напротив, привели к увеличению дисбаланса в национальной экономике и потребовали нового крупномасштабного урегулирования народного хозяйства.

Начальной же вехой экономической реформы в Китае считают *декабрь 1978 г.*, когда пленум ЦК КПК принял решение прекратить политические кампании и сосредоточиться на экономических проблемах. Решения пленума ознаменовали полную победу сторонников Дэн Сяопина и создали политические предпосылки для постепенного перехода к глубоким экономическим преобразованиям*.

* Некоторые известные исследователи (например, А.В. Меликсетов) ставят под сомнение бытующее в научной литературе суждение о том, что «в КНР начали с экономики». По их мнению, в конце 70-х годов в Китае произошёл прежде всего *политический переворот*, связанный с возвращением из деревенской ссылки к работе и власти 20 млн горожан, мировоззрение и энергия которых сыграли важную роль в последующем реформировании хозяйства.

Реформа в Китае рассчитана на длительную перспективу. По замыслу её создателей на первом этапе, к 2000 году, предполагалось в 4 раза увеличить валовую продукцию промышленности и сельского хозяйства. На протяжении следующего этапа — до 2021 года, предполагается поднять Китай до уровня среднеразвитой страны, а к 2049 году (100-летию КНР) — превратить Китай в современную высокоразвитую державу. В выполнении этой программы Китай добился блестящих успехов.

Характерно, что реформирование экономики началось с сельского хозяйства. Одним из первых мероприятий правительства стал роспуск сельхозкоммун*. Сельским жителям страны земля была предоставлена в аренду (сейчас предполагается её передача в пожизненное наследуемое владение). Крестьянам были возвращены приусадебные участки, предоставлено право развивать подсобный промысел, продавать излишки продуктов на рынках.

* Интересно, что эта акция была инициирована «снизу». В конце 70-х годов крестьяне ряда восточных районов страны, доведенные голодом до отчаяния, решились на несанкционированный «сверху» роспуск сельскохозяйственных коммун и передел коллективной земли между дворами. Этим была заложена основа «семейного подряда» в китайской деревне, который к 1980 г. распространился в большинстве провинций. Центральное же руководство КНР приняло политическое решение о роспуске сельхозкоммун *де-юре* лишь в 1982 г.

Раскрепощение крестьянского труда быстро принесло свои плоды — уже к 1983 году продукция сельского хозяйства возросла почти в 2 раза. А это позволило решить остро стоявшую в ту пору продовольственную проблему: китайцы стали хорошо питаться, их пища стала разнообразнее. Одновременно с реформой сельского хозяйства был разрешён малый бизнес. В торговле, общественном питании и сфере услуг возникли многочисленные мелкие и средние частные предприятия, наполнившие потребительский рынок страны товарами,

приемлемыми по цене и качеству. Происходивший рост реальных доходов населения обеспечил курсу реформ широкую общественную поддержку.

Вслед за успехами реформы в деревне начались преобразования и в городах, в результате которых расширилась хозяйственная самостоятельность предприятий, сократилась сфера директивного планирования, существенному реформированию подверглась система цен и заработной платы. Активно внедрялись достижения научно-технического прогресса. Государство разрешило оптовую торговлю средствами производства. Были официально признаны различные формы собственности, что положило начало процессу разгосударствления китайской экономики. Но, несмотря на комплекс мер по развитию частного бизнеса, китайское правительство всё-таки отдавало приоритет общественным формам собственности. В этой связи примечательно, что массированная приватизация госсобственности в Китае фактически не проводилась. Несмотря на то, что доля государственного сектора в ВВП неуклонно снижалась (с 1997 г. она стала составлять менее 50%), на государственных предприятиях продолжало трудиться подавляющее большинство рабочих — 125 млн из 170 млн человек, занятых в индустриальном производстве (что уже само по себе свидетельствовало о низкой эффективности госсектора).

Осуществление экономических преобразований в Китае порой сталкивалось со значительными сложностями. Быстрые темпы развития промышленного производства в первой половине 80-х годов вызвали “перегрев” экономики. Социально-экономическую ситуацию в стране усложняли также возросшая инфляция, усиление отраслевых диспропорций, рост коррупции и злоупотреблений партийных и государственных чиновников. Поэтому в сентябре 1988 г. руководство КПК взяло курс на “урегулирование народного хозяйства”, который осуществлялся на протяжении трёх лет — до конца 1991 г. Составными звеньями этого курса стали “притормаживание” реформы и усиление государственно-административного воздействия на экономику. В этот период велись острые дискуссии между реформаторами, выступавшими за возобновление и углубление преобразований и консерваторами, опасавшимися, что дальнейшее внедрение элементов рыночных отношений может “столкнуть” Китай на путь капиталистического развития*. Дэн Сяопин, выступавший в качестве верховного арбитра, внимательно следил за ходом дискуссии сторонников и противников реформ. В 1992 г. он совершил инспекционную поездку по стране и заявил, что рынок не противоречит принципам социализма, после чего осуществление реформы возобновилось.

* На метафорическом уровне, характерном для Китая, эта дискуссия сводилась к противопоставлению двух тезисов: «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы ловила мышей» (Дэн Сяопин) и «Пусть птичка летает, но всё-таки в клетке» (Чэнь Юнь, председатель центральной комиссии советников КПК). Под «птичкой» подразумевалась экономика, под «клеткой» — государственный контроль.

Характерной чертой китайской реформы, существенно отличающей её от подобных преобразований в посткоммунистических странах Восточной Европы, является её эволюционный характер, а также отказ от использования рекомендаций МВФ и методов “шоковой терапии”. Проводя широкомасштабные преобразования, китайцы опираются на собственные национально-культурные традиции и декларируют принцип — “западная техника, восточная нравственность”.

Другой специфической особенностью проводимых в КНР преобразований является сохранение в неприкосновенности прежней политической системы во главе с КПК, обладающей монопольным правом на власть. Дэн Сяопин никогда не стремился к созданию демократии западного образца, которую он осуждал как “буржуазный либерализм” [см. приложение 2.7]. Нынешнее руководство КНР сохраняет преемственность этому курсу. Китай остаётся крупнейшим в мире государством социалистической ориентации*. Партийно-государственная власть жёстко контролировала все переходные процессы в стране, обеспечивала политическую стабильность в обществе, необходимую для дальнейшего

продолжения реформ. Политические преобразования были отложены на неопределённый срок, а сторонники немедленных перемен жестоко подавлялись.

* В сентябре 2000 г. глава китайского парламента Ли Пэн свернул программу своего визита в Литву, поскольку там открылась очередная сессия т.н. “вильнюсского трибунала” — символического судебного процесса, на котором традиционно звучат обвинения в адрес коммунистических режимов.

В 1986 г. по всему Китаю прокатилась волна массовых студенческих выступлений, одним из главных требований которых было осуществление политической модернизации общества. В руководстве КПК эти выступления сочли проявлением “буржуазной либерализации”, следствием упущений в идеологической и воспитательной работе партии. В январе 1987 г. генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, которого обвинили в этих просчётах, был освобождён от занимаемой должности. Среди студенческой молодёжи он приобрёл репутацию сторонника демократизации и общественно-политических перемен. Смерть Ху Яобана в апреле 1989 г. побудила студенческие массы выйти на площадь *Тяньаньмэнь* в Пекине. Попытки властей в течение мая наладить диалог со студентами оказались безрезультатными, в том числе и из-за разногласий в руководстве КПК по поводу оценки происходящих событий. Студенческие волнения продолжались до начала июня и были подавлены войсками, что привело к многочисленным жертвам (по официальным данным, жертвы среди гражданского населения составили более 200 человек убитыми и 3 тыс. ранеными, погибли также десятки военнослужащих, а свыше 6 тыс. получили ранения)*. События 1989 г. получили большой международный резонанс (ведущие государства Запада ввели против Китая экономические санкции) и имели серьёзные политические последствия. По мнению некоторых специалистов, расправа властей над демонстрантами не ликвидировала антиправительственных настроений в отдельных слоях общества, но направила их в иное русло, имеющее традиционные черты: возрождение тайных обществ и кланов, формирование новых миллениаристских сект и др. (П.М. Иванов, Институт востоковедения РАН).

* См. приложения 2.8 и 2.9.

В Китае имеется потенциальная инфраструктура политического плюрализма: 8 действующих демократических партий, 1700 общественных организаций центрального уровня и около 20 тыс. общественных объединений на местах. Но в настоящее время все они находятся под жёстким контролем КПК. Таким образом, проводя реформы, Китай использовал государство как инструмент для введения элементов рыночных отношений, не допуская его экономического и политического ослабления.

С самого начала реформы Китай проводит *политику “открытости”*, которая предусматривает всемерное расширение связей с зарубежными государствами, активное привлечение иностранного капитала в экономику страны. С этой целью в приморских провинциях были созданы *особые экономические зоны* (сейчас их более 20) с благоприятными условиями для иностранных инвесторов. Практически всё побережье КНР превратилось в “открытый прибрежный пояс” — своеобразный комплекс по производству экспортной продукции и источник получения валюты и новых технологий. В результате Китай вышел на второе место в мире (после США) по объёму иностранных инвестиций. За 1979—1997 годы сумма заявленных иностранных вложений превысила 650 млрд долларов. В 1998—1999 гг. прямые иностранные инвестиции в экономику Китая составили примерно 90 млрд долларов. Всё это даёт возможность, по выражению китайцев, “*строить социализм своими руками, но чужими деньгами*”.

Большую роль в модернизации Китая играют денежные средства, получаемые от китайских эмигрантов (*хуацяо*), 30 млн которых проживают в разных странах*. Ежегодно в Китай поступает до 200 млн долл. в виде денежных переводов эмигрантов своим родственникам. Помимо этого хуацяо активно участвуют в инвестировании китайской экономики (на них приходится более половины иностранных капиталовложений). КНР

осуществляет сотрудничество с хуацяо и в научно-технической сфере. Около половины членов президиума Академии наук КНР и одна треть руководителей ведущих институтов — реэмигранты. Силами хуацяо созданы фонды для субсидирования обучения китайской молодёжи в университетах США и Западной Европы.

* Китайская диаспора за рубежом пользуется большим экономическим влиянием. Наибольшее количество выходцев из Китая проживает в Юго-Восточной Азии. В середине 90-х годов их насчитывалось 25 млн человек и они составляли 32% населения *Малайзии*, 15% — *Таиланда*, 3,5% — *Индонезии* и 1% — *Филиппин*. При этом китайская диаспора контролировала непропорционально большую долю национального богатства этих стран: в Малайзии — до 69%, Таиланде — 81%, Индонезии — 73% (до антикитайских погромов 1998г.), на Филиппинах — 50—60%. Китайские эмигранты создали в Азии гигантские финансовые империи: среди 100 азиатских миллиардеров 39 являются выходцами из Китая. По некоторым подсчётам, суммарный ВВП, который приходится на долю хуацяо в Азии, уже к середине 90-х годов превысил 450 млрд долларов, а их суммарные капиталы составляют от 1,5 до 2 трлн долларов. Такое влияние этнических китайцев заставляет западных аналитиков всерьёз опасаться возможных политических последствий их экономической экспансии. Некоторые специалисты полагают, что в будущем во многих странах Восточной и Юго-Восточной Азии у власти могут оказаться марионеточные прокитайские правительства, что может привести к созданию «*Большого Китая*» — союза стран на основе этнокультурной китайской общности.

Проводимые преобразования приносят зримые результаты. Реформа значительно ускорила темпы экономического роста: если за 1953—1978 годы среднегодовой прирост валовой продукции промышленности составил 6,1%, то в 1979—1998 годах — 9,7% (в 1999 — 7%, 2000 — 8,2%). По темпам экономического роста в 80—90-е годы Китай стал мировым лидером. Задачи первого этапа реформы удалось выполнить на пять лет раньше намеченного срока — уже к 1995 году. КНР занимает 7-е (а по мнению некоторых экспертов — 5-е) место в мире по масштабам своей экономики; в конце 90-х годов объём её ВВП достиг 1 трлн долл. и составил 3% мирового ВВП*. Повысились доходы и жизненный уровень значительной части населения. Почти в 5 раз сократилось число малообеспеченных. Если в начале реформы заветной мечтой для большинства китайцев были «три сокровища» — наручные часы, велосипед и швейная машина, то в 90-е годы интересы потребителей переместились на цветные телевизоры, кондиционеры, видеотехнику и даже компьютеры.

* Следует иметь в виду, что реально оценить нынешнее экономическое положение Китая достаточно сложно в силу целого ряда причин: из-за отсутствия официальных данных о рождаемости, о промышленности и сельском хозяйстве, о положении в беднейших районах страны и др. Кроме того, нередко хозяйственная статистика в КНР преднамеренно искажается чиновниками различного ранга. Поэтому в современных исследованиях существует большой разброс мнений на этот счёт. Так, некоторые исследователи считают, что Китай сознательно занижает данные о своём экономическом потенциале (из стратегических соображений — «чтобы ввести в заблуждение мир»). Другие же полагают, что реальные темпы роста промышленного производства и физический объём выпущенной продукции существенно ниже по сравнению с официально объявленными [подробнее см.: *Гельбарс В. Статистика — дело тонкое... О некоторых показателях экономического развития Китая // Азия и Африка сегодня. — 1999. — № 10. — С. 54-55*].

Вместе с тем, преобразования 80—90-х годов породили и ряд проблем. Политика «открытости», при всей её несомненной экономической эффективности, привела к усилению влияния иностранного капитала в экономике Китая (в 1998 г. предприятия с иностранным капиталом давали 14% валовой продукции промышленности и 47% экспорта; они контролировали значительную часть китайского внутреннего рынка). Обострилась проблема занятости: по мнению специалистов, в конце 90-х годов не менее 120 млн человек (десятая часть населения) перебивались случайными заработками, а количество полностью или частично безработных превышало 140 млн человек (из них 12 млн — в городах). Сохраняется существенная разница в жизненном уровне городского и сельского населения (соотношение доходов этих категорий населения составляло 3:1). Возник большой (трёх-четырёхкратный) разрыв в уровнях доходов населения прибрежных провинций страны (особых экономических зон), представляющих современный сектор экономики Китая и континентальных районов.

Характерно, что в 80-е годы, с официального одобрения властей, в Китае началась “реабилитация Конфуция”. По мнению представителей высшей политической элиты страны, конфуцианство может стать гарантом успеха проводимых экономических реформ и политики “открытости” в Китае. При этом особое внимание уделяется гуманизму конфуцианства, его принципу “бойся не бедности, а неравенства”, который в условиях рынка может сыграть положительную роль, ограничивая имущественное расслоение народа. Некоторые же западные специалисты рассматривают “конфуцианский ренессанс” в современном Китае как попытку противопоставить традиционные ценности азиатского менталитета западной духовной экспансии, “создать культурный заслон вокруг стран Восточной Азии, чтобы противостоять декадансу Запада” (У. Теодор де Бэри, профессор Колумбийского университета, США).

На нынешнем этапе реформы предусматривается переход к “социалистической рыночной экономике”. Китайскому руководству предстоит осуществить реформу государственной промышленности, банковской системы и, вероятно, продолжить аграрные преобразования. В 2000 г. пленум ЦК КПК принял решение за 10 лет (к 2010 г.) удвоить внутренний валовой продукт (ВВП) страны.

В марте 1998 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) было избрано политическое руководство страны: председателем КНР вновь был избран *Цзян Цзэминь* (генеральный секретарь ЦК КПК), который занимал этот пост с 1993 г., председателем ВСНП стал *Ли Пэн*, а премьером Госсовета — *Чжу Жунцзи*. По мнению некоторых специалистов, сейчас в Китае идёт процесс перехода власти к “революционерам четвёртого поколения” (первое поколение олицетворяет Мао Цзэдун, второе — Дэн Сяопин, третье — Цзян Цзэминь).

Политика “открытости”, быстрый рост экономического потенциала КНР способствовали дальнейшему укреплению её международных позиций. Это позволило успешно решить проблему т.н. “*утраченных территорий*” — исконных китайских земель, захваченных иностранцами в колониальный период. В июле 1997 г. *Гонконг* (кит.- Сянган), более полутора столетий бывший английским владением, перешёл под юрисдикцию Китая. А в декабре 1999 г. правительство КНР восстановило суверенитет над бывшим португальским владением *Макао* (кит.- Аомэнь). Эти территории получили статус особых административных районов Китая. В их отношении проводится политика, основанная на принципе “одно государство — два строя”, которая предусматривает длительное сохранение сложившихся там капиталистической системы и привычного для населения образа жизни. Однако до сих пор остаётся нерешённой проблема Тайваня.

11. Тайвань в 50—90-е годы

После завершения гражданской войны и установления контроля КПК над территорией всего континентального Китая остров Тайвань, отсталая 22-я китайская провинция, стал “последним рубежом” Гоминьдана. Как уже отмечалось, сразу же после начала войны на Корейском полуострове, 27 июня 1950 г., президент США Трумэн заявил о военно-политической и экономической поддержке режима Чан Кайши и направил в Тайваньский пролив 7-й американский флот, чтобы предотвратить возможную высадку на острове вооружённых сил КНР. На протяжении последующих десятилетий Тайвань фактически находился под защитой США. Получив надёжную военно-политическую помощь, руководство Гоминьдана сосредоточилось на решении внутривнутриполитических проблем.

В политическом развитии Тайваня можно выделить три периода. *Первый* — “период военного положения” (официальное его название: “Период национальной мобилизации для подавления коммунистического мятежа”), — продолжался с 1949 до 1987 г. и характеризовался авторитарным режимом правления Гоминьдана. На протяжении этого периода сохранялась однопартийная система, и действовало чрезвычайное законодательство. В отношении континентального Китая (КНР) признавались лишь силовые методы и усиленно насаждалась идея “*контрнаступления на материк*”. С американской помощью были созданы крупные

вооружённые силы численностью около 500 тыс. человек. Выступления оппозиции жестоко подавлялись. Президентом Тайваня, вплоть до своей смерти в 1975 г., оставался Чан Кайши. После небольшого перерыва, в 1978 г., этот пост занял его сын Цзян Цзинго, возглавивший и Гоминьдан. На посту президента он находился до 1988 года.

Поражение в гражданской войне заставило лидеров Гоминьдана начать пересмотр своей прежней политики. Был взят курс на обновление состава партии, на её освобождение от бюрократизма и коррупции. Уже к 1952 г. почти половину членов Гоминьдана составляли рабочие и крестьяне, а примерно треть — лица, имевшие образование выше среднего. Однако в целом его политический облик оставался неизменным (нередко политологи определяли Гоминьдан как “партию ленинского типа” — из-за его претензий на политическую монополию, приверженности к жёсткой централизации, идеологическому единomyслию и т.п.).

Характерной чертой “периода военного положения” стал отказ от проведения парламентских выборов. Фактически были “заморожены” мандаты перебравшихся на остров депутатов парламента, полученные ими на общенациональных выборах 1948 г. До конца 80-х годов проводились лишь довыборы новых членов парламента, что происходило либо в связи с ростом населения, либо для замены депутатов, утративших свою трудоспособность. Лишь в конце 80-х годов был принят закон о добровольной отставке старейших парламентариев (им воспользовались все ветераны), что позволило реорганизовать парламента на основе полномасштабных выборов.

Специфической особенностью политической системы Тайваня стало разделение государственной власти, в соответствии с суньятсеновской моделью начала 20-х годов, на пять ветвей (законодательную, исполнительную, судебную, контрольную и экзаменационную). В соответствии с этим была сформирована и администрация Тайваня, которая состоит из пяти основных палат. Функции парламента фактически выполняла Законодательная палата. Высший же представительный орган — Национальное собрание, созывалось лишь для выборов президента и вице-президента Тайваня, а также внесения изменений в его конституцию.

Серьёзным потрясением для тайваньского руководства стала нормализация отношений между США и КНР. После установления между ними дипломатических отношений (1979 г.) Цзян Цзинго, в знак протеста, поклялся не покидать пределы Тайваня до конца своих дней. Тем не менее, Гоминьдан был вынужден считаться с новыми политическими реалиями. В 1981 г. его XII конгресс снял лозунг “контрнаступления на материк” и выдвинул идею объединения Китая “на основе трёх народных принципов Сунь Ятсена”. С середины 80-х годов наметилась некоторая либерализация политического режима на Тайване, чему в немалой степени способствовал сам Цзян Цзинго, заявивший, что его преемник будет избран в соответствии с конституцией и не будет иметь отношения ни к семье президента, ни к военным кругам. В сентябре 1986 г., вопреки действовавшему закону о чрезвычайном положении, группа оппозиционных деятелей создала *Демократическую прогрессивную партию* (ДПП). Власти не отреагировали на это. Более того, в 1987 г. Цзян Цзинго отменил военное положение, что открыло путь к реальной демократизации.

Таким образом, с отменой военного положения в политической истории Тайваня начался *второй период*, который продолжался с 1987 до весны 2000 г. Этот период характеризовался реорганизацией существовавшей политической системы. В июле 1988 г. XIII конгресс Гоминьдана провозгласил курс на осуществление реформ и ускорение демократизации (присутствовавшая на конгрессе вдова Чан Кайши в знак протеста против этих “капитулянтских”, по её мнению, решений демонстративно покинула зал заседаний). Быстрыми темпами происходило формирование многопартийной системы: к концу 90-х годов на Тайване возникло более 80 политических партий. Среди оппозиционных партий наиболее влиятельными были ДПП, объективно выступавшая за провозглашение независимости Тайваня и создание там сепаратного государства, а также *Китайская новая партия*, образованная в 1993 г. группой авторитетных политиков, покинувших Гоминьдан, и выдвигавшая идею воссоединения Китая в будущем. Однако на протяжении этого периода Гоминьдан продолжал оставаться у власти*.

* В 90-е годы XX в. Гоминьдан считался одной из богатейших партий мира; его активы оценивались в 20 млрд долларов.

Преемником умершего в 1988 г. Цзян Цзинго на посту президента Тайваня стал представитель коренного тайваньского населения Ли Дэнхуэй, лидер Гоминьдана. Новый президент продолжил начатые преобразования. В 1989 г. состоялись первые в истории Тайваня выборы на многопартийной основе в законодательные и местные органы власти. С начала 90-х годов проводится конституционная реформа, направленная на развитие и укрепление парламентаризма, создание более сбалансированной системы политической власти. В 1996 г. впервые были проведены прямые президентские выборы, принесшие победу Ли Дэнхуэю. Таким образом, рассматриваемый период характеризовался постепенным переходом от авторитаризма к демократии. К концу 90-х годов авторитет Гоминьдана заметно снизился, чему в немалой степени способствовала активная деятельность оппозиции по разоблачению фактов коррупции в высших эшелонах власти.

В марте 2000 г. состоялись очередные президентские выборы, на которых победу одержал кандидат от ДПП *Чень Шуйбянь*. В результате Гоминьдан был отстранён от власти. Эти события ознаменовали начало *третьего периода* в политической истории Тайваня. Ещё до выборов, во избежание военной конфронтации с КНР, ДПП заявила, что не станет объявлять независимость Тайваня, проводить в одностороннем порядке референдум по данному вопросу или вносить изменения в конституцию, меняющие нынешний статус острова. Однако в настоящее время политическая ситуация осложняется тем, что Гоминьдан продолжает контролировать госаппарат и парламент, где он имеет 115 мест из 220. Поэтому специалисты не исключают возможности “административного развала” *.

* По мнению некоторых политологов, ситуация, сложившаяся на Тайване (а также в Индонезии и на Филиппинах), свидетельствует о том, что «президентская система не подходит для новых, молодых демократий», так как она «поляризует общество» (поскольку проигравший кандидат и партия «теряют всё») и углубляет политическую нестабильность, что, в свою очередь, отражается на экономике (доктор Ли Госюн, Институт международных отношений, Тайвань).

Экономическое развитие Тайваня в послевоенный период характеризовалось рядом особенностей. В начале 50-х годов Чан Кайши пересмотрел ранее проводившуюся экономическую политику, вследствие чего был сделан вывод о том, что добиться своих социальных целей Гоминьдан сможет лишь пройдя через неизбежный этап рыночного, буржуазного развития. Первым важнейшим экономическим мероприятием тайваньской администрации стала *аграрная реформа* (1949—1953 гг.), при проведении которой в качестве образца была взята японская модель. В результате 90% крестьян стали собственниками земли (до реформы 2/3 тайваньских крестьян были арендаторами). В дальнейшем при финансовой и организационной помощи США были созданы крестьянские ассоциации, послужившие основой кооперативного движения. Радикальные изменения земельных отношений и последующая модернизация сельскохозяйственного производства позволили решить продовольственную проблему, повысить благосостояние крестьян, а в итоге — создать прочную социальную базу для режима Гоминьдана. С 1953 г. правительство приступило к разработке четырёхлетних планов экономического развития.

Важную роль в экономических преобразованиях на Тайване играла прямая иностранная помощь. За 15 лет (1951—1965) США предоставили гоминьдановскому правительству помощь в объёме 4 млрд долларов. Правда, большую часть суммы составили военные поставки, а также средства, выделенные на укрепление обороноспособности острова. По свидетельству специалистов, непосредственно на экономические нужды за этот период было предоставлено лишь около 0,5 млрд долларов (поэтому бытующее в литературе утверждение о “золотом дожде”, пролившемся над Тайванем, выглядит явным преувеличением). Причём, 80% американской экономической помощи пошли в инфраструктуру, сельское хозяйство и

подготовку кадров и только 20% — непосредственно в промышленность. США настаивали на изменении методов хозяйствования и создании условий для развития частного предпринимательства. И гоминьдановское руководство учло эти требования, взяв курс на сочетание государственного регулирования с рыночной экономикой. В 1959 г. на Тайване была создана “Корпорация развития Китая”, которая стала финансировать частный бизнес. В результате в 60-е годы позиции частного капитала значительно окрепли. Характерно, что за частным предпринимательством были зарезервированы новые передовые отрасли промышленности (электроника, нефтехимия и др.).

Принятые на рубеже 50—60-х годов законы предоставляли существенные льготы для иностранных инвесторов. Это обеспечило необходимый приток капитала из-за границы. Избранная модель развития была ориентирована на всемерное расширение экспортного производства. В рамках этой стратегии в 1965 г. для иностранного капитала были созданы свободные экономические зоны (“зоны экспортного производства”). В 1968 г. на Тайване было введено обязательное девятиклассное образование, что значительно повысило качество национальной рабочей силы.

В 70-е годы была принята и успешно выполнена правительственная “программа строительства крупных промышленных объектов”, регулярно объявлялись четырёхлетние планы. Правда, эти планы были обязательными лишь для организаций бюджетной сферы, для частных же предприятий они служили лишь ориентирами. К 1976 г. доля промышленности в ВВП Тайваня достигла 50% (с начала 80-х годов лидерство перешло к сфере услуг, которая стала создавать более половины ВВП). Реальный опыт развития Тайваня в 60—80-е годы показал высокую эффективность мелких и средних частных предприятий, которые успешно конкурировали с государственными. В результате с середины 60-х до начала 90-х годов доля малого и среднего бизнеса в промышленном производстве увеличилась с 55 до 62%. Характерной тенденцией этого периода стало также неуклонное снижение удельного веса госсектора в промышленности: с 57% в 1952 г. до 21% в 1980 г. и 18% в 1990 г. По сути дела, к концу 70-х годов регулирующая роль государства себя исчерпала. Отныне деятельность государства была направлена лишь на создание экономической инфраструктуры и реализацию наиболее крупных социальных проектов.

Таким образом, в послевоенные годы Тайвань, население которого насчитывает 22 млн человек (1998), превратился в экономически мощное административное образование и вошёл в группу “*новых индустриальных стран*” (НИС). Характерной чертой экономической жизни Тайваня является преобладание мелкого и среднего бизнеса (в отличие, например, от Южной Кореи, где в промышленности господствуют несколько крупнейших концернов). Важным итогом экономического развития “с опорой на малый бизнес” стало динамичное формирование среднего класса, ядро которого составляют мелкие и средние предприниматели. В начале 90-х годов к среднему классу причисляло себя 75% населения. В конце 90-х годов ВВП Тайваня достиг примерно 300 млрд долларов (18-е место в мире), темпы его экономического роста составляли 6,7% (в целом же за период с 1950 по 2000 г. они составили в среднем 8%), уровень доходов на душу населения — 13,3 тыс. долларов в год, валютный запас — 100 млрд долларов, уровень безработицы — 2,6%. Тайвань занимает 3-е место в мире (после США и Японии) по производству электроники. Характерно, что средние доходы 20% самых богатых тайваньцев лишь в четыре раза превышают доходы 20% самых бедных (в 50-е годы их доходы соотносились как 15:1). Это, несомненно, свидетельствует об эффективности проводимой там экономической политики. В январе 1997 г. была утверждена 10-летняя программа развития Тайваня, нацеленная на поддержание высоких темпов развития экономики. Примечательно также, что тайваньская экономика продемонстрировала свою устойчивость и во время финансового кризиса 1997—1998 годов в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Высокий уровень материального благосостояния, либерализация общественной жизни, заставили население Тайваня задуматься о своей национальной идентификации. Согласно опросам общественного мнения, в конце 90-х годов только 18% населения острова считали себя

“китайцами”, в то время как 30,5% — “тайваньцами”, а 37% — “китайцами и тайваньцами одновременно”. Таким образом, длительная изоляция острова от материка привела к тому, что тайваньцы начинают ощущать себя самостоятельной нацией.

После исключения из ООН (1971 г.) Тайвань находится в дипломатической изоляции от мирового сообщества. Сегодня его признают лишь 30 стран, главным образом небольшие государства развивающегося мира, а в Европе — Ватикан, Македония и Литва. Китай считает проблему Тайваня своим внутренним делом и заявляет, что будет стремиться к её мирному разрешению. Однако правительство острова пока уклоняется от прямых переговоров относительно объединения с материковым Китаем на основе формулы “одно государство — два строя” и выдвигает собственную — “одна страна — два правительства”. Власти Тайваня официально называют свой остров “Китайской Республикой” и не отказываются от претензий на то, чтобы выступать на мировой арене от имени всего Китая, материковая часть которого, по их мнению, лишь временно “оккупирована коммунистами”. Новая версия “белой книги” КНР по тайваньскому вопросу (2000 г.) предусматривает возможность использования силовых методов для решения “тайваньской проблемы” не только в тех случаях, если остров провозгласит независимость или в его судьбу вмешаются третьи страны (как это предполагалось ранее), но ещё и в том случае, если Тайвань будет затягивать “до бесконечности” решение вопроса о присоединении к КНР. Это, вероятно, свидетельствует об ужесточении официальной линии китайского руководства в отношении Тайваня.

12. Проблемы современного Китая

В настоящее время одной из основных является проблема перенаселённости. Китай — самое населённое государство. За 40 лет (1949—1989) его население увеличилось вдвое, и в конце 90-х годов превысило 1 млрд 250 млн человек, что составляет 21% населения планеты. Идеальной же для этой страны, по мнению учёных, с учётом размеров её территории, обеспеченности ресурсами и экологической ситуации, считается численность населения 700 млн человек. Сегодня на каждого китайца приходится гораздо меньше сельскохозяйственных ресурсов, чем на “среднестатистического” жителя Земли (в том числе, пахотной земли — в 4 раза, а лесов — в 8 раз). Специалисты прогнозируют, что в 30-е годы XXI века населению Китая не будет хватать питьевой воды. Поэтому демографическая политика его правительства направлена на ограничение рождаемости. Её суть определяется лозунгом “каждой семье — один ребёнок”. Эта политика осуществляется экономическими методами и является весьма эффективной, поскольку в настоящее время темпы прироста населения резко сократились. Однако сразу же возник другой тревожный феномен — население Китая стареет. В 1997 г. численность китайцев старше 60 лет превысила 100 млн человек, а к 2040 году, по прогнозам, число пожилых людей возрастёт до 250 млн человек. Поскольку процесс старения происходит в условиях относительно низких доходов, в будущем он может создать немало дополнительных социальных проблем.

Большую тревогу в современном Китае вызывает обострение экологической проблемы. Нередко хозяйственная деятельность оказывает разрушительное воздействие на природу. Главной бедой является эрозия почвы, в результате которой гибнут миллионы гектаров плодородной земли. Продолжается процесс опустынивания. Сейчас пустыни занимают 16% территории страны и в полтора раза превышают площадь всей пахотной земли. В связи с этим в последние годы, впервые в истории страны, стало разрабатываться экологическое законодательство, призванное обеспечить поддержание природного баланса.

Китай — многонациональное государство. Помимо этнических китайцев (ханьцев), составляющих 91% населения, здесь проживают ещё 55 национальностей. Неханьские этносы, составляющие всего 9% населения Китая, расселены на землях, превышающих 60% общей территории страны (в основном во Внутренней Монголии, Тибете, Гуанси-Чжуанском, Нинся — Хуэйском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах КНР). Нацменьшинствам, в местах их компактного проживания, предоставлена национальная районная автономия, их права

гарантированы конституцией (сейчас в Китае существует 5 автономных национальных районов, 30 округов и 121 автономный уезд).

Однако в некоторых национальных районах на протяжении длительного времени сохраняется нестабильная обстановка. В октябре 1987 г. произошли антиправительственные выступления в Тибете, спорадически повторявшиеся и в последующие годы. После распада СССР наблюдается возрождение идей пантюркского единства в ряде азиатских стран (прежде всего в Турции), что тревожит Китай, поскольку выдвигаемая идея “тюркского сотрудничества” включает в свою сферу весь исторический Туркестан, восточной частью которого является Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (СУАР). Коренное население этого района, занимающего 1/6 часть территории страны и до сих пор остающегося экономически слабо развитым, в большинстве своём, исповедует ислам*. Китай испытывает давление со стороны тюркских государств, фактически направленное на вычленение СУАР из состава КНР и создание там самостоятельного тюркского государства (причём в северных районах Синьцзяна популярна идея создания “Уйгурстана” — независимого светского государства, а на юге — Исламской республики Восточного Туркестана). Со времени присоединения к КНР и до наших дней в СУАР произошло 15 крупномасштабных сепаратистских восстаний. Там подпольно действует ряд экстремистских организаций, получающих помощь извне. Под несомненным воздействием исламистской пропаганды в 1996—1997 гг. вновь вспыхнули массовые выступления уйгур, приведшие к человеческим жертвам. В настоящее время правительство КНР твёрдо и последовательно выступает за территориальную целостность страны, чрезвычайно жёсткими методами борется с сепаратистами (по данным Британского центра освещения войны и мира за период с 1997 по 2000 г. в СУАР казнено более 1300 уйгурских боевиков) и проявляет интерес к международному сотрудничеству в данном вопросе. Проблема борьбы с терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом являлась ключевой в деятельности созданной в 1996 г. “шанхайской пятёрки”, в состав которой входили Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан (в июне 2001 г. в связи со вступлением в это объединение Узбекистана оно было преобразовано в Шанхайскую организацию сотрудничества).

* Ислам исповедуют 10 национальностей, проживающих на территории Китая, в том числе хуэйцы, уйгуры, казахи, киргизы и др.

Помимо применения репрессивных мер китайское правительство приступило к использованию экономических методов для преодоления сепаратистских настроений в СУАР и других национальных районах. С этой целью разработана общегосударственная программа “Развитие Запада”, целью которой является ликвидация экономической отсталости Синьцзяна и других западных областей КНР.

13. Китай на международной арене

Как уже отмечалось, в октябре 1971 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о восстановлении всех прав Китая в ООН и исключении представителей тайваньских властей из этой международной организации и всех её органов. Это способствовало укреплению международного положения КНР. Большую роль в нормализации обстановки в Восточной Азии сыграло подписание китайско-японского Договора о мире и дружбе (1978 г.), а также соглашения об установлении дипломатических отношений между КНР и США (с 1 января 1979 г.). В настоящее время Китай имеет дипломатические отношения со 161 страной мира.

С началом экономических реформ Китай фактически отошёл от глобальной политики и сосредоточился на решении конкретных проблем региональной политики. Были урегулированы пограничные проблемы с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, а также с Россией (за исключением небольшого участка). После распада Советского Союза, КНР подписала с Россией ряд принципиальных политических деклараций и экономических соглашений. В Китае современные китайско-российские отношения официально разделяют на *три этапа*: первый (1992—1994 гг.) определяется как “*этап добрососедства*”, второй (1994—1996 гг.) — как этап

“конструктивного партнёрства” (т.е. партнёрства, базировавшегося лишь на двусторонних отношениях), а третий (с 1996 г. по настоящее время) — как этап “стратегического партнёрства”, которое охватывает все проблемы международного сотрудничества.

В своих двусторонних отношениях Китай и Россия декларируют основную политическую задачу — содействовать формированию многополюсного мира. Однако нынешнее китайско-российское сотрудничество имеет явно ограниченный характер, поскольку ни та, ни другая сторона не может жёстко и последовательно выступать против политики США из-за своей заинтересованности в западной помощи. Введение Россией безвизового режима на границе с Китаем (1992—1994 гг.) привело к резкому увеличению объёма двусторонней торговли (до 7,7 млрд долл. в 1993 г.), но способствовало возникновению синдрома “китайской угрозы”, особенно среди населения российского Дальнего Востока (в пограничных дальневосточных областях России проживает лишь около 7 млн человек, в то время как население северо-восточных провинций Китая составляет примерно 150 млн человек, из них 25 млн — безработные; это вызывает опасение, что китайцы, пользуясь слабостью России, “устремятся на север” и установят контроль над теми землями, которые “считают своими”). Опасаются резкого изменения китайской политики в отношении России и некоторые специалисты, не исключая возможности того, что КНР, улучшив отношения с Западом, может пойти вместе с ним на раздел “российского пирога” (С.И. Лунёв, Институт востоковедения РАН).

Китай посредничает в деле корейского урегулирования и с 1996 г. наладил свои отношения с обоими корейскими государствами. Произошло заметное улучшение в отношениях с Индией, в которых долгое время сохранялась напряжённость*. Лишь на рубеже 80—90-х годов произошло некоторое “потепление” отношений между двумя странами. Индия и Китай выработали специфическую модель отношений: отложили на неопределённое время решение вопроса о спорных территориях и стали развивать сотрудничество в различных сферах. В настоящее время наблюдается отход китайского руководства от безоговорочной поддержки Пакистана в его территориальном споре с Индией. По ряду острых современных проблем взгляды Индии и Китая близки или даже совпадают. Так, осуждая действия сербского руководства в Косово, обе страны, тем не менее, потребовали немедленного прекращения бомбардировок территории Югославии самолётами НАТО весной-летом 1999 г., квалифицировав эти действия как жестокое нарушение прав человека.

* В 60-е годы Китай пошёл на союз с Пакистаном и начал оказывать ему военно-политическую помощь, что на долгое время сделало невозможным китайско-индийский политический диалог.

Взаимоотношения Китая со странами Юго-Восточной Азии складывались непросто. В конце 70-х годов резко обострились его отношения с Вьетнамом, начавшим претендовать на лидерство в Индокитае. Весной 1978 г. Китай обвинил вьетнамское руководство в преследовании хуацяо (около 170 тыс. хуацяо уехали из Вьетнама в КНР) и заявил о полном прекращении помощи Вьетнаму и отзыве всех своих специалистов. Летом 1978 г. вьетнамское правительство впервые обвинило Пекин во враждебности к Вьетнаму. В декабре 1978 г. вьетнамская армия начала боевые действия против режима “красных кхмеров” в Камбодже, пользовавшегося покровительством Пекина. В ответ китайская армия, с целью “дать урок” вьетнамскому руководству, в феврале 1979 г. вторглась на территорию Вьетнама. Однако добиться серьёзного военного успеха ей не удалось. Возможно, эта акция изначально замышлялась как краткосрочная “демонстрация силы”, поскольку уже в марте того же года боевые действия были прекращены. Тем не менее, напряжённость в китайско-вьетнамских отношениях сохранялась вплоть до начала 90-х годов, что объяснялось, с одной стороны, пребыванием вьетнамских войск в Камбодже (до 1989 г.), а с другой — финансовой и военной поддержкой Китаем “красных кхмеров” (до 1990 г.). В 1991 г. между двумя странами были восстановлены дипломатические отношения, что ускорило процесс нормализации обстановки. В

конце 1999 г. было подписано соглашение о демаркации сухопутной границы, окончательно урегулировавшее проблему спорных приграничных районов (их насчитывалось более сотни).

Тем не менее, в настоящее время ситуация в регионе осложняется наличием десятков других нерешённых территориальных проблем, 14 из которых, по мнению китайского руководства, непосредственно затрагивают КНР. В частности, на острова Сенкаку, находящиеся под управлением Японии, претендуют Китай и Тайвань, на Парасельские острова — Китай и Вьетнам, а на архипелаг Спратли в Южнокитайском море претендуют 6 государств, включая Вьетнам и Китай, который в 1992 г. в одностороннем порядке провозгласил свой суверенитет над архипелагом. Примечательно, что ни Китай, ни Вьетнам не поддержали предложение АСЕАН о режиме совместного использования островов архипелага, богатого месторождениями нефти и газа. В ходе китайско-вьетнамских переговоров на высшем уровне (декабрь 2000 г.) решение вопроса о статусе спорных островов было отложено на неопределённое время.

В 80 — 90-е годы неуклонно расширялись политические и торгово-экономические связи Китая с США и странами Запада. В 1993 г. президент США Клинтон провозгласил *политику “вовлечения”* Китая, противопоставив её прежнему курсу на “сдерживание” (правда, со времени провозглашения и по сегодняшний день эта политика является объектом ожесточённой критики со стороны Конгресса США и консервативной части американской общественности). Сближение с США обеспечило КНР, прежде всего, необходимый приток капиталов. В конце 90-х годов прямые американские инвестиции в экономику Китая составили около 6,5 млрд долл. и в Гонконг — свыше 20 млрд долларов. США являются для Китая важнейшим (после Японии) внешнеторговым партнёром: в 1999 г. общий объём товарооборота между двумя странами составил примерно 90 млрд долл. (для сравнения: китайско-российский торговый оборот — около 6 млрд долл.).

Однако китайско-американские отношения остаются сложными, поскольку их успешное развитие сдерживают целый ряд факторов, в первую очередь — тайваньская проблема, а также явное стремление США к мировой гегемонии. Установив дипломатические отношения с Китаем, американцы были вынуждены выполнить его требования: признать правительство КНР как единственно законное правительство Китая, а Тайвань — неотъемлемой частью Китая, расторгнуть с тайваньскими властями дипломатические отношения, заявить о прекращении действия договора о совместной обороне (1954 г.) и о выводе своих войск с острова. Но в соответствии с законом об отношениях с Тайванем, подписанным президентом Картером в апреле 1979 г., США сохранили особые, по сути дела, союзнические отношения с тайваньским правительством (в настоящее время функции американского посольства фактически исполняет Американский институт по Тайваню, имеющий отделения в Тайбэе и Тайчжуне, а тайваньского — Координационный совет по Северной Америке, располагающий отделениями в Вашингтоне и десяти других городах США). Тем не менее, в тайваньском вопросе американская администрация пыталась вести себя корректно. В июне 1998 г., в ходе визита в КНР, президент Клинтон огласил основные принципы своей политики в отношении Тайваня (в Китае её назвали политикой “*трёх нет*”): “нет” — независимости Тайваня; “нет” — политике “двух Китаев” (или политике “один Китай, один Тайвань”); “нет” — принятию Тайваня в международные организации, членство в которых открыто только для суверенных государств. В контексте этой политики летом 1999 г. американская администрация резко отреагировала на попытку руководства Тайваня объявить отношения острова с материковым Китаем “особыми отношениями между двумя государствами”, а в сентябре 1999 г. представитель США на Генеральной Ассамблее ООН впервые высказался против принятия Тайваня в эту организацию. Однако со сменой американского руководства (2001 г.) отношения между США и Китаем заметно ухудшились. Пришедшая к власти администрация Дж. Буша приняла новую азиатско-тихоокеанскую стратегию, в которой КНР рассматривается как “главный стратегический конкурент” США. Реализация этой стратегии может вызвать затяжное политическое противостояние между двумя странами.

Нынешнее китайское руководство заявляет, что КНР будет придерживаться независимого, самостоятельного и миролюбивого внешнеполитического курса, бороться против любого гегемонизма и силовой политики, не вступать ни в какие союзы и блоки, последовательно выступать за справедливый экономический и политический порядок. Новый имидж Китая на международной арене содействует развитию его внешнеэкономических связей, укреплению доверия со стороны зарубежных партнёров. В конце 1999 г. канцлер ФРГ Герхард Шрёдер высказался за привлечение Китая в XXI веке к участию во встречах руководителей восьми ведущих стран планеты (“большой восьмёрки”), что будет вполне соответствовать его реальному удельному весу в мировом сообществе.

14. Украинско-китайские отношения

27 декабря 1991 г. КНР признала независимость Украины. Вскоре между двумя странами были установлены дипломатические отношения и начался политический диалог. Важный вклад в формирования договорно-правовой базы взаимоотношений Украины и Китая был сделан в ходе состоявшихся встреч руководителей государств, в первую очередь — государственных визитов в КНР президентов Украины Л.М. Кравчука (1992 г.) и Л.Д. Кучмы (1994 г.), а также официального визита в Украину председателя КНР Цзян Цзэминя (1994 г.). Переговоры на высшем уровне дополнялись активными контактами между всеми ветвями власти Украины и Китая, что обеспечивало успешную реализацию подписанных соглашений. Однако вскоре произошло событие, которое вызвало некоторое охлаждение двусторонних отношений: в августе 1996 г. в Киев с неофициальным визитом прибыл вице-президент Тайваня, что было негативно воспринято китайской стороной. Но возникшие недоразумения удалось уладить, и в 1997 г. личные контакты руководителей Украины и КНР возобновились.

В настоящее время подписано более 60 межгосударственных договоров и соглашений, разработана солидная правовая основа для развития взаимовыгодного украинско-китайского сотрудничества. Однако в своём реальном воплощении оно всё ещё не соответствует требованиям сегодняшнего дня и возможностям двух стран. Официально объявленное украинским руководством желание вывести годовой товарооборот с Китаем к концу XX в. на уровень 2-3 млрд долл. так и не было реализовано на практике. Более того, во второй половине 90-х годов прослеживалась тревожная тенденция, свидетельствующая о неблагоприятной ситуации в экономических связях Украины с Китаем — объём двусторонней торговли систематически сокращался (за период с 1994 по 1997 г. — почти в 2 раза). В конце 90-х годов положение в торгово-экономических отношениях двух стран несколько стабилизировалось (в 1998 г. их товарооборот составлял примерно 0,86 млрд долларов). Сегодня Китай является важным внешнеторговым партнёром Украины. На его долю приходится 6,43% украинского экспорта. По данному показателю Китай занимает второе место после России (20,69%), опережая Турцию (5,81%), Германию (4,84%) и США (3,76%). В Украине создано 54 предприятия (из них 29 совместных) с китайским капиталом на общую сумму 4,56 млн долл. Правда, большинство из них являются небольшими коммерческими фирмами.

Литература

1. Барач Д. Дэн Сяопин.— М.: Международные отношения, 1989.
2. Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества.— М.: ИФРАН, 1998.
3. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т.: Учебник.— Т. 2.— М.: Высш. школа, 1998.
4. Волынский Г. Экономическая реформа в Китае: Характерные черты, результаты, новые задачи // Экономика Украины.— 1999.— № 9.— С. 62-66.
5. Воронцов А.В. Как принималось решение о вводе “китайских добровольцев” в Корею в 1950 г. // Новая и новейшая история.— 1998.— № 2.— С. 13-21.
6. Галенович Ю. Три принципа Дэн Сяопина // Свободная мысль.— 1999.— № 9.— С. 63-75.

7. Гельбарс В.Г. Китай после Дэн Сяопина: Проблемы устойчивого развития // Полис.— 1995.— № 1.
8. Гельбарс В.Г. Куда идёт Китай: К итогам XV съезда КПК // МЭМО.— 1998.— № 4.
9. Говоров Ю.Л. История стран Азии и Африки в новейшее время. Основы лекционного курса. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.
10. Гончарук А.З. Доки не стерлася добра пам'ять: Україна — Китай // Політика і час.— 1999.— № 4.— С. 46-52.
11. Гренвилл Дж. История XX века: Люди, события, факты.— М.: Аквариум, 1999.
12. Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Политическая система Тайваня.— М.: Б.и., 1997.
13. Гулин В.И., Григорьев А.М. Концепция истории Китая в новейшее время: поиск новых подходов // Проблемы Дальнего Востока.— 1991.— № 2.— С. 71-79.
14. Делюсин Д. Каково место Мао Цзедуна в истории страны // Азия и Африка сегодня.— 2001.— № 2.— С. 22-26.
15. Делюсин Л.П. “Культурная революция”. Тридцать лет спустя.— Вестник научной информации / Ин-т междунар. экономич. и политич. исследований РАН.— 1997.— № 5.
16. Делюсин Л.П. Полвека — две эпохи // Азия и Африка сегодня.— 1999.— № 10.— С. 4-10.
17. Делюсин Л.П. Подоплека недавнего конфликта: [Россия — Китай] // Азия и Африка сегодня.— 1999.— № 7.— С. 61—65, № 8.— С. 56—60.
18. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая.— М.: Политиздат, 1988.
19. Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой: Статьи и выступления.— М.: МП “Палея”, 1997.
20. Дюрозель Жан-Батист. Історія дипломатії від 1919 року до наших днів.— К.: Основи, 1995.
21. Зотов В. Китай: истоки политического кризиса // Иностранная литература.— 1989.— № 11.— С. 204-225.
22. Ивасита А. Москва — Пекин: “стратегическое партнёрство” и пограничные переговоры // МЭМО.— 2000.— № 11.— С. 92-96.
23. Илларионов А. Секрет китайского “экономического чуда” // Вопросы экономики.— 1998.— № 4.
24. Иноземцев В. Особый путь Китая // Свободная мысль.— 1999.— № 9.— С. 50-62.
25. История Китая / Л.С. Васильев, З.Г. Лапина, А.В. Меликсетов и др.— М.: Изд-во МГУ, 1998.
26. Капица М.С. На разных параллелях: Записки дипломата.— М.: АО “Книга и Бизнес”, 1996.
27. Кейпл Д. Развенчание мифа о советско-китайском монолите, 1949—1960 // Холодная война: Новые подходы, новые документы.— М.: [РАН], 1995.— С. 334-346.
28. Китай: история в лицах и событиях / С.Л. Тихвинский, М.Ф. Юрьев.— М.: Политиздат, 1991.
29. Кулик Б. Китайская Народная Республика в период становления (1949—1952 гг.): (По материалам Архива внешней политики РФ) // Проблемы Дальнего Востока.— 1994.— № 5,6.
30. Кулик Б.Т. США и Тайвань против КНР. 1949—1957 гг.: Новые архивные документы // Новая и новейшая история.— 1995.— № 5.
31. Козицкий А. Новітня історія країн Азії та Африки (1918—1999): Курс лекцій.— Львів: Вид. науково-технічної літератури, Вид. фірма “Афіша”, 2000.
32. Ларин А. Два президента, или Путь Тайваня к демократии.— М.: Academia, 2000.
33. Ледовский А.М. Миссия Дж. Маршалла в Китай и советско-китайско-американские отношения: [Воспоминания] // Вопросы истории.— 1999.— № 2.— С. 73-88.
34. Ледовский А.М. На дипломатической работе в Китае в 1942—1952 гг.: Записки дипломата // Новая и новейшая история.— 1993.— № 6.— С. 102-132.
35. Ледовский А.М. Переговоры И.В. Сталина с Мао Цзедуном в декабре 1949 — феврале 1950 г.: Новые архивные документы // Новая и новейшая история.— 1997.— № 1.— С. 23-47.
36. Ледовский А.М. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай (январь-февраль 1949 г.): Документы // Проблемы Дальнего Востока.— 1995.— № 2.— С. 96-111, № 3.

37. Ледовский А.М. СССР и Китай в 1937—1949 гг.: Записки советского дипломата // Новая и новейшая история.— 1990.— № 5.— С. 82-108.
38. Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая: Документы и свидетельства участника событий. 1937—1952.— М.: Памятники исторической мысли, 1999.
39. Ледовский А.М. Сталин и Чан Кайши. Секретная миссия сына Чан Кайши в Москву. Декабрь 1945 — январь 1946 г.: Из Архива Президента РФ // Новая и новейшая история.— 1996.— № 4.— С. 100-129.
40. Ледовский А.М. Стенограмма переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе-сентябре 1952 г.: Из Архива Президента РФ // Новая и новейшая история.— 1997.— № 2.— С. 69-86.
41. Меликсетов А.В. Победа китайской революции: 1945—1949.— М.: Наука, 1989.
42. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущёва // Вопросы истории.— 1992.— № 11-12.— С. 65-85, 1993.— № 2.— С. 77-91, № 3.— С. 68-86.
43. Міжнародні відносини та зовнішня політика (1945—70-ті роки): Підручник / В.А. Манжола, М.М. Білоусов, Л.Ф. Гайдуков та ін.— К.: Либідь, 1999.
44. Михеев В. Китай и азиатский регионализм // Международная жизнь.— 1999.— № 9.— С. 76-87.
45. Мясников В.С. Мао Цзэдун // Вопросы истории.— 1990.— № 1.— С. 73-95.
46. Носов М.Г. Политика США в отношении Китая // США — Канада: Экономика. Политика. Культура.— 2000.— № 7.— С. 3-25.
47. Остроухов О. Внешняя политика Китая в годы реформ и перспективы её развития // МЭМО.— 1999.— № 3.— С. 5-15.
48. Панцов А.В. К дискуссии в КПК вокруг идей “Мао Цзедуна” // Рабочий класс и современный мир.— 1982.— № 3.— С. 44-47.
49. Пивоварова Э. Уроки хозяйственной реформы в Китае // Российский экономический журнал.— 1997.— № 5-6.
50. Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина.— М.: Изд. фирма “Вост. литература”, 1998.
51. Пэн Дэхуай. Мемуары маршала / Пер. с кит.— М.: Воениздат, 1988. (См. главы 13-15).
52. Рахманин О.Б. Взаимоотношения И.В. Сталина и Мао Цзедуна // Новая и новейшая история.— 1998.— № 1.— С. 78-91.
53. Руделсон Дж. Уйгуры и будущее Центральной Азии // МЭМО.— 1994.— № 8/9.— С. 102-111.
54. Савенков Ю. Председатель Цзян Цзэминь // Азия и Африка сегодня.— 1999.— № 10.— С. 35-38.
55. Салицкий А.И. Китай — новая система в мировой политике // Восток.— 1999.— № 1.— С. 91—106.
56. Салицкий А.И. КНР: мирохозяйственная стратегия, политика и практика // Восток.— 1999.— № 4.— С. 50—61.
57. Себайн Дж. Г., Торсон Т.Л. Історія політичної думки.— К.: Основи, 1997. (См. раздел “Комунізм у Китаї” — с. 754-767).
58. Симония Н. Уроки китайских и южнокорейских реформ // Свободная мысль.— 1996.— № 9.
59. Современный Тайвань: [Сб. статей].— М.: ИВ РАН, 1994.
60. Стербалова А.А. Новодемократическая революция в Китае — поиск некапиталистической альтернативы // Рабочий класс и современный мир.— 1990.— С. 178-185.
61. Тихвинский С.Л. Переписка И.В. Сталина с Мао Цзедуном в январе 1949 г. // Новая и новейшая история.— 1994.— № 4-5.
62. Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898—1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая.— М., 1996.
63. Усов В. Линь Бяо: заговорщик или жертва интриг? [Отношения СССР и КНР 70-х годов] // Азия и Африка сегодня.— 1996.— № 9.— С. 50-56.
64. Усов В. Тайваньский кризис 1958 г. // Проблемы Дальнего Востока.— 1993.— № 6.— С. 118-127.

65. Федоренко Н.Т. Ночные беседы: (Переговоры о советско-китайском договоре) // Открывая новые страницы... Международные вопросы: События и люди.— М.: Политиздат, 1989.— С. 135-148.
66. Федоренко Н.Т. Сталин и Мао Цзэдун // Новая и новейшая история.— 1992.— № 5.— С. 98-113; № 6.— С. 83-95.
67. Федотов В. Поднебесная в современном мире // Азия и Африка сегодня.— 1999.— № 10.— С. 22-26.
68. Хазанов А.М. Китайско-советские отношения и “холодная война” // Восток.— 1998.— № 3.— С. 149-154.
69. Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность: Статьи и выступления.— М.: Палея, 1996.
70. Чёрная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии / Куртуа Ст., Верт Н., Панне Ж.-Л. и др.— М.: Три века истории, 1999.
71. Энциклопедия нового Китая.— М.: Прогресс, 1989.
72. Юрьев М.Ф. История стран Азии и Северной Африки после второй мировой войны (1945-1990): Учебное пособие.— М.: Изд-во МГУ, 1994.
73. Hant, Michal H. The genesis of Chinese communist foreign policy.— New York: Columbia University Press, 1996.
74. MacFarquhar, Roderick. The origins of the cultural revolution.— Bd. 3: The coming of the cataclysm, 1961—1965.— New York: Oxford University Press; Columbia University Press, 1997.
75. The Oxford history of the twentieth century / Ed. by Michael Howard and Wm. Roger Louis.— Oxford; New York: Oxford University Press, 1998.

Монголия

1. Монголия на пути к независимости

В XVII—XVIII вв. Монголия была по частям завоёвана маньчжурами и до начала XX в. находилась в составе Китайской империи, представляя собой отсталую национальную окраину, отрезанную от основных центров мировой цивилизации. В 1911 г., в результате *национально-освободительной революции*, Внешняя Монголия (Халха и Кобдоский округ) провозгласила независимость. Поскольку духовную жизнь монголов определял буддизм в его *тибетско-монгольской форме** (в стране с населением менее 650 тыс. человек действовало около 750 монастырей и насчитывалось свыше 120 тыс. монахов-лам — примерно 40% всего мужского населения), национальная государственность была восстановлена в форме феодально-теократической монархии во главе с почитаемым в стране *богдо-гэгэном* — главой местной буддийской церкви.

* Эту форму буддизма, распространённую в Тибете, Монголии, а также в Бурятии, Туве и Калмыкии, часто называют *ламаизмом*. Однако нынешний XIV далай-лама Тензин Гьятсо призвал не употреблять термин «ламаизм» в современной науке.

Однако положение основной массы населения страны — *аратов* (скотоводов) существенно не изменилось. Кроме того, молодое государство испытывало постоянное давление со стороны Китая, в 1915 году добившегося ограничения независимости Монголии рамками широкой автономии под его сюзеренитетом, а в 1919 г. вынудившего правящую верхушку страны вообще отказаться от статуса автономии. Это предопределило дальнейший подъём борьбы монгольского народа за национальное и социальное освобождение. Она развивалась под непосредственным воздействием внешнего фактора — событий, происходивших в соседней России, и вылилась в *национально-демократическую революцию* 1921 г., завершившуюся восстановлением независимости и государственности Монголии.

Пришедшее к власти Народное правительство было вынуждено считаться с исключительно большим влиянием буддийско-ламаистской церкви и её главы. Поэтому богдо-гэгэн был оставлен на престоле, но за ним сохранялось право заниматься лишь церковными делами. В 1924 г., после смерти богдо-гэгэна, при поддержке советских советников была провозглашена Монгольская Народная Республика. Однако т.н. «монгольский вопрос» (т.е. вопрос о международно-правовом статусе Монголии) просуществовал до 1945 г. и нередко становился объектом политической игры иностранных государств, в первую очередь СССР и Китая*.

* В начале 20-х годов, например, «монгольский вопрос» был напрямую связан с политикой Советской России и Коминтерна в Китае. Внешняя Монголия (МНР) активно использовалась Коминтерном в качестве «коридора» для революционизации Внутренней Монголии и других национальных окраин Китая. Дипломатические манёвры советского правительства в Китае в то время были подчинены главной стратегической задаче — помощи китайской революции. Монгольский же вопрос, по сути дела, стал «разменной картой» в этой дипломатии. Желая сохранить нормальные отношения с пекинским правительством и не оттолкнуть от себя китайских революционеров, которые категорически выступали против не только независимости, но даже и автономии Внешней Монголии, советское руководство пожертвовало интересами монголов. В мае 1924 г. было подписано советско-китайское соглашение, в котором Внешняя Монголия признавалась составной частью Китая без каких-либо оговорок. Возможно, советское руководство предполагало пересмотреть данное соглашение после победы китайской революции. Однако революция 1925-1927 гг. в Китае потерпела поражение, что надолго «законсервировало» двойственный и противоречивый статус МНР: *де-факто* она существовала как независимое государство, но *де-юре* — являлась составной частью Китая [подробнее см.: 7, 17, 18, 19].

2. Реализация модели некапиталистического развития

После победы революции 1921 г. Монголия, в силу сложившихся геополитических условий, оказалась под сильным влиянием Советской России и стала первым в мире государством, полностью воспринявшим ту модель общественно-политического и социально-

экономического устройства, которая постепенно складывалась в СССР. 5 ноября 1921 г. в Москве было заключено соглашение об установлении дружественных отношений между Советской Россией и Монголией, заложившее основу их исключительно тесных и всесторонних связей, в которых СССР выступал в роли “старшего брата”. На протяжении последующих десятилетий Монголия рассматривалась как пример осуществления на практике концепции о “возможности перехода к социализму, минуя капитализм”. Главным проводником просоветского курса стала созданная в 1921 г. Монгольская народно-революционная партия (МНРП), монополизировавшая политическую власть в стране и во всём руководствовавшаяся советами и рекомендациями ВКП (б) и Коминтерна.

В начале 20-х годов были проведены глубокие революционно-демократические преобразования (ликвидировано крепостничество, отменены феодальные звания и привилегии, национализирована земля, осуществлена демократизация местного самоуправления и др.). На последующее развитие страны сильное влияние оказал Коминтерн, взявший на себя роль верховного арбитра во всех монгольских делах и инициировавший механическое перенесение на монгольскую почву опыта СССР. В этой связи весьма важным и интересным периодом новейшей истории Монголии стал непродолжительный период 1926-1928 гг., трактуемый в современной исторической науке как время пребывания у власти национальных демократов (“правых уклонистов” по терминологии ВКП (б) и Коминтерна). Они попытались противостоять нажиму Исполкома Коминтерна и советского руководства и направили свои усилия на стимулирование частного хозяйства, укрепление самостоятельности и расширение международных связей Монголии.

Однако в конце 1928 г. к руководству в МНРП пришли леворадикальные элементы, втянувшие страну в “левацкий” эксперимент, который продолжался с 1929 по 1932 г. Суть его состояла в форсированном осуществлении социальных преобразований по советскому образцу (в том числе — сплошной коллективизации аратских хозяйств), что нанесло большой экономический и политический урон и вызвало в 1932 г. широкое антиправительственное восстание в западных районах страны. Это заставило руководство Монголии пойти на пересмотр своей политики.

В июне 1932 г. состоялся чрезвычайный пленум ЦК МНРП, на котором было решено отказаться от идеи строительства социализма в Монголии. Вскоре был провозглашён “новый курс” — политика, направленная на развитие демократических порядков, политического плюрализма, рыночных отношений, на преодоление отсталости и укрепление независимости страны. Однако прогрессивный “новый курс” осуществлялся с трудом и просуществовал недолго. Массовые политические репрессии, начавшиеся в СССР, охватили и Монголию. Руководство МНРП не только не осудило проводившиеся повальные аресты, но, по сути дела, санкционировало их.

Жертвами репрессий 1937-1939 годов стали партийные и общественно-политические деятели (в том числе бывший премьер-министр МНР П. Гэндэн, расстрелянный в Советском Союзе по обвинению в контрреволюционном заговоре), армейское руководство, монгольская интеллигенция (цвет которой в те годы составляли, как правило, буряты), простые араты. Особым объектом репрессий стало ламское духовенство*. Были уничтожены или разорены сотни буддийских храмов, многие из которых относились к числу ценных архитектурных памятников. Репрессии 30-х годов завершили формирование в МНР тоталитарного режима с культом “вождя”, которым стал маршал *Х. Чойбалсан* (“монгольский Сталин”), сосредоточивший в своих руках необъятную власть и возглавлявший страну с 1939 по 1952 г.

* В 1936 г. в МНР насчитывалось 94 тыс. лам (более 25% мужского населения), 70% из них было репрессировано в конце 30-х годов [см. приложения 3.1 и 3.2].

Вторжение Японии в Северо-Восточный Китай, вызвавшее резкое обострение ситуации на Дальнем Востоке, подтолкнуло Монголию к дальнейшему сближению с Советским Союзом. В ноябре 1934 г. было заключено джентльменское соглашение, а в марте 1936 г. — подписан

протокол о взаимной помощи между СССР и МНР, что сыграло большую роль в сохранении статус-кво МНР, укреплении её внешнеполитического положения. В соответствии с подписанным протоколом и по просьбе монгольского руководства в сентябре 1937 г. в МНР вошли советские войска. Это было сделано весьма своевременно, поскольку Япония начала агрессивную войну в соседнем Китае, а в 1939 г. совершила вооружённое нападение на Монголию в районе реки Халхин-Гол. В ходе ожесточённых боёв монголо-советские войска наголову разбили захватчиков.

Таким образом, преобразования 20—30-х годов в МНР проводились на цивилизационном уровне и разрушили основы традиционного уклада и традиционную структуру монгольского общества. Осуществлявшиеся же мероприятия в сфере культуры нанесли серьёзный удар по самобытному культурному наследию страны (в 1941 г. было даже принято решение об отказе от старого монгольского письма, основанного на уйгурском алфавите, и переходе к новому — на основе кириллицы).

В 1940 г. руководство МНР заявило о завершении “общедемократического этапа” революции и начале строительства основ социализма, что было зафиксировано в новой конституции страны. В годы Великой Отечественной войны МНР выполняла роль надёжного “военного тыла” СССР, оказывая посильную помощь советскому народу в разгроме гитлеровской Германии и её европейских союзников*.

* В годы войны Монголия поставила СССР около 485 тыс. лошадей; всего же в помощь фронту было направлено ценностей, промышленных товаров и продуктов сельского хозяйства на общую сумму 65 млн тугриков. На средства монгольского народа были созданы танковая колонна «Революционная Монголия» (на формирование которой населением было собрано 300 кг золота и 2,5 млн тугриков) и эскадрилья истребителей «Красный арат».

3. МНР в 1945—1989 гг.

В 1945 г., благодаря решительной и последовательной политике советского руководства, получил своё разрешение “монгольский вопрос”*. В ходе Крымской конференции (февраль 1945 г.) руководители США и Англии признали “сохранение статус-кво Внешней Монголии” в качестве одного из важнейших условий вступления СССР в войну против Японии. Вопрос о будущем МНР был одним из центральных в ходе советско-китайских переговоров в мае-августе 1945 г. Сталин дал понять китайским представителям, что Советский Союз не вступит в войну против Японии, если Китай откажется признать независимость МНР. В ходе переговоров в Москву был приглашён Чойбалсан, который, в свою очередь, попытался заручиться поддержкой Сталина в решении “вопроса о Внутренней Монголии”, что в его представлении означало присоединение этого обширного района Китая к МНР (на том основании, что “китайцы очень плохой народ”, и они “продолжают притеснять монголов во Внутренней Монголии”). Эта позиция не получила официального одобрения Москвы, но, возможно, использовалась в качестве дополнительного средства давления на китайское правительство. После объявления Советским Союзом (8 августа) и МНР (10 августа) войны Японии, советско-китайские переговоры успешно завершились подписанием союзного договора. При этом правительство Китайской Республики заявило о своём согласии признать суверенитет Монголии после проведения там плебисцита.

* Некоторые авторитетные исследователи считают, что главным фактором, решившим судьбу МНР как суверенного государства, стала «жесткая и бескомпромиссная» позиция Сталина, и «будь на его месте другой, более мягкий и лояльно настроенный по отношению к Китаю руководитель, МНР, без сомнения, повторила бы путь Внутренней Монголии» [см.: 1].

В ходе плебисцита, проведенного 20 октября 1945 г., население МНР единодушно высказалось за сохранение независимости страны, после чего 5 января 1946 г. китайское

правительство Чан Кайши официально признало независимость Монгольской Народной Республики.

Однако руководство Китайской компартии, боровшейся за власть в стране, на тот момент окончательно не отказалось от идеи объединения Внешней и Внутренней Монголии в составе Китая. Вопрос о будущем МНР вновь встал в ходе секретной миссии в Китай А.И. Микояна (январь-февраль 1949 г.), которому было поручено от имени советского руководства провести переговоры с Мао Цзэдуном и другими руководителями КПК. В ходе этих переговоров была решительно подтверждена твёрдая позиция СССР в отношении суверенитета Монголии, что надолго сняло “монгольский вопрос” в последующих советско-китайских отношениях [см. приложение 2.2, п. VI].

В феврале 1946 г. был заключён советско-монгольский договор о дружбе и взаимопомощи и подписано соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве. Широкая военно-политическая и экономическая поддержка СССР, служившая гарантией национального суверенитета Монголии, позволила ей сосредоточиться на развитии своего хозяйства, взяв за образец советскую модель централизованно-плановой экономики с жёстким государственным регулированием. С 1948 г. социально-экономическое развитие страны стало осуществляться на основе пятилетних планов.

В силу природно-географических условий Монголия являлась скотоводческой страной. В области аграрной политики МНРП стремилась к “осереднячиванию” аратства, чем достигалась его социальная однородность. В 1953—1959 годах было проведено массовое кооперирование скотоводческих хозяйств, в результате чего было создано около 400 крупных кооперативов, объединявших 99,3% аратских хозяйств. Освоение в 1959—1960 годах 260 тыс. га целинных земель позволило поднять земледелие. В результате Монголия впервые за свою историю полностью обеспечила себя собственным хлебом.

Специфика природных условий и традиционного общественного уклада монголов влияли и на формирование национальной промышленности. Определяющее воздействие оказали следующие факторы:

Во-первых, до революции 1921 г. Монголия не имела собственного промышленного производства, поэтому её индустриализацию пришлось начинать практически с нуля.

Во-вторых, недра Монголии богаты ценными полезными ископаемыми, что создавало предпосылки для приоритетного развития горнодобывающей промышленности.

В-третьих, характерная для Монголии ограниченность людских ресурсов и сложность адаптации скотоводов-степняков к жизни в городских условиях создавали трудности для укомплектования промышленности рабочей силой. Процесс формирования национальной рабочей силы протекал крайне медленно (в 1940 г. численность рабочих составляла 14,8 тыс. человек — 2% населения). Несмотря на экстраординарные меры правительства (вплоть до уголовной ответственности за самовольный уход с промышленных предприятий) рабочих в промышленности всё равно не хватало. В 1960 г. в стране насчитывалось 66,2 тыс. рабочих (7% населения), занятых в сфере промышленного производства. В свою очередь, ограниченность людских ресурсов требовала создания дорогостоящего высокомеханизированного производства.

В-четвёртых, нехватка финансовых средств, необходимых для развития национальной промышленности (и в первую очередь — капиталоемких горнодобывающих отраслей) предопределила изначальную зависимость Монголии от советских инвестиций, а в итоге — высокую долю совместных советско-монгольских предприятий в экономике страны. В начале 60-х годов был взят курс на форсированную индустриализацию. С помощью Советского Союза и других социалистических стран были сооружены важнейшие промышленные объекты, создавшие костяк монгольской экономики. В итоге к концу 80-х годов Монголия превратилась в аграрно-индустриальную страну. В 1989 г. доля промышленности в ВВП составляла 34%.

Политическая система, формировавшаяся в Монголии в послевоенный период, во многом копировала советскую, со всеми присущими ей изъянами. Курс на всемерное сближение с СССР был доведен монгольскими руководителями до абсурда. В 1950 г. ЦК МНРП распорядился

подготовить научное обоснование необходимости присоединения Монголии к Советскому Союзу. Однако эта идея не получила одобрения ни у соотечественников, ни у руководителей СССР.

В 1952 г., после смерти Чойбалсана, пост главы правительства занял *Ю. Цеденбал*, с 1940 г. являвшийся генеральным секретарём ЦК МНРП и пользовавшийся поддержкой советского руководства. В скором времени он занялся укреплением своей личной власти, продолжив курс политических репрессий против своих потенциальных противников. Авторитарный режим Цеденбала окончательно сложился к середине 60-х годов. Его главной опорой стали консервативно настроенные члены руководства МНРП, больше всего заботившиеся о сохранении своих постов и привилегий. Одной из наиболее влиятельных фигур ближайшего окружения Цеденбала стала его жена — А.Н. Филатова, которую в народе называли “авгай” (“госпожа”). Она активно вмешивалась в политические и кадровые вопросы и своим крутым нравом внушала страх даже высокопоставленным руководителям страны. Результатом деятельности Цеденбала и его окружения стали застои в экономике, серьёзные деформации в политической, общественной и духовной жизни страны, что в полной мере проявилось в 70-е — начале 80-х годов [см. приложение 3.4]. В частности, знание русского языка стало непременным условием при кадровых перестановках. Да и саму Монголию, пассивно следовавшую в фарватере внешней и внутренней политики советских руководителей, зачастую негласно называли “16-й союзной республикой” СССР.

В 1984 г. Цеденбал был отстранён от власти (до своей смерти в 1991 г. он проживал в Советском Союзе). Однако новое партийно-государственное руководство, которое возглавил Ж. Батмунх, так и не смогло принять кардинальные меры по улучшению социально-экономического положения в стране.

На развитие политической ситуации в Монголии во второй половине 1980-х годов большое влияние оказывал внешний фактор — процессы, происходившие в СССР и странах Восточной Европы. “Перестройка” подобная советской, только в более “вялотекущей” форме, с 1988 г. стала осуществляться и в Монголии. Пользуясь развитием гласности и ослаблением партийно-государственного контроля, значительная часть населения страны, в первую очередь научно-техническая и творческая интеллигенция, начала открыто выражать своё недовольство застоём в экономике, снижением уровня жизни и медленными темпами демократических преобразований.

Новым фактором в общественной жизни Монголии стал выход на арену политической борьбы новых, оппозиционных организаций и движений (Монгольский демократический союз, Монгольское демократическое социалистическое движение и др.), выступивших с радикальными антиправительственными лозунгами и использовавших новые, ранее неизвестные большинству монголов формы политической борьбы (несанкционированные митинги, пикеты, коллективные голодовки и др.).

Совокупность внутренних и внешних факторов привела к возникновению в конце 1989 — начале 1990 г. острого внутривластного кризиса.

4. Демократическая революция 1989—1990 гг. и выбор новой модели развития

В декабре 1989 г. начались массовые выступления, организованные оппозиционными силами, с требованием отставки всего партийного и государственного руководства. Монгольские руководители осознавали неприемлемость насильственного подавления протестов по китайскому образцу (1989 г., Тяньаньмэнь), поскольку это неминуемо привело бы страну к фактической изоляции от внешнего мира. В итоге, в условиях углубляющегося политического кризиса, в марте 1990 г., бывшее партийно-государственное руководство Монголии в полном составе ушло в отставку. Было объявлено об отказе МНРП от монополии на власть и проведении досрочных парламентских выборов.

Таким образом, по своим последствиям события конца 1989 — начала 1990 гг. имели характер *мирной демократической революции*, которую в Монголии называли “революцией

Белой Лошади” *. В последующем политическом развитии страны можно выделить несколько периодов.

* Так назывался 1990 г. по восточному календарю.

Первый период продолжался с 1990 по 1996 г. Он характеризовался кардинальным изменением политического курса страны и поиском новой модели развития. Существенная особенность этого периода состояла в том, что МНРП, несмотря на жёсткую политическую конкуренцию, оставалась правящей партией. В целях преодоления острого внутривнутрипартийного кризиса МНРП сменила своё руководство (в отставку ушли все члены политбюро и секретари ЦК), осудила ошибки и преступления своих прежних лидеров, исключила из программы и устава устаревшие теоретические положения (о диктатуре пролетариата и др.), а в дальнейшем вообще отказалась от приверженности идеям коммунизма, объявив себя национально-демократической партией и положив в основу своих идейно-теоретических взглядов буддийское учение о “срединном пути” *. По сути дела, МНРП реформировалась в левоцентристскую партию социал-демократического типа, что вскоре нашло международное признание в виде приёма её в Социнтерн. Новый имидж партии позволил ей успешно бороться за власть в ходе свободных демократических выборов 1990 г. (по итогам которых было создано коалиционное правительство с участием представителей оппозиции) и 1992 г., принесшим впечатляющую победу МНРП (71 место в парламенте из 76), что позволило ей сформировать однопартийное правительство.

* Учение древнеиндийского философа Нагарджуны [Подробнее см.: Андросов В.П. *Нагарджуна и его учение.*— М., 1990].

Курс нового руководства базировался во многом на рекомендациях МВФ, Мирового банка и Азиатского банка развития. За время пребывания правительства обновлённой МНРП у власти были проведены важные преобразования, приведшие к кардинальным изменениям в общественной и экономической жизни страны.

В начале 90-х годов был осуществлён переход от тоталитарного строя советского образца к демократической модели западного типа, была законодательно закреплена многопартийная система, отменена политическая цензура, осуществлено разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, введён институт президентства и существенно расширены права парламента — *Великого государственного хурала*, что превратило Монголию (современное официальное название страны) в парламентско-президентскую республику*. Эти изменения были закреплены новой *конституцией 1992 г.*, провозгласившей высшей целью страны построение гуманного, гражданского, демократического общества.

* Первые всенародные президентские выборы в Монголии были проведены в 1993 г. На них победу одержал П. Очирбат, кандидат от объединённой оппозиции.

Серьёзному реформированию подверглась и монгольская экономика. Принятая конституция узаконила все формы собственности, в том числе и частную. В соответствии с законом о приватизации (1991 г.) был завершён первый (ваучерный) этап приватизации государственной и кооперативной собственности, в том числе торговли, общественного питания и обслуживания — на 100%, скотоводства — более чем на 90%. Земля была передана под охрану государства. Частная собственность на землю разрешалась лишь для лиц, занимающихся земледелием, и владельцев дач (причём этим правом могут воспользоваться только граждане Монголии, иностранцы имеют право лишь на аренду земли сроком до ста лет). Пастбища же, а также земли общего пользования, составляющие свыше 90% всех сельскохозяйственных угодий, остались в собственности государства. Большинство из бывших сельхозобъединений (колхозов) и госхозов были преобразованы в акционерные общества и коллективы. Эти

преобразования ознаменовали начало перехода от централизованно-плановой экономики к рыночной.

Вместе с тем, в начале 90-х годов Монголия столкнулась с серьёзными экономическими проблемами, во многом обусловленными её прежней односторонней внешнеполитической ориентацией. Распад “социалистического содружества” и в первую очередь — СССР, являвшегося главным экономическим донором Монголии, поставил страну на грань национальной катастрофы: по оценкам западных экспертов объём внешнего финансирования Монголии за период 1989—1991 годов сократился более чем в 7,5 раз. Это вызвало глубокий экономический кризис. Кроме того, “шоковая терапия”, использовавшаяся новым руководством в процессе перехода к новой модели развития, привела к резкому ухудшению положения в социальной сфере (быстрой социальной дифференциации общества, обвальному снижению уровня жизни, росту безработицы, преступности и др.). Эти факторы, а также усталость народа от тягот переходного периода и умелое использование оппозицией рекомендаций западных специалистов по технологии современных избирательных кампаний, сказались на итогах очередных парламентских выборов 1996 г. Они принесли победу объединённому блоку оппозиционных партий — Демократическому союзу (ДС), который получил 50 мест (из 76) в парламенте*. МНРП получила лишь 5 депутатских мандатов.

* В состав Демократического союза вошли Монгольская национально-демократическая, Монгольская социал-демократическая, Религиозно-демократическая партии и Партия «зелёных».

Приход к власти правительственной коалиции, созданной бывшими оппозиционными партиями, положил начало *второму периоду* в политической истории современной Монголии, продолжавшемуся с 1996 до лета 2000 г. Придя к власти, ДС отказался от сотрудничества с МНРП, впервые за 75 лет отстранив её от управления страной. Одним из первых мероприятий нового правительства стала реформа органов государственного управления, в ходе которой число министерств сократилось с 14 до 9, а правительственный аппарат — на 25%. Правительство ДС попыталось форсировать проведение реформ, однако зримого экономического результата это не принесло, но зато вызвало значительный рост безработицы и дальнейшее снижение жизненного уровня населения, следствием чего стало разочарование избирателей в коалиционном правительстве. В мае 1997 г. состоялись президентские выборы, на которых победу одержал председатель МНРП Н. Багабанди, в ходе предвыборной кампании обещавший замедлить темпы экономической реформы. Он получил 60,8% голосов (прежний президент П. Очирбат, участвовавший в выборах как кандидат от ДС, сумел набрать лишь 29,8%) *.

* На очередных президентских выборах, проходивших в мае 2001 г., Н. Багабанди вновь одержал победу и был избран на новый четырёхлетний срок.

Нестабильной оставалась и политическая обстановка. Крупномасштабный передел собственности в ходе второго (денежного) этапа приватизации сопровождался ростом преступности и коррупции, в том числе — в высших эшелонах власти, что находило отражение в громких политических скандалах. В 1998 г., на протяжении которого сменилось три правительственных кабинета, произошёл затяжной правительственный кризис, во многом обусловленный противостоянием президента и парламента.

В конце 90-х годов в Монголии активно вёлся поиск собственной, национальной модели развития, способной учесть специфику монгольского общества, которое, по мнению некоторых специалистов, несмотря на значительные социальные изменения XX века, оставалось глубоко традиционным [см.: 26]. В рамках этого поиска, при патерналистском отношении государства и при активном содействии далай-ламы, возрождался буддизм, строились новые храмы. Однако “*буддийский ренессанс*” в современной Монголии сдерживается рядом факторов: боязнью осложнения отношений с Китаем (из-за связей с далай-ламой), сложностью решения проблемы восстановления монастырской собственности, растущей конкуренцией других религиозных конфессий (в том числе американских протестантских и мормонских сект, свободно

действующих на территории Монголии) и др. Но, тем не менее, гибкость буддизма, его умение приспособляться к различным политическим и социально-экономическим условиям создают предпосылки для усиления роли этой религии в монгольском обществе.

Политическая элита страны пыталась апеллировать и к национальному самосознанию монголов. В 1995 г. была принята национальная программа, предусматривающая постепенный переход к старомонгольскому письму до 2004 г., что трактуется как возвращение Монголии к собственным культурным истокам. В 1996 г. было впервые официально отмечено 790-летие образования единого монгольского государства во главе с Чингисханом (его портрет изображён на современных государственных банкнотах Монголии). Предпринимались попытки противодействовать вестернизации монгольского общества. Так, парламент запретил открытие казино в стране (на том основании, что рулетка противоречит духовным традициям монголов).

Правительство ДС добилось успехов в прогрессивном законотворчестве, масштабной приватизации и борьбе с коррупцией*. Была расширена правовая база демократических преобразований, окрепли внешнеполитические связи Монголии. Однако ни экономического прорыва, ни политической стабилизации добиться не удалось. Это привело к падению рейтинга правящей коалиции среди избирателей с 40% в 1996 г. до 6 % к концу 1999 г.

* Определённую «законодательную помощь» Монголии оказали японские специалисты, разработавшие проекты примерно 200 законов, закладывавших юридическую базу для развития рыночной экономики.

В июле 2000 г. состоялись новые парламентские выборы, на которых победу одержала МНРП, получившая 72 (из 76) депутатских мандата. Эти события ознаменовали завершение второго и начало *третьего периода* в современной политической истории Монголии.

Лидер МНРП Н. Энхбаяр, возглавивший новое правительство, заявил, что его партия «не будет пытаться вернуть старые времена, т.к. единственный путь развития — демократический». Он пообещал, что МНРП продолжит курс приватизации государственных монополий, однако все силы направит на увеличение социальных гарантий населению при переходе страны к рыночной экономике.

5. Монголия на международной арене

Превращение Монголии в первого советского сателлита надолго обрекло её на фактическую международную изоляцию. Очень сложно решался вопрос о её вступлении в ООН. С 1946 по 1960 г. МНР трижды обращалась с просьбой о приёме в эту организацию, однако эти просьбы блокировались США и правительством Чан Кайши на Тайване (представлявшим в то время Китай в ООН) на том основании, что Монголия якобы не имеет дипломатического опыта, ограничена в международных связях, не миролюбива, не ведёт самостоятельную внешнюю политику, является колонией и сателлитом СССР и не признана другими странами.

Первой некоммунистической страной, признавшей МНР, стала Индия (1955 г.). За период с 1957 по 1965 г. Монголию признали 34 государства Азии и Африки. Под влиянием мировой общественности пришедшая к власти в США администрация Дж. Кеннеди отказалась от политики блокирования МНР. В октябре 1961 г. Монголия была принята в ООН, что ознаменовало завершение её дипломатической изоляции и способствовало укреплению международных позиций республики. В скором времени МНР получила дипломатическое признание Великобритании (1963 г.), а вслед за ней — и других западноевропейских и развивающихся стран. В январе 1987 г. были установлены дипломатические отношения с США (к тому времени Монголия имела дипломатические отношения более чем со 100 государствами).

В силу специфики географического положения Монголии приоритетными в её внешней политике были отношения со своими ближайшими соседями — СССР (Россией) и Китаем. Как уже отмечалось, особенно тесными были взаимоотношения с *Советским Союзом*. За период с 1921 по 1991 г. было подписано 1060 монголо-советских договоров и соглашений в различных сферах. Долгое время Монголия зависела от экономической и военно-политической поддержки СССР, что обусловило полное подчинение её внешней политики международной стратегии

советского руководства. Монголия безоговорочно поддерживала все внешнеполитические акции Советского Союза периода “холодной войны”. На её территории длительное время размещался крупный контингент советских войск (36-я армия в составе четырёх мотострелковых дивизий, двух авиадивизий и танкового корпуса).

Вступив в 1962 г. в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Монголия приняла участие в экономической интеграции социалистических государств. С помощью стран-членов СЭВ были построены крупные промышленные объекты (промышленный центр в Дархане, крупнейший в Азии горно-обогатительный комбинат “Эрдэнэт” и др.). Это, безусловно, способствовало наращиванию экономического потенциала Монголии, но с другой стороны — вело к росту её внешней задолженности, которая не погашалась дешёвыми поставками монгольского сырья и сельскохозяйственной продукции.

После распада СССР и радикальных перемен, происшедших в Монголии, её отношения с Россией некоторое время оставались напряжёнными. Это объяснялось, во-первых, неудовлетворённостью монгольского руководства медленными темпами вывода из страны российских войск, и, во-вторых, — разногласиями относительно размеров монгольского долга России (определённого руководством РФ в 10 млрд переводных рублей). В сентябре 1992 г. Россия завершила вывод воинских частей из Монголии, что способствовало нормализации двусторонних отношений. В январе 1993 г. был подписан монголо-российский договор о дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет (несколько раньше, в ноябре 1992 г., подобный договор Монголия подписала с Украиной). В настоящее время Россия остаётся ведущим торговым партнёром Монголии — на её долю приходится около 25% монгольского внешнеторгового оборота (1998 г.). В ноябре 2000 г. состоялся визит президента РФ В. Путина в Монголию, в ходе которого была подписана декларация о всестороннем сотрудничестве двух стран. Однако проблема монгольского долга России осталась нерешённой.

Отношения Монголии с *Китаем* в послевоенный период развивались неровно. В октябре 1949 г., вскоре после провозглашения КНР, между двумя странами были установлены дипломатические отношения. В 50-е годы, несмотря на имевшиеся разногласия относительно демаркации, монголо-китайские отношения были добрососедскими и строились на партнерской основе. В 1952 г. было заключено соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, а в 1960 г. — подписан договор о дружбе и взаимопомощи между МНР и КНР.

Однако в дальнейшем, в 60—70-е годы (т.е. в период советско-китайского противостояния), идеологизированная односторонняя ориентация Монголии на Советский Союз привела к фактическому свёртыванию её дипломатических отношений с Китаем. Монгольское руководство обвиняло Китай в вынашивании планов аннексии МНР, организации пограничных конфликтов, притеснении монгольского населения автономного района КНР Внутренняя Монголия. В 1983 г. из Монголии были высланы 2000 этнических китайцев (из 7000, проживавших в стране), что ещё более обострило ситуацию.

Политические перемены второй половины 80-х годов способствовали оздоровлению монголо-китайских отношений. В 1986 г. возобновились двусторонние дипломатические контакты, затем были урегулированы пограничные споры, введено безвизовое сообщение между Монголией и КНР. Новое охлаждение их взаимоотношений произошло в 1993 г. в связи с выходом в КНР книги “Секрет монгольской независимости”, которую монгольское руководство расценило как свидетельство территориальных притязаний Китая. Важным шагом на пути урегулирования отношений между двумя странами стал визит в Монголию китайского премьер-министра Ли Пэна (апрель 1994 г.), в ходе которого был пересмотрен и обновлён договор 1960 г. Причём по ряду вопросов двусторонних связей Китай пошёл на определённые уступки. В частности, был снят существовавший ранее запрет на посещение Монголии этническими монголами из КНР, дано разрешение на использование Монголией Тяньцзиньского морского порта, авиакоридора через Маньчжурию и др. В ходе ответного визита монгольской правительственной делегации в Китай (март 1996 г.) было подчёркнуто, что “в монголо-китайских отношениях нет разногласий принципиального свойства”. Однако серьёзный

дисбаланс в экономику Монголии вносит деятельность многочисленных китайских торговцев, скупающих и вывозящих из страны продукцию монгольских животноводов, что подрывает сырьевую базу важнейших отраслей национальной промышленности (в конце 90-х годов из-за нехватки животноводческого сырья перерабатывающая промышленность Монголии была загружена всего лишь на 20-25% своей мощности).

Таким образом, взаимоотношения с Россией и Китаем продолжают занимать центральное место во внешней политике современной Монголии. Принятая в 1994 г. концепция национальной безопасности в качестве главного приоритета определила поддержание с этими странами “сбалансированных отношений”, направленных на укрепление доверия и развитие взаимовыгодного сотрудничества.

Вместе с тем, в 90-е годы Монголия провозгласила курс на *диверсификацию* своей внешней политики и активно проводит политику “открытых дверей”. При этом главные усилия направлены на привлечение иностранной финансовой помощи и инвестиций, необходимых для модернизации национальной экономики. С этой целью Монголия вступила в “Группу 77”, добившись для себя статуса развивающейся страны. Были установлены официальные отношения с ЕЭС, налажены тесные связи с международными финансовыми организациями (МВФ, Всемирным банком, Азиатским банком развития и др.), а также с США, Японией, ФРГ, Республикой Корея и другими высокоразвитыми государствами Запада и Востока. В 1991-1998 гг. эти страны и организации оказали Монголии кредитную и безвозмездную помощь на общую сумму свыше 600 млн долларов.

Литература

1. Белов Е.А., Лузянин С.Г. О концепции “монгольского вопроса” в “Истории Монгольской Народной Республики” // Восток.— 2000.— № 1.— С. 40-51.
2. Борисова И.Д. Россия и Монголия: очерки истории российско-монгольских и советско-монгольских отношений (1911—1940 гг.).— Владимир: ВГПУ, 1997.
3. Гайворонский В.В. Десять лет по пути реформ // Азия и Африка сегодня.— 2001.— № 1.— С. 12-17.
4. Гайворонский В.В. Современная Монголия: первые шаги к новой модели демократии // Восток.— 1996.— № 6.— С. 92-113.
5. Ганжуров В.Ц. Россия-Монголия (на трудном пути реформ).— Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.
6. Ганжуров В.Ц. Россия-Монголия: История, проблемы, современность.— Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.
7. Гарюшняц Ю. Борьба за независимость Монголии // Проблемы Дальнего Востока.— 1997.— № 2.— С. 112-123.
8. Говоров Ю.Л. История стран Азии и Африки в новейшее время. Основы лекционного курса. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.
9. Гольман М. Весна обновления: [Монголия] // Азия и Африка сегодня.— 1996.— № 7.— С. 32-37.
10. Дамдинсүрэн Ц. Время Чойбалсана: [О годах репрессий в Монголии, 1937—1939 гг.: Восп. монгольского публициста] // Азия и Африка сегодня.— 1989.— № 6.— С. 22-23.
11. Железняков А.С. Коминтерн и Монголия // Восток.— 1997.— № 1.— С. 157-161.
12. Из воспоминаний Ю. Цеденбала // Восток.— 1994.— № 4,5.
13. История Монгольской Народной Республики.— М., 1983.
14. Капица М.С. На разных параллелях: Записки дипломата.— М.: АО “Книга и Бизнес”, 1996.
15. Ледовский А.М. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай (январь-февраль 1949 г.): Документы // Проблемы Дальнего Востока.— 1995.— № 2.— С. 96-111, № 3.

16. Ледовский А.М. Сталин и Чан Кайши. Секретная миссия сына Чан Кайши в Москву. Декабрь 1945 — январь 1946 г.: Из Архива Президента РФ // Новая и новейшая история.— 1996.— № 4.— С. 100-129.
17. Лузянин С.Г. Коминтерн, Монголия и Китайская революция 1925-1927 гг. // Восток.— 1996.— № 1.— С. 65-75.
18. Лузянин С.Г. Монголия: между Китаем и Советской Россией (1920—1924) // Проблемы Дальнего Востока.— 1995.— № 2.— С. 71-84.
19. Лузянин С.Г. Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы второй мировой войны // Проблемы Дальнего Востока.— 1995.— № 6.
20. Лхагва Т. Что же думал Сталин о монголах // Проблемы Дальнего Востока.— 1991.— № 3.
21. Надиров Ш. Вассал или союзник Кремля?: [Цеденбал] // Азия и Африка сегодня.— 1995.— № 5.— С. 32-39.
22. Надиров Ш. Цеденбал. 1984 год.— М., 1995.
23. Роцин С.К. Политическая история Монголии (1921—1940 гг.).— М.: ИВ РАН, 1999.
24. Роцин С.К. Пэлжидийн Гэндэн, монгольский премьер // Восток.— 1999.— № 5.— С. 116-125.
25. Соколинский В., Сонинтамир Н. Перестройка в соседней стране: опыт, проблемы, перспективы: [Монголия] // Азия и Африка сегодня.— 2000.— № 12.— С. 8-13.
26. Фейгельсон К. Монголия: “кочевническая” демократия // Политическая мысль.— Киев, 1999.— № 1-2.— С. 53-65.
27. Юрьев М.Ф. История стран Азии и Северной Африки после второй мировой войны (1945-1990): Учебное пособие.— М.: Изд-во МГУ, 1994.

Корея

1. Освобождение и раскол Кореи

В 1910 г. Корея, имевшая многовековые традиции самостоятельной государственности, была аннексирована Японией и превратилась в её колонию, получив статус генерал-губернаторства. Последующие десятилетия характеризовались борьбой корейского народа за независимость.

Решающую роль в судьбе Кореи сыграла Вторая мировая война. Вопрос о послевоенном будущем этого государства неоднократно поднимался в ходе переговоров между странами-участницами антигитлеровской коалиции. В *Каирской декларации*, подписанной США, Великобританией и Китаем 1 декабря 1943 г., Корея была обещана независимость (правда, это обещание прозвучало в довольно неопределённой форме). На *Крымской конференции* (февраль 1945 г.) президент США Ф. Рузвельт выступил с предложением о совместной опеке над Кореей 4-х держав — США, СССР, Великобритании и Китая. Хотя этот проект и не был разработан в деталях, И.В. Сталин с ним согласился. Возможно, его удовлетворил тот факт, что американцы не имели намерения размещать на Корейском полуострове свои войска. Вновь вопрос о будущем Кореи был затронут на *Потсдамской конференции* (июль-август 1945 г.), в ходе которой представители СССР отклонили предложение взять под свой контроль все военные операции на её территории. 14 августа 1945 г. Сталин одобрил без обсуждения предложение США о временном разделе Корейского полуострова на две зоны ответственности с границей по 38-й параллели, вслед за чем войскам советской 25-й армии, быстро продвигавшимся к югу Кореи, был отдан приказ приостановить своё наступление на этой условной границе*. При освобождении Кореи от японских захватчиков потери советских войск составили 4717 человек убитыми и ранеными.

* Примечательно, что 38-я параллель в конце Тихоокеанской войны использовалась Японией в качестве линии разграничения зон ответственности её войск в Корее. В феврале 1945 г. воинские части севернее 38-й параллели были переданы под командование Квантунской армии в Китае, а находившиеся южнее — под командование 17-й армии, готовившейся к обороне японских островов.

Таким образом, в годы войны у советского руководства не было чёткой стратегии в отношении Кореи, поскольку ей, очевидно, не отводилось важного места в геополитических планах СССР по послевоенному обустройству мира.

Решение о разделе Кореи на две зоны неоднозначно трактуется в исторической литературе. Некоторые исследователи мотивируют это решение исключительно военной целесообразностью (поскольку оно существенно облегчало принятие капитуляции японских вооружённых сил, находившихся в Корее). Другие же полагают, что данное решение было продиктовано сугубо политическими интересами США, стремившимися не допустить захвата советскими войсками всего Корейского полуострова.

15 августа 1945 г. японские войска в Корее капитулировали. Разгром Японии ознаменовал крушение её колониального режима. Однако уже в первые послевоенные месяцы наметились существенные расхождения в путях развития северной и южной зон, что в дальнейшем, с началом и эскалацией “холодной войны”, привело к разрушению единства Кореи и образованию на её территории двух враждебных друг другу государств.

Характерной чертой оккупационного режима в *Северной Корее* стал формальный отказ советского руководства от введения прямого управления в лице военного правительства. В короткие сроки были ликвидированы все органы прежней японской колониальной администрации. Основная ставка была сделана на поддержку *народных комитетов* — новых органов самоуправления, созданных местным населением в подконтрольных районах. В сентябре 1945 г. при командовании советских войск в Северной Корее было образовано *Управление советской гражданской администрацией* (УСГА), просуществовавшее до декабря 1948 г. В функции Управления входило оказание помощи народным комитетам в

восстановлении народного хозяйства, в управлении экономикой и налаживании культурной жизни корейцев. 20 сентября 1945 г. И.В. Сталин издал директиву советскому командованию в Корею, которая определяла основные принципы оккупационной политики. Эта директива предписывала не вводить в Северной Корее “советских порядков”, способствовать установлению там буржуазно-демократической власти на основе широкого блока всех антияпонских демократических партий и организаций [см. приложение 4.1].

Хотя руководство СССР и не использовало практику прямого управления в своей зоне оккупации, но фактически держало под жёстким контролем всю экономическую, политическую и культурную жизнь Северной Кореи. Каждый северокорейский департамент имел своего советского куратора, а в провинциях и уездах были созданы советские военные комендатуры, которые активно контролировали деятельность органов местного самоуправления и политическую ситуацию на местах. Таким образом, Москва обладала мощным штатом проводников своей политики в оккупационной зоне. Советские военные власти позволили покинуть Северную Корею всем корейцам, стоявшим в оппозиции к их оккупационной политике (крупным землевладельцам, христианам, лицам, замешанным в коллаборационизме и др.)*. Это облегчило установление политического контроля над Северной Кореей, хотя и вызвало отток наиболее квалифицированной части населения, имевшей опыт управленческой работы.

* В течение 1945-1953 годов в Южную Корею мигрировало около 2 млн человек; в большинстве своём это были люди, возвращавшиеся из японских лагерей принудительного труда в Маньчжурии и Северной Корее.

В *Южной Корее* ситуация складывалась иначе. Там, по распоряжению командующего вооружёнными силами США на Тихом океане генерала Д. Макарура, до прибытия американских войск сохранялся весь прежний колониальный аппарат во главе с японской администрацией (это решение мотивировалось стремлением избежать вакуума власти на подконтрольной территории). Руководство японской администрации, опасаясь за судьбу своих граждан в условиях капитуляции, было вынуждено пойти на переговоры с наиболее авторитетными лидерами корейского подполья. 15 августа 1945 г. между ними было достигнуто соглашение: в обмен на обещание корейцев сохранять порядок в стране, японская колониальная администрация согласилась принять их требования (немедленное освобождение политзаключённых, восстановление гражданских свобод, легализация политических партий и организаций, создание из корейцев отрядов охраны общественного спокойствия и др.). Корейцам было также предоставлено право организовывать комитеты самоуправления.

Всё это вызвало бурное развитие политической жизни. Повсеместно население создавало народные комитеты, которые брали на себя организацию демократического самоуправления на местах (к концу августа народные комитеты были избраны в 145 посёлках и городах). К началу сентября в Южной Корее возникло более двухсот мелких (“осколочных”) партий и организаций. Однако в большинстве своём, по меткому определению очевидца событий американского журналиста Э. Сноу, это были вовсе не партии, а “объединения партнёров по бизнесу”, и их численность не превышала 1% населения.

6 сентября 1945 г. в Сеуле был созван съезд народных комитетов (присутствовало более 600 делегатов от различных провинций), который провозгласил создание Корейской республики и избрал Центральный народный комитет и комитет по выработке конституции. Президентом провозглашённой республики был заочно избран *Ли Сын Ман**, в ту пору находившийся в эмиграции в США (примечательно, что за его кандидатуру проголосовали и южнокорейские коммунисты). Съезд принял программу демократических преобразований, которая предусматривала отмену колониальных законов, конфискацию земель японцев и коллаборационистов и бесплатную передачу их крестьянам, национализацию предприятий и банков, принадлежавших японским колонизаторам и национальным предателям, обеспечение политических свобод, установление равноправия женщин и др.

* Ли Сын Ман (1875-1965, западные авторы часто используют японский вариант написания его имени — *Сингман Ри*), долгое время проживал в США и являлся авторитетным лидером корейской эмиграции. Окончил университет Вашингтона, университет в Принстоне и Гарвардский университет. С 1919 г. он возглавлял Временное правительство Кореи в изгнании и немало сделал для объединения корейской диаспоры. По своим политическим взглядам был правым консерватором, убеждённым антикоммунистом.

Идея создания независимой народной республики со столицей в Сеуле хотя и отвечала патриотическим настроениям большинства корейцев, но на том этапе была бесперспективной, поскольку она не учитывала объективных реальностей сложившейся международной обстановки, которая всё больше и больше определялась геополитическими интересами ведущих держав — бывших партнёров по антигитлеровской коалиции. Ли Сын Ман отказался стать президентом провозглашённой республики.

8 сентября 1945 г. на юге Корейского полуострова высадились американские войска. Первым практическим шагом американского командования в Южной Корее явилось учреждение *Американской военной администрации* (АВА). Она была создана на базе японского колониального аппарата, подчинялась командующему вооружёнными силами США в Корее и выполняла функции *военного правительства*, единственного властного органа на территории Южной Кореи. Фактически, вся управленческая структура прежнего японского генерал-губернаторства была сохранена, сменились лишь руководители — ими, вместо японцев, стали американские офицеры. Военная администрация США отказалась признать провозглашённую республику, а также полномочия народных комитетов (которые позднее были распущены). Не было признано оккупационными властями и вернувшееся на родину эмигрантское правительство. 2 ноября 1945 г. был издан приказ АВА, сохранивший в силе все законы, действовавшие в период японского колониального господства.

Характерной чертой общественной жизни Южной Кореи стала значительная поляризация политических сил. Уже в сентябре 1945 г. определились ведущие центры консервативного лагеря. Ими стали *Демократическая партия*, *Партия независимости Кореи*, а также примкнувшая к ним *Национальная партия*. Эти партии провозгласили курс на создание буржуазного государства, которое бы ориентировалось и опиралось на США. Им противостояли организации левого толка: *Коммунистическая партия Южной Кореи*, *Народная* и *Новая народная партии*, а также ряд массовых общественных организаций (Конфедерация труда, Демократический союз молодёжи, Демократический союз женщин и др.).

На севере страны, в советской зоне оккупации, процесс образования политических партий начался несколько позже — в октябре 1945 г., когда военные власти опубликовали декрет, официально разрешивший их создание. Советское командование сразу же попыталось взять этот процесс под контроль. При этом оно руководствовалось принципом, что партий не должно быть “слишком много” — поскольку контролировать несколько крупных организаций значительно проще, чем множество мелких. В результате в Северной Корее возникло всего лишь 4 партии, причём две из них (Коммунистическая и Новая народная) были марксистскими и вскоре слились в единую *Трудовую партию Северной Кореи*. Первой из некоммунистических организаций стала *Демократическая партия* (основана 3 ноября 1945 г.). Её создатель Чо Ман Сик был наиболее авторитетным деятелем националистического движения в северной части Кореи (некоторое время советские власти даже считали его наиболее вероятной кандидатурой на пост главы временной северокорейской администрации). Позднее, в феврале 1946 г., была образована партия *Чхондогё-Чхонгудань* (Партия молодых друзей небесного пути), которая объединила в своих рядах сторонников специфического религиозного учения Чхондогё*.

* Религиозная секта Чхондогё (учение небесного пути) была создана в 1905 г. в противовес христианству. Она поддерживала прочные связи с массовыми крестьянскими и антиколониальными движениями. Имеет многочисленных последователей (особенно в Южной Корее) и в настоящее время.

Корейский вопрос был поднят на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившем в декабре 1945 г. В ходе его работы были

рассмотрены *два проекта* послевоенного устройства Кореи. *Первый* (американский) предполагал создание объединённой американо-советской военной администрации для Кореи, которая должна была управлять страной до установления опеки. Предусматривалось, что корейцы на этом этапе (продолжительность которого не регламентировалась) будут использоваться лишь как администраторы, консультанты и советники при военных командующих. Для установления же опеки предполагалось создать административный орган четырёх держав (США, СССР, Великобритании и Китая), действующий “от имени Объединённых Наций и народа Кореи”. Этот орган должен был осуществлять законодательную, исполнительную и судебную власть на всём протяжении периода опеки. Примечательно, что американский проект не предусматривал не только создания национального корейского правительства в течение всего срока опеки, но даже и местного самоуправления. Опеку над Кореей предполагалось осуществлять на протяжении 5 лет с возможным продлением этого срока.

Второй (советский) проект в качестве первоочередной задачи предусматривал создание Временного корейского демократического правительства. Для содействия его формированию предполагалось учредить *Совместную комиссию* из представителей командования советских и американских оккупационных войск в Корее, которая в своей работе должна была консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями. Предусматривалось также, что срок опеки не должен был превышать пяти лет. Советский проект (с незначительными поправками) был принят министрами иностранных дел, участвовавшими в совещании [см. приложение 4.2]. Позднее к их решению присоединился и гоминьдановский Китай.

Решения Московского совещания министров иностранных дел были неоднозначно восприняты в корейском обществе. Коммунисты заявили о своей безоговорочной поддержке этих решений, националисты же восприняли их в штыки. Демократическая партия Северной Кореи осудила резолюции Московского совещания и призвала население к борьбе против опеки. В Южной Корее прошла волна манифестаций, возглавляемых местными националистами, направленных против “нового закабаления страны” *.

* Некоторые исследователи (в частности, В.И. Петухов, Ф.И. Шабшина — непосредственный очевидец событий, происходивших в Южной Корее в конце 1945 — начале 1946 годов), связывают отрицательную реакцию части корейского общества на решения Московского совещания министров иностранных дел с некорректным (либо сознательно искажённым) переводом термина «опека» на корейский язык: в средствах массовой информации Южной Кореи он переводился как «протекторат» («синтак чедо»). Это существенно меняло изначальный смысл термина и вызывало негодование у корейцев, длительное время пребывавших под японским гнѐтом, который, как известно, начался с введения в 1905 г. протектората Японии над Кореей. Возможно, такое объяснение выглядит упрощённым, но, во всяком случае, антикоммунистическая пропаганда в Южной Корее умело увязала принятое в Москве решение об опеке с позицией Советского Союза, якобы его инициировавшим. Советское правительство было вынуждено разъяснить свою позицию по этому поводу в сообщении ТАСС от 25 января 1946 г. [см. приложение 4.3].

В январе 1946 г. американские военные власти предложили создать институт советников при АВА, пообещав, что в случае успешной работы он станет временным правительством. По инициативе Ли Сын Мана и его сторонников 1 февраля 1946 г. было созвано Учредительное собрание (левые партии и организации его бойкотировали), которое утвердило состав Демократической палаты народных представителей Южной Кореи во главе с Ли Сын Маном. Она была признана американцами в качестве совещательного органа при главнокомандующем оккупационными войсками США (в дальнейшем были созданы и другие органы самоуправления — Законодательная палата и “корейская гражданская администрация”, которые в мае 1947 г. были преобразованы в “переходное правительство” Южной Кореи во главе с Ли Сын Маном). В противовес объединению правых политиков левые партии и общественные организации Южной Кореи в феврале 1946 г. создали Демократический национальный фронт, который активно выступил в поддержку Московских решений, за демократические реформы и

против засилья реакции. Осенью 1946 г. Южную Корею потрясла волна народных выступлений, в которых приняло участие 2 млн человек, требовавших передачи власти народу, проведения аграрной реформы, выполнения решений Московского совещания. Эти выступления были жестоко подавлены американскими властями.

Подобные же меры по созданию сепаратного правительства предпринимались и в Северной Корее. Однако местные националисты, которых первоначально предполагалось привлечь к сотрудничеству с советской оккупационной администрацией, не пользовались большим влиянием среди населения, но зато проявляли претензии на самостоятельность. Была слабой и местная коммунистическая группировка. Поэтому советское военно-политическое руководство начало искать ту фигуру, которая могла бы стать во главе формирующегося режима. После некоторых размышлений выбор был сделан в пользу Ким Ир Сена*. Советская пропаганда всячески способствовала укреплению его имиджа как “национального героя” корейского народа и “знаменитого партизанского вождя”. Он возглавил Компартию Северной Кореи, а в феврале 1946 г. — созданный оккупационными властями Временный народный комитет Северной Кореи, который, по сути дела, стал временным правительством страны.

* Биография Ким Ир Сена (1912—1994) в официальной историографии КНДР мифологизирована. Известно, что он участвовал в антияпонском партизанском движении на территории Кореи и Маньчжурии, после 1932 г. стал членом Китайской компартии. В декабре 1940 г. (по другим данным — зимой 1942 г.), спасаясь от японских карателей, Ким Ир Сен, вместе с небольшой группой своих бойцов, перешёл на территорию СССР. В эмиграции прожил до осени 1945 г. Закончил курсы при Хабаровском пехотном училище и стал кадровым офицером Советской Армии (имел звание капитана и командовал батальоном), но в боевых действиях не участвовал. По мнению некоторых авторитетных исследователей (например, А.Н. Ланькова), на вершине власти в Северной Корее Ким Ир Сен оказался «совершенно случайно и едва ли не против своей воли» [подробнее см.: 24].

В 1992 г., в связи с 80-летием Ким Ир Сена, интерес к его биографии возрос, что проявилось в многочисленных публикациях, появившихся на страницах периодической печати. Однако, по нашему мнению, некоторые из них нуждаются в критическом подходе, поскольку демонстрируют явную предвзятость и политическую заангажированность авторов. Примером может служить интервью П. А. Пак Иля, жителя Казахстана, агентству Рейтер, растиражированное средствами массовой информации, в котором он представляется «наставником вождя», «автором его биографии», «выдуманной от начала до конца» [См.: Комсомольская правда.— 1992.— 10 апреля; Новое время.— 1992.— № 17.— С. 33]. Целый ряд пассажей этого интервью (например: Ким Ир Сен «не сражался с японцами», «бежал от них к партизанам, но ни разу не участвовал в бою», «не имел воинского звания» и др.) явно противоречат имеющимся фактам. Не исключена возможность, что подобное предвзятое отношение к некоторым эпизодам из биографии Ким Ир Сена, проявившееся в ряде публикаций, было связано с пропагандистской деятельностью «Фронта спасения и демократического объединения Кореи», созданного в январе 1992 г. в Москве (с филиалами в Китае и Японии) группой бывших военных и государственных деятелей КНДР, в разное время покинувших страну по политическим соображениям.

В 1945—1948 годах из СССР в Северную Корею было направлено 560 советских граждан корейской национальности (“советских корейцев”). Они заняли высокие партийные и государственные посты, сформировали влиятельную “советскую” фракцию в северокорейском руководстве и стали активными проводниками политики СССР, символом его контроля.

В марте 1946 г. начала свою работу Совместная советско-американская комиссия. Однако с первых же дней выявилось несоответствие взглядов представителей СССР и США относительно тех задач, которая эта комиссия должна была решать. Американцы попытались перевести её работу в экономическую плоскость — предложили заняться экономическим объединением двух зон с созданием центральных хозяйственных органов в Сеуле, который находился в их оккупационной зоне. Советские же представители отнеслись к этому проекту с подозрением, расценив его как попытку США взять под свой контроль экономическую жизнь Кореи. Поэтому они настаивали на необходимости первоочередного решения политических задач: вначале способствовать созданию Временного демократического правительства, и лишь затем, при его участии и с привлечением демократических организаций, решать экономические и социальные вопросы, развивать демократическое самоуправление и готовиться к установлению государственной независимости.

Острую полемику вызвало также предложение советской делегации привлекать к политическим консультациям только те корейские партии и организации, которые поддержали решения Московского совещания по Корее. Американцы небезосновательно опасались, что это приведёт к усилению позиций коммунистов, и поэтому настаивали на привлечении к консультациям большинства правых южнокорейских партий, которые поддерживали их режим, но выступали против Московских решений [см. приложение 4.4]. В конечном итоге, в августе 1947 г. работа Совместной комиссии, натолкнувшись на взаимное недоверие, была фактически сорвана.

Воспользовавшись этим, в сентябре 1947 г., несмотря на возражения Советского Союза, США впервые вынесли корейский вопрос на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН. Таким образом, он был выведен за рамки советско-американских отношений, что существенно меняло его статус. Советское руководство предприняло последнюю попытку избежать этого и предложило американцам одновременно вывести свои войска с территории Кореи в начале 1948 г. и предоставить корейцам возможность самостоятельно решать вопрос о национальном правительстве [см. приложение 4.5]. Однако США не отреагировали на это обращение.

Передав вопрос о Корее на обсуждение стран-членов ООН, американцы получили значительные преимущества, поскольку располагали “механическим большинством” в этой организации. И они не преминули этим воспользоваться. Американские предложения сводились к следующему: предусматривалось проведение всекорейских выборов в Законодательное собрание, которое должно было сформировать высший исполнительный орган (правительство), причём число избранных депутатов должно было быть пропорциональным количеству населения в оккупационных зонах (а поскольку население Южной Кореи составляло 2/3 всего населения страны, это заведомо обеспечивало преобладающие позиции южнокорейской политической элите, настроенной, в основном, проамерикански); для оказания помощи в подготовке и проведении выборов, а также для контроля над их проведением предлагалось создать специальный орган в системе ООН. Несмотря на противодействие советской дипломатии, 14 ноября 1947 г. эти предложения были одобрены резолюцией Генеральной ассамблеи ООН. Этой же резолюцией была создана *Временная комиссия ООН* по вопросу о Корее в составе 9 членов (Австралия, Индия, Канада, Китай, Сальвадор, Сирия, Филиппины, Франция и Украина).

Комиссия начала свою работу в январе 1948 г. в Сеуле. Делегация Украины бойкотировала её работу, поскольку Советский Союз был изначально против создания подобного органа. Официально в юрисдикцию Комиссии входила вся территория Корейского полуострова, однако советские оккупационные власти не допустили её представителей в свою зону — за 38-ю параллель. Поэтому деятельность этого органа ограничилась лишь американской зоной.

С первых же дней своей работы Временная комиссия ООН столкнулась со сложной и неоднозначной политической ситуацией в Южной Корее, характеризовавшейся массовыми акциями протеста местного населения против политики, проводимой американцами и администрацией Ли Сын Мана, а также жестокими полицейскими репрессиями властей против демократической оппозиции*. Примечательно, что при всей схожести своих политических воззрений, члены Комиссии не были единодушными в оценках сложившейся ситуации. Так, из 9 членов Комиссии ООН в голосовании по вопросу о проведении выборов в Корее приняли участие лишь 4, и только двое из них признали ситуацию на Юге подходящей для выборов и высказались за их проведение (при одном голосе против и одном воздержавшемся).

* Характерно, что некоторые современные западные исследователи называют контраст между острыми социальными и политическими волнениями на юге и относительным спокойствием на севере «одним из самых поразительных аспектов оккупационного периода в Корее» (Кэтрин Везерсби, США).

Выборы в Законодательное собрание состоялись 10 мая 1948 г. Их подготовка и проведение осуществлялись в обстановке жестокого полицейского террора, сопровождавшегося

массовыми арестами политических противников Ли Сын Мана*. Левые партии и организации бойкотировали эти выборы. Победу на них, как и ожидалось, одержала проамериканская Демократическая партия Кореи. 15 августа 1948 г. было провозглашено создание *Республики Корея* (РК) со столицей в Сеуле, президентом которой был избран Ли Сын Ман.

* Исходя из этого, некоторые западные историки признают, что выборы в Южной Корее, «строго говоря», «не могли быть признаны действительными» (Дж. Грэнвилл, профессор Бирмингемского университета, Великобритания). Тем не менее, Запад сразу же согласился признать их итоги.

В ответ на действия США, северокорейские политические организации под патронатом СССР провели в августе 1948 г. свои выборы в Верховное народное собрание страны: всеобщие и прямые в Северной Кореи, косвенные — в Южной (там выборы проводились нелегально, путём сбора подписей). Из 572 депутатов собрания 360 были избраны в Южной Корее. 9 сентября 1948 г. была провозглашена *Корейская Народно-Демократическая Республика*, премьер-министром которой стал Ким Ир Сен (в состав его правительства вошли 10 представителей от Северной Кореи и 10 — от Южной). Примечательно, что столицей КНДР был также провозглашён Сеул (фактически же ею стал Пхеньян).

Советский Союз незамедлительно признал КНДР в качестве единственно законного представителя интересов корейского народа и 12 сентября 1948 г. установил с нею дипломатические отношения. Позднее новую республику признали и 10 государств-союзников СССР в Европе и Азии (из стран “народной демократии” лишь Югославия, из-за возникших в конце 40-х годов острых разногласий с Советским Союзом, воздержалась от дипломатического признания КНДР).

Однако усиливавшееся противостояние Востока и Запада, а также безусловное доминирование США в ООН предопределили фактическую международную изоляцию КНДР. В декабре 1948 г. Генеральная ассамблея ООН объявила правительство РК единственно законным правительством Кореи.

Таким образом, в 1948 г. раскол Кореи на два сепаратных государства стал свершившимся фактом. Во многом он был инициирован внешними силами (прежде всего СССР и США), преследовавшими собственные геополитические цели.

К концу 1948 г. советские войска были выведены с территории Северной Кореи (остались лишь около 500 военных советников, а также технические и морские специалисты). В последующие годы Советский Союз направил усилия на поддержку и укрепление созданного при его непосредственном участии режима. В марте 1949 г. между СССР и КНДР было подписано 11 соглашений (из них 10 — секретных), касавшихся торгового, экономического, военного и культурного сотрудничества. Советское руководство оказывало помощь в формировании северокорейских вооружённых сил и службы безопасности, поставляло в КНДР оружие и военную технику. Большую помощь в создании Корейской Народной армии (КНА) оказал и Китай. В 1949 г. в КНДР было переправлено около 12 тыс. корейцев, служивших в армии Китайской компартии и участвовавших в антияпонской и гражданской войнах. К лету 1950 г. в рядах КНА насчитывалось 130 тыс. человек. Большинство генералов северокорейской армии были выходцами из партизан, либо бывшими офицерами вооружённых сил Компартии Китая.

В свою очередь, США всемерно содействовали укреплению южнокорейского режима. Сразу же после провозглашения Республики Корея США подписали с Ли Сын Маном секретное военное соглашение, в соответствии с которым в страну хлынул поток американской военной техники и вооружения. Осенью 1948 г. с помощью США началось формирование Национальной армии РК. Характерно, что по рекомендации американского руководства на командные посты в этой армии назначались бывшие офицеры японской императорской армии. Американские войска покинули Южную Корею к лету 1949 г., оставив там своих военных советников. Сеул получил от Вашингтона военно-техническую помощь на сумму более 500 млн долларов. В январе 1950 г. между ними было заключено соглашение о взаимной помощи и обороне. К лету

1950 г. армия Южной Кореи насчитывала примерно 100 тыс. человек, в её рядах находилось около тысячи американских советников и инструкторов, а также 1500 солдат и офицеров армии США.

2. Корейская война 1950—1953 гг.

Создание двух суверенных государств с враждебными друг другу режимами до предела обострило политическую ситуацию на Корейском полуострове. Дальнейшее углубление “холодной войны” и блокового противостояния обрекло корейскую проблему на силовые методы разрешения. В этой связи важным и принципиальным является вопрос о роли “внешнего фактора” в возникновении кровопролитного военного конфликта на Корейском полуострове. Этот вопрос был тесно связан с позицией СССР, США и КНР.

Политика советского руководства первоначально была направлена на сохранение того геополитического баланса, который сложился на Корейском полуострове к концу 40-х годов. 24 сентября 1949 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление по корейскому вопросу, которое отвергало идею вторжения армии КНДР на Юг. Ким Ир Сен сдержанно отнёсся к этому решению советского руководства.

Однако на рубеже 1949—1950 годов позиция И.В. Сталина начинает меняться. Это, очевидно, было связано с рядом важных военно-политических событий, имевших международное значение (в первую очередь, с окончательной победой коммунистов в Китае и провозглашением КНР, а также с успешным испытанием в СССР ядерной бомбы, положившей конец “атомной монополии” США).

В ходе своего визита в Москву (март-апрель 1950 г.) Ким Ир Сен добился от советского руководства одобрения плана “военного освобождения” Южной Кореи (правда, остаётся невыясненным документально, в какой форме это одобрение было выражено). Но при этом Сталин предупредил северокорейского лидера, что тому не следует рассчитывать на прямое участие СССР в этой акции, а полагаться на военную помощь КНР. Поэтому окончательное решение было поставлено в прямую зависимость от позиции Китая (“если Мао Цзэдун будет против вторжения, его надо будет отложить”). Было решено, что генштаб КНА при участии советских военных специалистов к середине 1950 г. разработает план военной операции на Юге. Таким образом, к весне 1950 г. советское руководство окончательно сделало выбор в пользу силовых методов разрешения корейской проблемы.

Существенные изменения претерпел и политический курс США в отношении Кореи. 12 января 1950 г. госсекретарь Д. Ачесон, выступая в пресс-клубе в Вашингтоне, определил основные приоритеты своей восточноазиатской политики. При этом в американский “периметр обороны” он включил Японию, о-в Окинава и Филиппины, не упомянув (т.е. по сути — исключив) Тайвань и Южную Корею. В связи с этим в научной литературе бытует мнение, что данное “упущение” (в числе прочих факторов) в дальнейшем сыграло свою роковую роль, “спровоцировав” вторжение северокорейцев. Но в настоящее время определилась и другая точка зрения относительно корейской политики США, в соответствии с которой американский госдепартамент никогда не игнорировал Корею, напротив — придавал ей жизненно важное значение (в первую очередь — для защиты Японии). Об этом, в частности, свидетельствует подписание 26 января 1950 г. уже упоминавшегося американо-южнокорейского пакта “О взаимной помощи и обороне”. Отказ же Ачесона включить Южную Корею в свой “периметр обороны”, вероятнее всего, означал лишь, что США не намеревались размещать на её территории свои войска (в отличие от Японии, о-ва Окинава и Филиппин). Кроме того, такая позиция американского руководства не позволяла Ли Сын Ману спекулировать на помощи США и использовать её для вторжения на Север. Таким образом, курс Ачесона в отношении Южной Кореи был заведомо выигрышным, поскольку формально он был направлен на предотвращение войны. В случае же возникновения военного конфликта на Корейском полуострове США были гарантированы от обвинений в его разжигании.

Руководство КНР поддерживало правительство Ким Ир Сена и из геополитических, и из доктринальных соображений. В мае 1950 г. Ким Ир Сен встретился с Мао Цзэдуном в Пекине и информировал его о согласии И.В. Сталина с идеей “военного освобождения” Южной Кореи. Мао Цзэдун одобрил планы северокорейцев, выразив уверенность, что американцы не вмешаются в конфликт, и пообещав свою помощь, если южан поддержит Япония.

Таким образом, к лету 1950 г. Корейский полуостров превратился в “пороховую бочку” Восточной Азии. К войне усиленно готовились оба противостоящих государства. В январе 1950 г. Госсовет РК провёл секретное совещание, на котором подверг критике позицию США (за то, что те не оказывают “достаточной помощи ни для ведения войны, ни для объединения страны невоенными методами”). В этой связи было предложено сосредоточить все силы для нанесения “последнего решающего удара”.

В свою очередь, готовилось к упреждающему удару и руководство КНДР. К решительным действиям Ким Ир Сена подталкивали представители южнокорейского подполья во главе с Пак Хен Ёном (занимавшим пост министра иностранных дел КНДР). Они уверяли, что “поход на Юг” вызовет там всеобщее восстание, в котором примет участие до 200 тыс. южнокорейских коммунистов (это убеждение было настолько глубоким, что разработанный план нападения на Юг не предусматривал боевых действий после захвата Сеула: предполагалось, что падение столицы спровоцирует крах режима Ли Сын Мана)*.

* Как показал дальнейший ход событий, подобные расчёты оказались неоправданными. Возможно именно поэтому Пак Хен Ён в 1952 г. был отстранён от дел, а в 1955 г. — казнён северокорейскими властями.

16 июня 1950 г. советский посол в Северной Корее информировал И.В. Сталина о том, что наступление северян запланировано на 25 июня. Первоначально командование КНА предполагало нанести основной удар вдоль западного побережья, с последующим окружением и уничтожением основных сил противника, но затем было решено начать наступление по всему периметру разделительной линии между Севером и Югом Кореи.

25 июня 1950 г. войска КНДР (7 дивизий, танковая бригада, укомплектованная советскими танками Т-34, тыловые подразделения) пересекли 38-ю параллель и развернули наступление, целью которого было свержение режима Ли Сын Мана и объединение страны под властью северокорейского правительства. Южнокорейские войска не смогли противостоять вторжению и были вынуждены отступать, неся большие потери. Уже через три дня после начала боевых действий, 28 июня, Корейская Народная Армия заняла Сеул. Правительство Ли Сын Мана в спешном порядке покинуло столицу.

Возникший военный конфликт сразу же вызвал большой международный резонанс. Уже 26 июня (25 — по нью-йоркскому времени) на своём экстренном заседании Совет Безопасности ООН принял решение, осуждавшее начавшееся вторжение в Южную Корею. Советский Союз не смог воспользоваться правом вето, поскольку с зимы 1950 г. бойкотировал заседания СБ, настаивая на замене в этом органе представителя Китайской Республики (на Тайване) представителем КНР*. 27 июня президент США Г. Трумэн (без согласования с Конгрессом) отдал приказ Д. Макартуру, командующему американскими войсками на Дальнем Востоке, об оказании вооружённой помощи Южной Корее. В тот же день СБ ООН, в своей резолюции признавший КНДР агрессором, а Республику Корею — пострадавшей стороной, ратифицировал это решение американского президента и призвал другие страны оказать такую же помощь РК для отражения военного нападения и восстановления мира. Некоторые страны-члены ООН сразу же отреагировали на этот призыв и заявили о готовности направить свои военные подразделения в Корею.

* Эта акция СССР неоднозначно трактуется в современной историографии. Многие российские исследователи считают бойкот заседаний СБ ООН «очередной ошибкой» сталинской дипломатии. Некоторые же западные специалисты расценивают эти действия советского руководства как «очень умную игру», направленную на втягивание США в «корейскую ловушку». При этом они руководствуются следующей логикой: если бы советский представитель присутствовал на дебатах в СБ, то он был бы вынужден использовать «негативную силу»

права вето»; если бы это случилось, то США должны были бы вести войну в одиночку, а не под флагом ООН; а если бы США сделали это, то из соображений престижа СССР должен был вмешаться в конфликт на стороне КНДР. Но — делается вывод, — русские ещё не были готовы к этому, и поэтому их стратегия состояла в том, «чтобы выиграть как можно больше, не втягиваясь в непосредственную конфронтацию с вооружёнными силами США» (Стюарт Стивен). *Советский Союз возобновил своё участие в работе СБ ООН с 1 августа 1950 г.*

7 июля 1950 г. по инициативе Англии, поддержанной Францией, СБ ООН сформировал Объединённое командование войск ООН, которое возглавил генерал Д. Макартур. Таким образом, мероприятия по оказанию помощи Южной Корее получили международный статус, а сама Корейская война стала первой в истории войной, где в качестве одной из воюющих сторон выступала ООН. Под голубым флагом ООН в войне на Корейском полуострове участвовала группировка войск США и Южной Кореи, поддержанная восемнадцатью странами (14 из них выделили свои военные контингенты) *. Вместе с тем, военное вмешательство (интервенция) «сил ООН» в корейские события свидетельствовало об отсутствии у этой организации эффективных механизмов для мирного урегулирования подобных конфликтов и о её явной политической заангажированности в условиях складывавшегося биполярного мира.

* В целом же удельный вес войск союзников США в вооружённых силах ООН в Корее был невелик — лишь около 5%, основным же ядром являлись американские (более 75%) и южнокорейские (20%) войска.

С начала июля 1950 г. на юг Корейского полуострова стали прибывать отряды сухопутных войск США. Вместе с южнокорейской армией они попытались остановить наступление северян, но безуспешно. К концу июля северокорейские войска захватили почти всю территорию Южной Кореи, за исключением юго-восточных районов вокруг порта Пусан, которые образовали т.н. «Пусанский периметр», находившийся под контролем войск ООН. Таким образом, на первых порах военный успех сопутствовал армии КНДР — более 90% территории Кореи оказалось под контролем северокорейского правительства (позднее в своих мемуарах Н.С. Хрущёв утверждал, что если бы Ким Ир Сен получил в то время прямую поддержку одного-двух советских танковых корпусов, стоявших наготове в Приморье, то Пусан наверняка был бы взят северянами, что могло оказать решающее влияние на весь ход Корейской войны).

Но с середины сентября 1950 г. ситуация начала меняться. 15-16 сентября американские войска нанесли мощный контрудар: в глубоком тылу северокорейской армии, в районе порта *Инчхон*, был высажен крупный десант (45 тыс. человек). Одновременно началось наступление и с Пусанского плацдарма. Оборона армии КНДР была прорвана и стала рассыпаться. Южнокорейские и американские войска быстро двинулись на север. Войскам Ким Ир Сена было нанесено серьёзное поражение. Они потеряли значительную часть личного состава (в том числе более 125 тыс. человек пленными), большую часть артиллерии и танков. Американская авиация господствовала в воздухе. 26 сентября «силы ООН» освободили Сеул. Их дальнейшее наступление было чревато крахом северокорейского режима. Оказавшись в сложном положении, в конце сентября 1950 г. руководство КНДР обратилось к СССР и Китаю с просьбой о прямой военной помощи.

30 сентября 1950 г., не дожидаясь санкции ООН (она была дана лишь 7 октября), южнокорейские, а вслед за ними и американские войска перешли демаркационную линию по 38-й параллели и развернули боевые действия на территории КНДР. Решение ООН, санкционировавшее наступление её вооружённых сил на север от 38-й параллели, свидетельствовало о *кардинальном повороте* в политике Запада (прежде всего США и их ближайших союзников) в отношении корейской проблемы: от политики «сдерживания агрессии» — к курсу на ликвидацию северокорейского государства и воссоединение Кореи военным путём. 20 октября «силы ООН» вступили в Пхеньян, а 26 октября — вышли к китайской границе по реке Ялудзьян в районе Чосона.

Столь стремительное изменение обстановки в Северной Корее вызвало серьёзную озабоченность у руководства КНР. Китай неоднократно предупреждал о том, что неизбежно

вмешается в конфликт, если войска ООН пересекут 38-ю параллель. Однако Макартур не воспринимал эти угрозы всерьёз. Как свидетельствуют документы, И.В. Сталин подталкивал китайских лидеров к решительным действиям, призывая не опасаться “большой войны” (“Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США, и когда у США и Японии будет готовый плацдарм на континенте в виде лисынмановской Кореи,” — писал он Мао Цзэдуну). Советский Союз обещал обеспечить поддержку китайским и северокорейским сухопутным силам своей авиацией.

Тем не менее, руководство КНР проявляло большие колебания, о чём свидетельствуют два совершенно противоположных варианта телеграммы Мао Цзэдуна И.В. Сталину от 2 октября 1950 г. [см. приложение 4.10]. Вероятно, в это время в верхних эшелонах власти КНР ещё не сложилось единого мнения относительно военного вмешательства в конфликт на Корейском полуострове. По этому поводу велись жёсткие дискуссии в Политбюро ЦК КПК, немалая часть членов которого (Чжоу Эньлай, Линь Бяо, Чень Юнь и др.) выступала против подобных действий. Однако, в конечном счёте, Мао Цзэдун настоял на решении направить в Корею регулярные войска под видом “народных добровольцев”, командование которыми было поручено Пэн Дэжуаю.

В конце октября 1950 г. 180 000 “китайских добровольцев” вступили на территорию Северной Кореи (в последующие месяцы их численность возрастала и к концу 1952 г., по разным источникам, составила от 600 тыс. до 1 млн 200 тыс. человек). Китайские солдаты приняли на себя основную тяжесть боёв в Корее*. Для воздушного прикрытия их боевых действий, на территории Китая был развёрнут 64-й советский авиационный корпус, укомплектованный суперсовременными реактивными истребителями МиГ-15 и опытными лётчиками-ветеранами Великой Отечественной войны (советские военнослужащие экипировались в китайскую военную форму, а на их самолёты были нанесены корейские опознавательные знаки). Вступление в войну советских лётчиков покончило с безраздельным господством американской авиации в воздушном пространстве Северной Кореи. Помимо военных лётчиков в боевых действиях участвовали также советские военные советники, связисты, артиллеристы-зенитчики и др. В рядах КНА находились и советские корейцы (имевшие двойное гражданство), до войны состоявшие на партийной и государственной службе в КНДР. Всего за время Корейской войны в ней приняло участие, по приблизительным подсчётам, 40 тыс. советских военнослужащих.

* Исходя из этого, некоторые исследователи (например, А.Н. Ланьков) считают, что с зимы 1950/51 года Корейская война фактически приобрела характер «американо-китайского конфликта на корейской территории».

Стремясь к скорейшему завершению разгрома северокорейской армии, 24 ноября 1950 г. генерал Макартур начал массированное наступление под лозунгом “Домой к Рождеству”. Однако 25 ноября “силы ООН” были остановлены и обращены в беспорядочное бегство внезапным ударом “китайских добровольцев”, которые 5 декабря освободили Пхеньян. 31 декабря китайские войска (400 тыс. человек) и переформированные части северокорейской армии (100 тыс. человек) перешли 38-ю параллель и развернули наступление в Южной Корее. Легко вооружённые китайские солдаты нанесли частям корпуса морской пехоты США крупнейшее в его истории поражение и 4 января 1951 г. заняли Сеул.

В условиях ширящегося наступления коммунистических войск, Макартур потребовал у президента США полномочий для более решительных действий: организации блокады морского побережья КНР и нанесения удара по китайскому “святилищу” — военным базам в Маньчжурии, служившей “трамплином” для переброски китайских войск в Корею (при этом, судя по всему, он не исключал возможности применения ядерного оружия). Однако Г. Трумэн начал пересмотр своей политики в корейском вопросе. Он понимал, что открытая военная конфронтация с Китаем чревата вовлечением в конфликт его союзника — СССР, и в итоге — новой мировой войной*. Кроме того, он был вынужден учитывать мнение своих европейских

союзников, опасавшихся эскалации военного конфликта и ответных акций Советского Союза в Европе. Поэтому американскому президенту пришлось отказаться от своего плана воссоединения Кореи военным путём и вернуться к прежней стратегии “сдерживания коммунистической агрессии”. Хотя Соединённые Штаты и добились принятия Генеральной ассамблеей ООН резолюции, обвинившей КНР в агрессивных действиях в Корее (1 февраля 1951 г.), но Макартуру было категорически отказано в расширении зоны боевых действий. Позднее, 11 апреля 1951 г., он был смещён со всех командных постов на Дальнем Востоке и его сменил генерал *Марк У. Риджуэй*. Таким образом, в Корее американцы впервые применили на практике концепцию “ограниченной войны”.

* В этой связи председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Омар Н. Брэдли образно заявил, что предлагавшийся Макартуром план распространения войны на Китай неминуемо вовлёт бы США *«не в ту войну, не в том месте, не в тот момент и не с тем противником»*.

В конце января — феврале 1951 г. войскам ООН удалось приостановить наступление противника, а в марте — оттеснить китайские и северокорейские части к 38-й параллели (операция “Потрошитель”). 14 марта вооружённые силы ООН вновь заняли Сеул (в ходе этой операции была почти полностью уничтожена 50-я полевая китайская армия). Несмотря на непрекращавшиеся боевые операции, проводимые с обеих сторон, к лету 1951 г. линия фронта стабилизировалась немного севернее 38-й параллели.

В июне 1951 г. советский представитель в ООН выступил с предложением начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня в Корее. Переговоры начались 10 июля 1951 г. и продолжались два года (вначале в Кэсоне, затем — в Панмыньчжоне). Сразу же между их участниками выявился ряд острых противоречий. Представители китайского командования потребовали немедленного вывода из Кореи всех иностранных войск (на что американцы ответили категорическим отказом) и восстановления границы между двумя корейскими государствами по 38-й параллели (американцы настаивали на демаркации по существующей линии фронта). Очень сложной оказалась *проблема военнопленных* (китайское и северокорейское командование настаивало на обмене пленными по формуле “всех на всех”, американцы же заявили, что 50 тыс. северокорейских и китайских военнослужащих из 171 тыс. человек, находившихся в плену у сил ООН, не хотят возвращаться на родину). Поэтому переговоры нередко заходили в тупик, прерывались и вновь возобновлялись.

На протяжении переговоров активные боевые действия не прекращались. Весной 1952 г. генерала М. Риджуэя на посту главнокомандующего сменил генерал Марк У. Кларк, который был сторонником силовых наступательных действий. С его участием был разработан план массированных бомбовых ударов по объектам Северной Кореи. В своих боевых операциях американцы использовали напалм, а также химическое и бактериологическое оружие. Беспрестанным бомбёжкам подвергался Пхеньян и другие города Северной Кореи. В июне 1952 г. был совершён авианалёт на комплекс гидросооружений на реке Ялудзян, в результате которого была выведена из строя крупнейшая в Азии Супхунская ГЭС и ряд других электростанций. Почти вся КНДР и часть Северного Китая остались без электроснабжения (английские власти сразу же отмежевались от этой непопулярной акции, проведенной под флагом ООН). Военные специалисты утверждают, что существовал негласный приказ американского командования израсходовать все оставшиеся боеприпасы, что подтверждается значительной активизацией бомбардировок территории КНДР в последние недели войны.

К лету 1953 г. Корейская война заметно выдохлась. Изменилась и международная обстановка. В Соединённых Штатах к власти пришла администрация республиканцев. Новый президент США Д. Эйзенхауэр, победивший на выборах в ноябре 1952 г., пообещал добиться “быстрого и почётногo” окончания войны (некоторые западные источники утверждают, что Эйзенхауэр тайно информировал китайцев и северокорейцев, что готов использовать ядерное оружие и перенести военные действия на территорию КНР, если они будут уклоняться от подписания мирного соглашения). Произошли кардинальные перемены и в высших эшелонах

власти Советского Союза. 5 марта 1953 г. умер И.В. Сталин, и уже 19 марта Совет министров СССР одобрил новый курс в отношении войны в Корее. Советский премьер Г.М. Маленков обратился к Ким Ир Сёну с секретным посланием, в котором рекомендовал пойти на уступки, необходимые для заключения перемирия (в первую очередь — по проблеме репатриации военнопленных). Эти рекомендации были учтены корейско-китайской стороной, что дало возможность в конце апреля 1953 г. возобновить переговоры. Поскольку единственным непримиримым противником скорейшего урегулирования оставался Ли Сын Ман, который настаивал на продолжении войны “до победного конца”, американцам пришлось оказать на него политическое давление.

27 июля 1953 г. в Панмыньчжоне было подписано *соглашение о перемирии* между командованием войск ООН с одной стороны, и представителями КНДР и китайских “народных добровольцев” — с другой (южнокорейский представитель его так и не подписал). Границей между Северной и Южной Кореей стала существовавшая линия фронта, т.е. война закончилась практически на тех же рубежах вдоль 38-й параллели, где она и началась. По каждую сторону границы была создана двухкилометровая демилитаризованная зона. Таким образом, ни Северу, ни Югу, несмотря на оказанную помощь извне, не удалось военным путём осуществить объединение страны на своих условиях. Война обернулась большими жертвами для её участников*.

* По вопросу о военных потерях в Корейской войне существуют большие разночтения. Наиболее вероятными, на наш взгляд, представляются следующие данные: потери *КНДР* составили около 1 млн 500 тыс. человек (из них 1 млн — среди гражданского населения), *Южной Кореи* — более 1 млн 300 тыс. человек (из них 1 млн гражданских лиц), *США* потеряли убитыми 33,6 тыс., ранеными — более 103 тыс. человек, их *союзники* — около 3 тыс. человек убитыми и 13,5 тыс. ранеными. По оценкам западных специалистов (в КНР избегают называть эти данные) потери *«китайских добровольцев»* составили 900 тыс. человек (хотя некоторые современные западные исследователи приводят вдвое меньшую цифру — 450 тыс.; в числе погибших называют сына Мао Цзэдуна — Мао Аньнина, участвовавшего в войне в качестве волонтера). *Советский Союз* потерял убитыми 315 человек (советские военнослужащие были похоронены на территории Китая — на русских кладбищах в Порт-Артуре и Дальнем).

Окончательно урегулировать ситуацию в Корее предполагалось на международном форуме с участием всех заинтересованных сторон. В *апреле-июле 1954 г.* в Женеве была созвана *международная политическая конференция* по Корее и Индокитаю. Однако переговоры по корейскому вопросу, по сути дела, были сорваны: участники конференции так и не смогли прийти к взаимоприемлемому решению. На долгие годы корейский вопрос стал одним из самых болезненных в системе международных отношений.

Корейская война 1950—1953 годов, порождённая “холодной войной”, явилась и одним из факторов углубления глобального противостояния Востока и Запада, дав новый импульс гонке вооружений и стимулировав формирование противостоящих друг другу военных блоков.

3. Особенности развития КНДР в 50—90-е годы

Война нанесла огромный ущерб экономике Северной Кореи. Валовая продукция промышленности сократилась по сравнению с довоенным периодом на 40%. Особенно тяжело пострадали ведущие отрасли: энергетика, металлургия, железнодорожный транспорт и др. Однако благодаря экономической помощи и техническому содействию СССР, КНР и стран Восточной Европы последствия военных разрушений удалось в целом преодолеть к 1956 году. Быстрому восстановлению экономики, несомненно, способствовали высокая традиционная культура труда корейцев в сочетании с жёсткой казарменной дисциплиной, установленной властями.

В экономической сфере в 50-е годы использовалась *советская модель*. С 1954 г. государство приступило к планированию развития народного хозяйства. Был взят курс на укрепление позиций государственного и кооперативного секторов в экономике (уже в 1956 г. государственные предприятия выпускали 98% всей промышленной продукции, а госхозы и кооперативы — около 75% валовой продукции сельского хозяйства). В 1958 г. завершилось

кооперирование сельского хозяйства. Большие успехи были достигнуты в промышленном строительстве: за период с 1953 по 1960 г. валовая продукция промышленности увеличилась почти в 10 раз (75% объёма работ в капитальном строительстве финансировалось соцстранами). В результате к концу 50-х годов КНДР превратилась в индустриально-аграрное государство: в 1960 г. удельный вес промышленности в валовом объёме промышленности и сельского хозяйства составлял 71%.

В 50-е годы происходит существенная эволюция северокорейского режима, характеризовавшаяся укреплением личной власти Ким Ир Сена. Этому способствовал целый ряд факторов:

— Глубоко укоренившиеся среди населения Кореи восточно-деспотические традиции и культ социальной дисциплины.

— Фактическое отсутствие оппозиции, поскольку предшествующая политика советских оккупационных властей, а также война, в ходе которой большая часть территории Северной Кореи побывала под оккупацией “сил ООН”, позволили всем противникам нарождавшегося режима покинуть КНДР (т.е. фактически оппозиция сама себя отправила в изгнание).

— В отличие от стран Восточной Европы Корея не привлекала к себе пристального внимания международного сообщества (за исключением периода войны 1950—1953 годов). Поэтому перед руководством КНДР не стояла задача сохранения “демократического фасада” в виде символической многопартийности. В итоге, после окончания войны северокорейские “непролетарские” партии (Демократическая партия, позже переименованная в Социал-демократическую, а также партия Чхонъудань) в результате соответствующей государственной политики превратились из реальных политических группировок в фиктивные центральные организации-офисы, выполнявшие сугубо представительские функции.

Однако наряду с условиями, способствовавшими усилению режима личной власти Ким Ир Сена, имелись и определённые факторы его сдерживавшие. В частности, для правящей Трудовой партии Кореи (ТПК) в конце 40-х — первой половине 50-х годов была присуща *фракционность*, что имело своё историческое объяснение. Дело в том, что в условиях японского колониального господства Коммунистическая партия Кореи фактически прекратила своё существование (в 1928 г. Исполком Коминтерна принял решение о прекращении с ней всяких связей). Воссоздание Компартии происходило уже после освобождения Кореи и на качественно новой основе. В советской оккупационной зоне борьба за лидерство в партии развернулась между тремя группировками: “внутренней”, куда входили бывшие подпольщики, “яньнаньской” (или “китайской”), объединявшей корейских коммунистов-эмигрантов, вернувшихся из Китая и “партизанской” (к ней принадлежал сам Ким Ир Сен), которую образовали участники партизанского движения в Маньчжурии. Вскоре к ним добавилась уже упоминавшаяся влиятельная “советская” группировка, созданная советскими корейцами, работавшими в партийно-государственном аппарате КНДР. Наличие этих фракций и соперничество между ними ограничивали власть Ким Ир Сена.

Препятствовало установлению режима единоличной власти и то обстоятельство, что Северная Корея испытывала сильное влияние СССР и Китая, проводниками политики которых были соответствующие фракции в партийном руководстве страны.

После окончания войны Ким Ир Сен приступил к последовательной борьбе за укрепление своих позиций в партии. Момент для этих действий был выбран удачно, поскольку после смерти И.В. Сталина в советском руководстве развернулась борьба за власть, и внимание к КНДР со стороны Советского Союза на некоторое время ослабло. Пользуясь этим, Ким Ир Сен начал поочерёдное уничтожение внутривнутрипартийных группировок. В 1953 г. была ликвидирована “внутренняя” фракция: её руководство (включая бывшего министра иностранных дел КНДР Пак Хен Ёна) было арестовано по обвинению в шпионаже в пользу США и Японии и расстреляно. После этого, опираясь на поддержку “партизанской” группировки, Ким Ир Сен переключился на борьбу с “советской” и “яньнаньской” фракциями, что официально мотивировалось необходимостью ограничения иностранного влияния, но в

действительности преследовало совершенно иную политическую цель — всемерное укрепление его личной власти. Действия Ким Ир Сена вызвали острый *внутриполитический кризис*, пик которого пришёлся на 1956 год (в этой связи примечательно, что Ким Ир Сен и его окружение попытались замолчать решения XX съезда КПСС, разоблачавшие культ личности Сталина). В августе 1956 г. на очередном пленуме ЦК ТПК руководители “янаньской” фракции предприняли попытку отстранить Ким Ир Сена от власти. Но она провалилась: “заговорщики” не получили ожидаемой поддержки у членов ЦК, были исключены из партии и посажены под домашний арест (чудом им удалось бежать в Пекин).

После этого Советский Союз и Китай решились на прямое вмешательство во внутриполитическую борьбу в КНДР. В сентябре 1956 г. в Пхеньян прибыла совместная советско-китайская делегация, которую возглавляли А.И. Микоян и Пэн Дэхуай. Под советско-китайским давлением Ким Ир Сен пообещал восстановить в партии участников августовского выступления и впредь не предпринимать репрессий против выходцев из СССР и Китая*. Однако своё обещание он так и не выполнил: вскоре начались массовые “чистки”, которые навсегда покончили с фракционностью в рядах ТПК и окончательно расчистили Ким Ир Сenu путь к единовластию. Жертвами этих “чисток” и последовавших вслед за ними репрессий стали как крупные кадровые работники, так и рядовые члены партии, принадлежавшие к оппозиционным фракциям. Подсчитано, что в ходе тотальных “чисток” 50-х годов погибло больше генералов КНА, чем во время Корейской войны; были вероломно убиты или казнены 17 из 22 членов первого северокорейского правительства. Всего же во внутрипартийных “чистках” 1958-1960 годов пострадали примерно 9 тыс. человек: они были исключены из партии, преданы суду и казнены. В результате к концу 50-х годов все ключевые посты в партии и государстве оказались в руках верных соратников Ким Ир Сена.

* Примечательно, что в сентябре 1957 г. (на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве) Мао Цзэдун и Пэн Дэхуай официально извинились перед Ким Ир Сеном за «неоправданное вмешательство во внутренние дела КНДР», что способствовало последующему непродолжительному корейско-китайскому сближению.

Кризис 1956 года стал рубежной вехой в эволюции политической системы КНДР, так как именно он ознаменовал рождение кимирсеновского режима. Разгром внутрипартийных группировок резко ограничил иностранное влияние, предотвратил проникновение в Корею идеологии и практики борьбы с культом личности и тем самым создал идеологические условия для беспрецедентной кампании по восхвалению лидера страны, укреплению его неограниченной власти. Если до этого Северная Корея представляла собой второразрядную страну “народной демократии”, то после 1956 г. она стала приобретать уникальные черты.

Экономическая зависимость КНДР от Советского Союза и Китая заставляла Ким Ир Сена лавировать между Москвой и Пекином. Это предопределило частую смену последующей внешнеполитической ориентации страны (от просоветской к прокитайской и, в конечном итоге, — независимой). На рубеже 50—60-х годов Ким Ир Сен отказывается от советской модели развития и берёт курс на строительство социализма “собственными силами”. Начавшаяся в Китае “культурная революция” заставила северокорейское руководство дистанцироваться и от КНР (с середины 60-х годов правительство КНДР стало проводить в отношении советско-китайского конфликта политику последовательного нейтралитета). В 1966 г., после визита в Пхеньян советского премьера А.Н. Косыгина, Ким Ир Сен провозгласил “независимую линию” ТПК, основанную на принципах “полного равенства, суверенитета, взаимного уважения и невмешательства коммунистических и рабочих партий во внутренние дела друг друга”. В дальнейшем на основе этого курса партийные теоретики разработали *идеи чучхе**: “автономия в идеологии, независимость в политике, самостоятельность в экономике, самозащита в обороне”. Идеи чучхе расцениваются в КНДР как творческое развитие и продолжение марксизма-ленинизма. Они были возведены в ранг официальной партийной и государственной политики,

что было закреплено *конституцией 1972 г.*, и предопределили своеобразие последующего развития страны.

* «Чучхе» в переводе с корейского означает «самостоятельность», «опора на собственные силы».

Последовательно проводимый Северной Кореей независимый курс во внешней политике привёл к резкому сокращению экономической помощи со стороны СССР и Китая, но помог ей избежать жёсткой международной изоляции. В 1975 г. КНДР стала участником движения неприсоединения. В конце 70-х годов она являлась участницей более чем 150 международных организаций и поддерживала дипломатические отношения с 97 странами.

В основу своей национальной модели северокорейское руководство положило идею перманентной революции, трактуемую как “непрерывный усиливающийся процесс, который будет продолжаться до полной победы социализма”. Характерной особенностью формировавшейся политической системы КНДР стала гипертрофированная персонификация власти в виде культа вождя. Восхваление Ким Ир Сена в 60-е и особенно в 70-е годы приобрело невиданный в социалистических странах размах (специалисты утверждают, что с того времени он стал самым прославляемым руководителем современного мира). В 1972 г. Ким Ир Сен занял пост президента КНДР, учреждённый в соответствии с новой конституцией. Официальная пропаганда наделила его многочисленными прославляющими эпитетами (“Великий Вождь”, “Солнце Нации”, “Залог Освобождения Человечества” и др.). В среде творческой интеллигенции была создана т.н. “группа имени 15 апреля” (15 апреля — день рождения Ким Ир Сена), ставшая коллективным автором большой серии художественных произведений, прославлявших Ким Ир Сена и издававшихся огромными тиражами. Его день рождения стал в КНДР одним из 9 национальных праздников. В 1980 г., на VI съезде ТПК, сын Ким Ир Сена — *Ким Чен Ир* — был официально провозглашён политическим наследником своего отца, что немедленно нашло теоретическое обоснование (“поскольку революция продолжается из поколения в поколение, то и вождь должен сменяться по этому же принципу”). В 1992 г. Ким Ир Сена, в дни торжеств по случаю его 80-летия, было присвоено звание генералиссимуса. После смерти Ким Ир Сена (1994 г.) Ким Чен Ир стал фактическим руководителем страны, а в 1997 г. он был избран генеральным секретарём Трудовой партии Кореи.

Характерной чертой общественно-политической системы КНДР стала жесткая регламентация труда и быта её граждан. С этой целью в 1977 г. был создан Юридический комитет социалистического образа жизни. В 1978 г. принят Социалистический трудовой кодекс, чётко разграничивший время северокорейских трудящихся: “8 часов — работать, 8 часов — отдыхать, 8 часов — учиться”. Всё население страны поделено на т.н. “народные группы” (“инминбаны”), созданные по месту жительства, которые наряду с выполнением распределительных функций организуют также участие граждан в различных общественных мероприятиях и ведут воспитательную работу “на уровне семьи”.

Официальная политика социального моделирования была направлена на консолидацию населения страны на основе классической для тоталитарного общества схемы: вождь — партия — массы. Инакомыслие жестоко преследовалось. В послевоенные годы в КНДР было проведено около 10 массовых “чисток”, направленных на обеспечение “идеологической чистоты” и монолитности северокорейского общества. В 1975 г. был официально учреждён Национальный цензурный комитет (фактически подобный орган существовал давно). В конце 70-х годов прошла очередная “чистка” партийно-государственного аппарата, в ходе которой были казнены пять членов политбюро ЦК ТПК, заместитель командующего Народной армией и два заместителя премьер-министра. Новая “чистка” последовала в 1980 г. после VI съезда ТПК и была направлена против противников “династического коммунизма”, в результате чего резко возросло число политзаключённых, превысившее к началу 90-х годов 100 тыс. человек (по данным госдепартамента США).

В сфере материального производства широкое распространение получили методы идеологического воздействия на трудящихся, которыми подменялись экономические методы

хозяйствования. Так, в 1957 г. было инициировано “движение Чхоллима”, названное по имени легендарного крылатого коня, обгоняющего время (это движение некоторые исследователи расценивают как северокорейский вариант “большого скачка”). С начала 60-х годов повсеместно стала внедряться т.н. “тэанская система” управления производством (по названию Тэанского электромеханического завода, где она была впервые применена). В соответствии с этой системой руководителем предприятия является не директор, а партийный комитет, основные функции которого состоят в идеологическом воздействии на трудовой коллектив предприятия, укреплении “революционного пыла” масс.

Трудовой энтузиазм населения считался северокорейским руководством неотъемлемой частью экономического прогресса. Он поддерживался всевозможными идеологическими средствами, а также фактической военизацией производства. Так, на основе трудовой мобилизации были созданы “бригады скоростного боя”, насчитывавшие около 2 млн человек. В 1980 г. сформирован “ударный отряд партийцев”. Эти военизированные формирования были призваны своим трудовым героизмом совершать прорывы на строительстве особо важных объектов. Широкое распространение получили “мирные битвы” (многодневные трудовые вахты), приуроченные к знаменательным датам и событиям. Например, только лишь в 1988—1989 годах было проведено два “200-дневных боя” по выполнению заданий государственного плана.

Экстенсивное развитие позволило заметно увеличить производственный потенциал КНДР, создать мощную горнодобывающую промышленность, металлургию, электроэнергетику и ряд других отраслей экономики. К середине 80-х годов Северная Корея вошла в ряд сравнительно развитых стран Восточной Азии. Её индустрия обеспечивала более 2/3 производства совокупного общественного продукта страны. Однако в целом экономика КНДР имела замкнутый характер, отличалась гипертрофированным развитием промышленности, технической отсталостью, низким уровнем производства потребительских товаров.

Северокорейское руководство неодобрительно отнеслось к “перестройке”, начавшейся в Советском Союзе с середины 80-х годов и объявило о необходимости борьбы против “ветра либерализации” и “чуждых идей”. В прессе КНДР замалчивались события, происходившие в Восточной Европе. Тем не менее, иностранный опыт, прежде всего китайский, видимо, всё-таки способствовал некоторому изменению экономической политики правительства КНДР. Так, в 1984 г. был принят “Закон о совместных предприятиях”, позволивший иностранным предпринимателям вкладывать свои капиталы в экономику Северной Кореи. В результате были созданы совместные предприятия с участием иностранных граждан, в основном представителей корейской диаспоры в Японии*. Благодаря этому фактически возник новый, функционирующий на рыночных принципах сектор в централизованной, директивно управляемой хозяйственной системе КНДР. Одновременно расширились права руководителей государственных предприятий, постепенно вводились элементы материального стимулирования трудящихся, было разрешено мелкое предпринимательство, началось перепрофилирование производства в оборонной промышленности в соответствии с потребностями страны в бытовых товарах и т.д. В целях привлечения иностранного капитала и поощрения совместного предпринимательства правительство КНДР приняло решение о создании свободной торгово-экономической зоны на северо-востоке страны.

* Корейская диаспора достаточно многочисленна: в Китае в настоящее время проживает около 2 млн корейцев, в США — 1,8 млн, в Японии — 700 тыс., в России и среднеазиатских республиках бывшего СССР — свыше 460 тыс.

В 90-е годы Северная Корея столкнулась с большими экономическими проблемами, которые были обусловлены как внутренними причинами, так и воздействием внешних факторов:

— К этому времени развитие экономики на основе централизованного планирования и в рамках доктрины чучхе исчерпало свои возможности. Всё более ощутимо сказывались слабость

и возрастающая отсталость технической и технологической базы северокорейской промышленности и сельского хозяйства.

— Обострили экономическую ситуацию в стране (прежде всего в аграрном секторе) небывалые наводнения 1995-1996 годов, которым подверглось примерно 75% территории страны, и в результате которых пострадали 5,2 млн человек. Суммарные потери от стихийных бедствий, по данным ООН, составили 17 млрд долл. Объём сельскохозяйственного производства сократился почти в 2,5 раза, что резко обострило продовольственную проблему. Поэтому с 1995 г. международное сообщество стало оказывать КНДР продовольственную помощь.

— Негативными для страны оказались и изменения во внешнеэкономической сфере. Распад СССР и социалистического лагеря привёл к резкому сокращению экономической помощи, оказываемой Северной Корее, что нанесло ощутимый удар по её экономике.

Ситуация в экономике КНДР продолжает ухудшаться, что свидетельствует о неэффективности её нынешней (“чуждейской”) модели развития. По оценке ООН, ВВП страны за 90-е годы сократился в полтора раза (с 20,8 млрд долл. в 1992 г. до 14 млрд долл. в 1998 г.). Численность же населения Северной Кореи растёт: за 90-е годы — на 2 млн человек (в 1999 г. там проживало 22,6 млн человек). Соответственно снижается доход на душу населения — с 1005 долл в 1992 г. до 429 долл в 1998 г. Подобная ситуация, а также непрекращающееся нарастание кризисных явлений в экономике КНДР заставляет специалистов делать вывод о том, что будущее этой страны прогнозируется весьма сложно. Определённо можно отметить, что в экономическом соревновании с Южной Кореей Северная безусловно проигрывает. По подсчётам экспертов, в конце 90-х годов её ВВП составлял не более 5% соответствующего показателя Республики Корея, что наглядно свидетельствует о растущем разрыве в уровнях развития двух стран Корейского полуострова, начинавших примерно с равных стартовых условий.

4. Республика Корея в 50—90-е годы

Характерной чертой политического развития Южной Кореи являлось длительное сохранение авторитарной формы правления. На протяжении четырёх десятилетий у власти находились сменявшие друг друга диктаторские режимы, что позволяет предложить следующую *периодизацию* политической истории этой страны:

— *1948-1960 годы — Первая Республика*, период диктаторского правления *Ли Сын Мана*. В эти годы сохранялась политическая нестабильность, вызванная сложной экономической ситуацией в послевоенной Корее, медленным восстановлением её хозяйства, усилившейся социальной дифференциацией общества, трудностями индустриализации, а также засильем американцев. Правительственный курс был направлен на жёсткое подавление оппозиции. Чтобы продлить своё пребывание у власти возглавляемая Ли Сын Маном Либеральная партия внесла незаконные изменения в конституцию. Явная фальсификация властями итогов президентских выборов 1960 г. вызвала взрыв массового недовольства. В Сеуле и других южнокорейских городах произошли бурные студенческие антиправительственные выступления, переросшие в народное восстание. Это привело к краху режима Ли Сын Мана (апрель 1960 г.). Оказавшись в изоляции и лишившись поддержки США, он был вынужден отказаться от власти и бежать на Гавайи. Эти события ознаменовали завершение периода Первой республики.

— *1960-1961 годы — Вторая Республика*. После апрельских событий было создано переходное правительство, провозгласившее курс на политическую либерализацию, расширение полномочий парламента и “оздоровление” государственного аппарата. Были расширены демократические права населения страны. Окрепла многопартийная система. В июне 1960 г. парламент принял поправки к конституции, в соответствии с которыми президент наделялся функциями главы государства и исполнительной власти не имел. В июле были проведены парламентские выборы, на которых победу одержала *Демократическая партия*. В сентябре было провозглашено создание Второй Республики. Новое руководство объявило о

своём намерении построить “государство всеобщего благоденствия”, пообещало сократить военные расходы и численный состав армии. Смягчилась напряжённость и в отношениях с Северной Кореей. Возникшие новые демократические партии (Социалистическая, Социалистическая массовая и др.) выступили с требованием мирного объединения страны. Однако ситуация в экономике продолжала оставаться очень сложной. В этой обстановке, опасаясь роста политической нестабильности (и в первую очередь, видимо, студенческой агитации в пользу переговоров с Севером), военные организовали государственный переворот. 16 мая 1961 г. группа офицеров во главе с генералом *Пак Чжон Хи* совершила переворот и установила военный режим, который почти сразу же был признан администрацией США. Эти события положили начало следующему периоду в политической истории Южной Кореи.

— *1961-1979 годы* — период диктаторского правления Пак Чжон Хи. В стране было введено военное положение, распущен парламент, запрещены все политические партии и организации, отменены буржуазно-демократические свободы. Режим военного управления действовал до 1963 г., когда Пак Чжон Хи устроил избрание себя президентом РК. Была создана *Демократическая республиканская партия*, ставшая политической опорой новой власти. Вступила в силу новая конституция, предоставившая президенту огромные полномочия. В ноябре 1963 г. состоялись парламентские выборы, позволившие сформировать гражданскую администрацию.

В декабре *1963 г.* было провозглашено создание *Третьей Республики (1963-1972 гг.)*. Этот период стал переломным в истории Южной Кореи, поскольку новое руководство, возглавляемое президентом Пак Чжон Хи, под лозунгом “Долой бедность!” взяло курс на ускоренное экономическое развитие страны по японской модели, используя теории “корпоративного общества” и “административной (направляемой) демократии”. Этот курс оказался успешным и получил общественную поддержку. В период начала реформ велика была роль президента страны, взявшего под свой личный контроль ключевые отрасли экономики. В 1971 г. был создан Корейский институт развития, занявшийся формированием экономической стратегии государства. Некоторые исследователи называют ситуацию, сложившуюся в Южной Корее в 60—70-е годы (бурное развитие экономической системы при жёсткой авторитарной власти) “парадоксом президента Пак Чжон Хи”. Отчасти успехи в экономической политике объяснялись тем, что в условиях существовавшей диктатуры активно действовали оппозиционные партии, и это способствовало совершенствованию механизма управления. Ещё один не менее интересный парадокс Пак Чжо Хи состоял в том, что он, будучи выходцем из беднейших слоёв и социалистом по политическим взглядам, твёрдо и последовательно выступал за рыночное (буржуазное) развитие страны.

В то же самое время Пак Чжон Хи всемерно стремился к укреплению своей личной власти. В 1972 г. он ввёл военное положение и представил новую (“оздоровляющую”) конституцию, которая позволяла ему исполнять президентские обязанности фактически неопределённый срок и ограничивала деятельность легальных политических партий. В соответствии с предложенной конституцией предполагалось создать новый орган — Национальную конференцию для объединения, по существу представлявшую коллегия выборщиков президента. В ноябре 1972 г. эта конституция была одобрена национальным референдумом, что положило начало периоду *Четвёртой Республики (1972-1980 гг.)*.

Фактически в стране установился режим личной власти Пак Чжон Хи. Во внутренней и внешней политике в этот период использовалась доктрина “наращивания сил для объединения страны путём победы над коммунизмом”. Оппозиция жестоко подавлялась, что сопровождалось политическими судебными процессами над противниками режима. В октябре 1979 г. один из влиятельных лидеров оппозиции был обвинён в подрывной деятельности и изгнан из парламента. Эти действия властей вызвали новый всплеск беспорядков в стране. 27 октября 1979 г. Пак Чжон Хи был убит своими же сподвижниками (его застрелил директор южнокорейского Центрального разведывательного управления). На короткий срок пост президента занял премьер-министр. Однако уже в декабре 1979 г. для восстановления порядка в

стране на политическую арену вновь вышли военные. 12-13 декабря генерал Чон Ду Хван осуществил переворот и фактически взял власть в свои руки. Эти события ознаменовали начало нового периода в политической истории РК.

— *1980-1986 гг.* — период диктатуры *Чон Ду Хвана*. В мае 1980 г. ведущие лидеры оппозиции были арестованы, а выступления сторонников демократии жестоко подавлены: при штурме правительственными войсками города Кванджу, занятого восставшими студентами, было убито около 200 человек. Вскоре после этого Чон Ду Хван путём косвенных выборов занял пост президента сроком на 7 лет. Однако формальное провозглашение гражданского правления не меняло военно-диктаторской сущности режима. Новые власти создали *Демократическую партию справедливости* (ДПС), которая стала правящей. В апреле 1981 г. вступила в силу новая конституция страны, заложившая правовые основы *Пятой Республики* (1981-1987 гг.).

В последующие годы руководство Чон Ду Хвана направило основные усилия на поддержание политической стабильности и обеспечение быстрого экономического развития страны (в 1986-1988 гг. ежегодные темпы экономического роста РК составили в среднем 12%). Удалось добиться и ряда крупных дипломатических побед. В 1983 г. состоялись визиты в Сеул японского премьера Я. Накаоне, который пообещал льготные кредиты на 4 млрд долларов для финансирования экономического развития РК, а также президента США Р. Рейгана. Ещё одним важным политическим успехом стало решение Международного олимпийского комитета о проведении в Сеуле летних Олимпийских игр 1988 г., что, по существу, означало признание Республики Корея международным сообществом.

Существенные перемены происходили в оппозиционном лагере. В январе 1985 г. была создана Новая демократическая партия Кореи, которая на некоторое время стала ведущей силой оппозиции. Однако в 1987 г. из-за внутренних разногласий произошёл её раскол, в результате которого возникла Демократическая партия за воссоединение (своей главной задачей она поставила объединение Северной и Южной Кореи). Её руководитель Ким Ён Сам стал активно готовиться к участию в президентских выборах. Летом 1987 г. была создана Партия мира и демократии, лидер которой (Ким Дэ Чжун) также объявил себя кандидатом на пост президента. Таким образом, несмотря на заметное усиление, оппозиционный лагерь оставался расколотым. На протяжении 80-х годов продолжались массовые выступления, происходившие под антидиктаторскими и антиамериканскими лозунгами.

В этой сложной внутривластной обстановке правящая верхушка была вынуждена прибегнуть к политическим манёврам. Поскольку срок полномочий Чон Ду Хвана истекал, он начал готовить своего преемника. В июне 1987 г. на пост председателя правящей ДПС был назначен генерал *Ро Дэ У* (друг и сокурсник Чон Ду Хвана по военной академии), которого прочили в кандидаты на пост президента. Было заявлено, что новый президент страны будет избираться по прежней системе косвенных выборов (т.е. коллегией выборщиков). Это правительственное заявление вызвало бурный всплеск негодования в стране. В Сеуле и ряде крупных городов Южной Кореи произошли крупные столкновения между участниками антиправительственных демонстраций и полицией. Понимая необходимость срочных перемен, генерал *Ро Дэ У*, пригрозив своим отказом от поста лидера партии и кандидата на президентский пост, потребовал у Чон Ду Хвана выполнения основных требований оппозиции, проведения демократических реформ и введения прямых президентских выборов. В *октябре 1987 г.* была одобрена на национальном референдуме и вступила в силу *новая конституция*, которая устанавливала систему прямых президентских выборов на основе всеобщего избирательного права, ограничивала полномочия президента (отныне он избирался на 5 лет без права переизбрания на новый срок), расширяла гражданские свободы и запрещала вмешательство военных в политику. В декабре 1987 г. состоялись прямые президентские выборы. Из-за разобщённости оппозиции, не сумевшей договориться и выставить единого кандидата, победу одержал *Ро Дэ У*, получивший 36% голосов избирателей (кандидаты от оппозиции — Ким Ён Сам и Ким Дэ Чжун — получили примерно по 27% голосов).

Таким образом, в конце 1987 г. в политической истории Южной Кореи начался новый период — период *Шестой Республики*, продолжающийся до наших дней. Качественным содержанием этого периода стало устранение от власти военных. По мнению специалистов, военные режимы выполнили свою “историческую миссию” по созданию условий для функционирования рыночной экономики и постепенно уступали власть консолидировавшейся буржуазии.

Президентство Ро Дэ У (1988-1992 гг.) ознаменовалось дальнейшим обострением внутривластной борьбы. Весной 1988 г. произошли массовые выступления студентов с требованиями выдать и судить экс-диктатора Чон Ду Хвана, повинного в кровавом подавлении восстания в Кванджу в мае 1980 г. Многие из студенческих демонстраций приобрели антиамериканский характер. Правительство, опасавшееся срыва летних Олимпийских игр в Сеуле, было вынуждено пойти на определённые уступки: была расширена автономия государственных и частных университетов, разрешено формирование студенческих ассоциаций, ослаблены ограничения на свободу печати. Однако осенью 1988 г., после завершения Олимпийских игр, студенческие выступления возобновились с новой силой. Радикально настроенные активисты молодёжного движения требовали казни Чон Ду Хвана и создавали “отряды смертников” для штурма его резиденции. В конце ноября 1988 г. экс-диктатор провёл свою последнюю пресс-конференцию, в ходе которой попросил прощения у народа и объявил, что передаёт государству свой дом, имущество и 20 млн долларов (как полагают, лишь часть суммы, награбленной за время правления), после чего бежал из Сеула.

Политическая нестабильность, активная деятельность оппозиции ограничивали реальные возможности нового руководства. На парламентских выборах 1988 г. “партия власти” — ДПС — не сумела добиться ожидаемой победы (получила лишь 87 из 224 депутатских мандатов). Поэтому для укрепления своего режима Ро Дэ У провёл ряд политических комбинаций. Так, в 1990 г. произошло объединение ДПС с умеренными оппозиционными партиями, представленными в Национальном собрании, в результате чего была сформирована правящая *Демократическая либеральная партия* (ДЛП), располагавшая абсолютным большинством (более 60%) мест в парламенте. Официальная пропаганда расценила этот шаг как попытку стабилизировать обстановку в стране, однако в обществе он был воспринят неоднозначно. Лидер оппозиции Ким Дэ Чжун осудил слияние партий как “предательство корейского народа” и потребовал проведения новых парламентских выборов. В Сеуле и других городах прошли студенческие демонстрации протеста. Таким образом, начавшаяся политическая либерализация не снижала накала внутривластной борьбы.

На президентских выборах 1992 г. победу одержал *Ким Ён Сам*. Он стал первым южнокорейским президентом, начиная с 1960 г., который не был связан с военными кругами. Поэтому 1992 г. фактически завершил период правления военных.

В период президентства Ким Ён Сама (1993-1997 гг.) принимались эффективные меры по оздоровлению политической обстановки в стране и борьбе с коррупцией. Лишь в 1993 г. были смещены либо подверглись дисциплинарному воздействию более 3000 государственных чиновников, представителей деловых кругов и военных, заподозренных в коррупции (предстал перед судом и был приговорён к 3-летнему заключению даже основатель и почётный председатель крупнейшей финансово-промышленной группы “Хёндэ”). За время правления администрации Ким Ён Сама своих постов лишились 16 ведущих банкиров страны. Правительство объявило вне закона существовавшую ранее практику открытия анонимных банковских счетов. Были арестованы и привлечены к суду экс-президенты Чон Ду Хван и Ро Дэ У (их обвиняли в организации государственного переворота 1979 г., резне в Кванчжу и коррупции)*. Проводимая политика, несомненно, способствовала укреплению имиджа руководства страны.

* В августе 1996 г. Чон Ду Хвана приговорили к пожизненному заключению, а Ро Дэ У — к 17 годам тюремного заключения и штрафу в размере 300 млн долларов (в качестве компенсации за средства, присвоенные в период пребывания у власти). Оба были амнистированы в декабре 1997 г.

На очередных президентских выборах (декабрь 1997 г.) победу одержал *Ким Дэ Чжун*, в прошлом видный деятель оппозиции, известный правозащитник. Став президентом, он провозгласил курс на постепенное сближение с Северной Кореей (подробнее см. раздел 5). Новое руководство последовательно продолжало политику либерально-демократических реформ. Это способствовало дальнейшему оздоровлению внутривластной ситуации в стране. В последнее время наблюдается сокращение масштабов забастовочного движения и спад студенческих выступлений. Деятельность оппозиции ограничивается рамками парламента. По мнению специалистов, существующие в стране леворадикальные группировки малочисленны и не представляют собой угрозы для внутривластной стабильности. В 90-е годы увеличилась прослойка среднего класса, что способствовало смещению общественных настроений “от реформ к стабильности” и в целом к консерватизму. Вместе с тем, среди молодёжи сохранялись антиамериканские настроения, чему в немалой степени способствовало присутствие на территории Южной Кореи крупного контингента (около 40 тыс. человек) американских войск.

Экономическое развитие Южной Кореи в 50–90-е годы характеризовалось рядом особенностей. На протяжении 50-х годов положение в её экономике оставалось очень тяжёлым, что во многом объяснялось нарушением традиционных хозяйственных связей в результате раскола страны, разрушительными последствиями войны 1950–1953 годов, упадком аграрного сектора (традиционно более развитого на Юге). Это предопределило сильную зависимость от внешней, прежде всего американской помощи. Положение усугублялось сравнительно высоким (около 3% в год) приростом населения. Остро стояли проблемы занятости и обеспечения населения продуктами питания. На рубеже 50–60-х годов уровень производства ВВП на душу населения не превышал 80 долларов, что свидетельствовало о нищенском положении страны.

Восстановление разрушенного войной хозяйства было в основном завершено в начале 60-х годов. И с этого времени начинается экономическая эволюция Южной Кореи. Американскими специалистами была разработана долгосрочная программа развития южнокорейской экономики, основанная на рекомендациях МВФ и Международного банка реконструкции и развития (МБРР). Стратегия этой программы состояла в приоритетном развитии экспортных отраслей, ориентации на мировой рынок и сведении до минимума внутреннего потребления. Она легла в основу последующей социально-экономической политики РК и предопределила феноменальные результаты в её хозяйственном развитии.

Ведущую роль в создании благоприятных условий для становления рыночной экономики, наращивании промышленного потенциала Южной Кореи играло государство. Характерной особенностью южнокорейской модели развития стала небывалая (для несоциалистического мира) степень государственного руководства экономическим развитием страны:

— Государство осуществляло экономическое планирование. Первый план (т.н. “план Натана”) был разработан ещё в 1954 г. при участии экспертов ООН. Однако этот и последующие планы вплоть до начала 60-х годов были несовершенны, поскольку не представляли целостной концепции развития. В 1962 г. был принят первый 5-летний план экономического развития страны, положивший начало практике государственного планирования. В 1963 г. было создано Управление экономического планирования, занимавшееся разработкой общей стратегии экономического развития. Ведущая роль государства в экономике страны была официально закреплена конституцией Южной Кореи.

— Государство оказывало постоянную поддержку крупным национальным финансово-промышленным объединениям (“*чеболь*”). Возникновение первых “*чеболь*” относится еще к периоду японского колониального господства в Корее. Большинство из них имеет семейно-клановый характер. Правительство поощряло и всячески поддерживало рост национальных финансово-промышленных групп. Это давало возможность избегать распыления скудных ресурсов и стимулировать концентрацию производства, без которой было невозможно в кратчайшие сроки создать в стране тяжёлую промышленность. Если в 1953 г. в Южной Корее

было всего лишь 5 “чеболь”, в 1965 г. — 10, в 1975 г. — 20, то в 1985 г. их число возросло до 70, а в 1990 г. — до 100. По концентрации производства и капитала южнокорейские “чеболь” значительно превосходят японские монополии (в середине 90-х годов на долю 10 крупнейших финансово-промышленных групп Южной Кореи приходилось более 1/3 общего объёма промышленного производства страны и 1/4 её внешнеторгового оборота). Южнокорейские монополии являлись надёжными партнёрами государства в сфере бизнеса и сыграли большую роль в подъёме экономики страны и её интеграции в мировое хозяйство.

— Государство всемерно стимулировало научно-технический прогресс, поскольку ориентация экономики Южной Кореи на внешний рынок требовала постоянного повышения конкурентоспособности экспортной продукции. Первоначально Южная Корея (так же как и Япония) шла по пути заимствования зарубежного опыта и технологий. Для привлечения иностранных инвестиций и современных технологий создавались “открытые экономические зоны”, заложившие основу для развития наукоёмких отраслей, ориентированных на внешний рынок. Однако уже в конце 60-х годов государство стало осуществлять программу возрождения национальной науки, направило свои усилия на развитие национальной научно-технической базы. С этого времени значительно возросли расходы на научно-исследовательские разработки, проводимые корейскими специалистами. В 80-е годы стали организовываться современные технополисы. Однако зависимость южнокорейской экономики от импорта иностранной технологии продолжала сохраняться*. Поэтому был разработан план развития наукоёмких отраслей на период 1990—1994 г., на реализацию которого государство выделило 38,8 млрд долларов. Постоянное внимание уделялось развитию системы образования, что способствовало значительному повышению качества национальной рабочей силы. Сегодня неграмотность в Южной Корее практически ликвидирована, в стране насчитывается более 500 высших учебных заведений (из них 400 частных), где обучается около 1,5 млн студентов, 1800 школ высшей ступени, свыше 8,5 тыс. средних и начальных школ.

* В конце 80-х годов Южная Корея тратила на научные исследования и разработки около 2,6 млрд долларов, что составляло 1/54 от уровня США и 1/22 от аналогичного показателя Японии.

Как уже отмечалось, на протяжении длительного периода в Южной Корее сохранялись авторитарные формы правления, что также обусловило специфику её модели развития. Авторитарные режимы сыграли ключевую роль в ускоренном экономическом росте страны, мобилизуя и целенаправленно используя имеющиеся ресурсы (так, пришедший к власти в 1961 г. Пак Чжон Хи с целью сосредоточения финансовых средств национализировал все банки). Диктаторские режимы подавляли рабочее движение, поддерживали одновременно низкие цены и низкую зарплату. На протяжении двух с лишним десятилетий заработная плата южнокорейских рабочих искусственно фиксировалась на уровне в 9-10 раз ниже, чем в США и в 4-5 раз ниже, чем в Японии.

В развитии экономики Южной Кореи прослеживается несколько этапов. В 60-е годы основной упор был сделан на развитии экспортного производства. При этом корейцы очень умело приспособивались к запросам мирового рынка. Например, в 60-е годы одной из основных статей южнокорейского экспорта (10-12% всех экспортных поставок) стали парики, которые корейцы сами не носили, но быстро наладили их производство и успешно вывозили на Запад, где они в то время были в моде. В результате в 1961—1970 годах объём экспортных поставок возрос в 15 раз, причём 80% от общего объёма поставок составляла продукция лёгкой промышленности. Однако это предопределило огромную зависимость южнокорейской экономики от внешней торговли: если в 1962 г. доля внешнеторгового оборота в ВВП составляла лишь 1/10, то в 90-е годы она выросла до 3/4.

В 70-е годы был взят курс на развитие тяжёлой и химической промышленности. С привлечением иностранного капитала были построены крупный сталеплавильный комбинат, кораблестроительные мощности, начали активно развиваться электроника, автомобильная промышленность, энергетика.

В 80-е годы осуществлялись национальные программы стабилизации и либерализации. Избранная стратегия развития обеспечила бурный экономический подъём страны. В 1962-1996 годах её среднегодовые темпы экономического роста составили 7,4%. За этот же период стоимость южнокорейского экспорта возросла в 3170 раз (с 41 млн до 130 млрд долларов). Валовой национальный продукт (ВНП) увеличился примерно в 240 раз: с 2,1 млрд долларов (1962) до 480,2 млрд долларов (1999). Республика Корея вошла в число “*новых индустриальных стран*” (НИС) со сравнительно развитой промышленной базой и мощным экспортным потенциалом*.

* К середине 90-х годов Южная Корея заняла 2-е место в мировом судостроении, 3-е — в производстве полупроводников, 5-е — в электронике, нефтехимии и текстильном производстве, 6-е — в автомобилестроении и металлургии.

В конце 90-х годов экономика Южной Кореи столкнулась с рядом серьёзных проблем. Сказались негативные последствия прежнего авторитарного режима, с течением времени исчерпавшего свои созидательные возможности и вызвавшего серьёзные перекосы в системе потребления: огромный разрыв между богатыми и бедными, между развитыми и отсталыми районами страны, между городом и деревней, между крупными корпорациями и мелким бизнесом.

Начавшаяся в 80-е годы либерализация общественно-политической жизни привела к усилению ранее подавлявшихся общественных сил, в первую очередь профсоюзного движения, а как следствие — к повышению заработной платы южнокорейских рабочих, что немедленно отразилось на себестоимости производимой ими продукции. Снижал конкурентоспособность корейских товаров на мировых рынках и их относительно невысокий технологический уровень. Это обусловило сокращение экспортной выручки.

Во второй половине 90-х годов был подорван миф о несокрушимости и могуществе южнокорейских “*чеболь*”, являвшихся, как уже отмечалось, центральным звеном экономического организма страны. Семейно-клановый принцип их организации не обеспечивал эффективного менеджмента, способствовал появлению амбициозных и сомнительных проектов. В результате несколько крупных финансово-промышленных групп потерпели крах, оставив после себя многомиллиардные долги*.

* В этой связи показательна судьба “*Дэу*” (Daewoo), второй по величине южнокорейской корпорации, производившей 5% ВВП и 10% экспорта РК. В 90-е годы, стремясь к завоеванию новых рынков и повышению собственного престижа, эта компания одной из первых в Южной Корее приступила к инвестированию, нередко рискованному, в странах Восточной Европы. В частности, на Украине было создано совместное предприятие “*АвтоАЗ - Дэу*”. Однако оно оказалось нерентабельным: за два с половиной года работы было выпущено всего 40 тыс., а реализовано лишь 35 тыс. корейских автомобилей (первоначально предполагалось освоить производство 250-300 тыс. автомобилей в год). Положение компании усугубил валютно-финансовый кризис 1997-1998 годов. В 1999 г. она потерпела крах (оставив после себя задолженность на сумму более 9 млрд долларов), а её основатель и многолетний руководитель, “*символ южнокорейского чуда*” Ким У Чжун бежал из страны и в настоящее время скрывается от Интерпола.

Большой удар по экономике Южной Кореи нанёс также азиатский валютно-финансовый кризис 1997-1998 годов, вызвавший инфляцию, спад производства, многочисленные банкротства мелких и средних компаний, рост безработицы. Резко возросла внешняя задолженность страны — в 1999 г. она составляла около 136 млрд долларов (в 1990 г. — 27,4 млрд долларов).

В этой сложной ситуации правительство объявило оздоровление экономики своей важнейшей программной целью. При этом основной упор был сделан на недопущение резкого снижения уровня жизни населения. Нынешнее руководство страны предполагает создать экономическую модель, ориентированную, главным образом, на удовлетворение интересов малого и среднего бизнеса. Предусматриваются также реформы в промышленности, в

финансовой сфере, в области трудовых отношений, динамичное развитие национальной научно-исследовательской базы.

5. Проблема объединения Кореи в 60–90-е годы

Провал попыток объединения Кореи силовыми методами, предпринятых в начале 50-х годов, на долгое время “заморозил” проблему воссоздания единого корейского государства. В августе 1960 г. КНДР выдвинула идею создания в качестве переходной меры конфедерацию Северной и Южной Кореи, которая координировала бы экономическое и культурное развитие обоих государств. Первая робкая попытка сближения была предпринята в 1963 г., когда в преддверии Олимпиады-64 в Токио две страны попытались решить вопрос о создании единой корейской олимпийской сборной (эта попытка оказалась безуспешной). Лишь в начале 70-х годов под влиянием появившейся в мире тенденции к разрядке напряжённости начались первые прямые официальные контакты между Севером и Югом.

В 1971 г. были установлены контакты между обществами Красного Креста двух стран по вопросу розыска членов разделённых семей и организации их встреч. Вскоре начались секретные переговоры высокопоставленных представителей КНДР и РК, важнейшим политическим итогом которых стало “Совместное заявление Севера и Юга”, обнародованное 4 июля 1972 г. одновременно в Сеуле и Пхеньяне. Это заявление зафиксировало *три принципа* воссоединения Кореи: *во-первых*, самостоятельное решение вопроса об объединении (без опоры на внешние силы, без вмешательства извне), *во-вторых*, исключительно мирный путь объединения, *в-третьих*, достижение национальной консолидации независимо от различий в идеологии и системах. Однако каких-либо конкретных шагов по реализации этих принципов предпринять не удалось, хотя именно на том этапе две страны были наиболее близки к объединению, поскольку уровень их экономического развития ещё существенно не различался.

Некоторые подвижки в межкорейских отношениях наблюдались в 80-е годы. В январе 1984 г. правительство КНДР предложило провести трёхсторонние переговоры (КНДР-РК-США) по проблемам воссоединения. Однако это предложение было отвергнуто южнокорейскими властями. Тем не менее, осенью 1984 г., впервые в истории межкорейских отношений, начались переговоры о возможном экономическом сотрудничестве Севера и Юга. Однако нормальному политическому диалогу на Корейском полуострове мешали откровенно проамериканский курс Сеула (в частности, ежегодное проведение крупномасштабных американо-южнокорейских военных манёвров “Тим спирит”), а с другой стороны — неоднократно звучавшие обвинения в адрес Пхеньяна из-за его сотрудничества с международным терроризмом. Так, северокорейский режим обвинили в причастности к взрыву южнокорейского воздушного лайнера (ноябрь 1987 г.), на борту которого погибли 115 человек. Вследствие этого, радикального прогресса в отношениях между Севером и Югом добиться не удалось. Двум странам не удалось договориться и о совместной организации летних Олимпийских игр 1988 года в Сеуле.

Первые реальные успехи в межкорейском диалоге были достигнуты лишь в 90-е годы XX в. В сентябре 1990 г. в Сеуле состоялась первая встреча премьер-министров двух стран, которая положила начало целой серии подобных встреч в последующие годы. Правительство КНДР отказалось и от своей прежней позиции в отношении членства в ООН, суть которой отражалась формулой “две делегации на одно место”, что сделало возможным вступление обоих корейских государств в ООН (сентябрь 1991 г.). В декабре 1991 г. две страны подписали *Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обмене*, которое было расценено как наиболее важный шаг в межкорейских отношениях после окончания Корейской войны, а в феврале 1992 г. — Совместную декларацию об обоюдном отказе от испытаний, производства, ввоза, хранения и размещения ядерного оружия, что должно было способствовать превращению Корейского полуострова в безъядерную зону. В 1994 г. при посредничестве экс-президента США Дж. Картера была достигнута договорённость о встрече лидеров Северной и Южной Кореи, которую предполагалось провести в Пхеньяне 26-27 июля того же года. Однако смерть Ким Ир Сена (8 июля) не только нарушила все планы и привела к неопределённой отсрочке

переговоров на высшем уровне, но и вызвала новый виток конфронтации, поскольку правительство РК не выразило ожидаемых соболезнований по случаю кончины северокорейского вождя.

В конце 90-х годов наметился новый этап в урегулировании межкорейских отношений. С приходом к власти в Южной Корее Ким Де Чжуна (декабрь 1997 г.) в отношении КНДР была провозглашена политика “солнечного света”. В 1997 г. начались четырёхсторонние переговоры между США, обеими Кореями и Китаем, но они были прерваны в 1998 г. после запуска в Северной Корее двухступенчатой баллистической ракеты “Тэпходон-2”, пролетевшей над Японией. Однако с ноября 1999 г. в Шанхае (КНР) начались секретные переговоры между Пхеньяном и Сеулом, главным политическим итогом которых стала встреча руководителей двух стран в Пхеньяне в июне 2000 г. В ходе этой встречи было подписано *Соглашение о примирении и сотрудничестве*, предусматривающее курс на самостоятельное, без вмешательства внешних сил, объединение страны в виде конфедерации (предложение Юга) или свободной федерации (предложение Севера) с сохранением существующего строя обоих государств. Руководители двух стран отметили, что раскол Кореи “произошёл в результате вмешательства внешних сил”, а процесс объединения Севера и Юга может занять от 20 до 30 лет. Были сделаны важные шаги по реализации достигнутых договорённостей. На торжественном открытии Олимпийских игр в Сиднее (сентябрь 2000 г.) спортсмены Северной и Южной Кореи шли под одним флагом, в составе одной команды. Было принято решение о возобновлении железнодорожного сообщения между Севером и Югом, о разминировании приграничных районов. На территории КНДР развёрнуты совместные производства с участием финансово-промышленных групп Южной Кореи. В октябре 2000 г. президенту РК Ким Де Чжуну была присуждена Нобелевская премия мира. Однако следует заметить, что нынешней политике “солнечного света” в Южной Корее противостоит влиятельная оппозиция, в рядах которой объединились самые противоположные силы: от ярых консерваторов, требующих отдать Ким Дэ Чжуна под суд за “государственную измену”, до демократов, критикующих президента за то, что его визит не привёл к политическим переменам на Севере.

В 2001 г., после прихода к власти в США администрации республиканцев, американская политика в отношении Северной Кореи ужесточилась: президент Дж. Буш заявил, что в ближайшее время не собирается возобновлять переговоры с КНДР, а командующий ВМС США в Тихом океане Д. Блэр назвал Северную Корею “врагом номер один” в Тихоокеанском регионе. В знак протеста против подобной политики США КНДР прекратила переговоры с Южной Кореей о нормализации отношений.

В настоящее время Южная Корея обладает значительно большим экономическим потенциалом, нежели Северная (разница в жизненном уровне десятикратная), а также является более населённой (45,7 млн человек против 22,6 млн жителей КНДР). Поэтому, по мнению специалистов, не исключён “германский вариант” объединения, что по своей сути означает поглощение сильной и многонаселённой страной более слабой и малонаселённой.

Литература

1. Андрианов В. Южная Корея: Как государство богатеет // Азия и Африка сегодня.— 1995.— №. 6.— С. 27—33.
2. Андрианов В. Роль государства в формировании механизмов устойчивого динамичного развития в Южной Корее // Проблемы Дальнего Востока.— 1995.— № 1.— С. 80-91.
3. Ахалкаци Д.С. Корейская война (1950—1953) и советско-американские отношения // Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945—1985): Новое прочтение.— М., 1995.
4. Бэк Чжун Ки. Становление политической системы в КНДР и роль СССР: (После корейской войны),— М.: Изд-во Московского университета, 1997.
5. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т.: Учебник.— Т. 2.— М.: Высш. школа, 1998.

6. Везерсби К. Советские цели в Корее 1945—1955 гг. // Холодная война: новые подходы, новые документы.— С. 315-333.
7. Воронцов А.В. Как принималось решение о вводе “китайских добровольцев” в Корею // Новая и новейшая история.— 1998.— № 2.— С. 13—21.
8. Воронцов А.В. Республика Корея: социально-экономическая структура и торгово-экономические связи с СНГ.— М.: ИВ, 1998.
9. Воронцов А.В., Шэн Жихуа. Белые пятна в истории корейской войны // Азия и Африка сегодня.— 1997.— С. 28—32.
10. Говоров Ю.Л. История стран Азии и Африки в новейшее время. Основы лекционного курса. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.
11. Горелый И.О. Корея. Концепция объединения.— М.: Изд. фирма “Восточная литература”, 1997.
12. Гренвилл Дж. История XX века: Люди, события, факты.— М.: Аквариум, 1999.
13. Денисов В.И. Корейская проблема: пути урегулирования, 70—80-е годы.— М.: Международные отношения, 1988.
14. Дюпюи Р. Эрнест, Дюпюи Тревор Н. Всемирная история войн: В 4 кн.— Кн. 4: 1925—1997 гг.: (Харперская энциклопедия военной истории). — СПб; М.: Полигон, 1998.
15. Дюррозель Жан-Батист. Історія дипломатії від 1919 року до наших днів.— К.: Основи, 1995.
16. Зубок В. Сталин и Мао слушают вас... // Родина.— 1998.— № 8.— С. 36—38.
17. История Кореи (с древнейших времён до наших дней).— Т. 2.— М.: Наука, 1974.
18. Капица М.С. На разных параллелях: Записки дипломата.— М.: АО “Книга и Бизнес”, 1996.
19. Ки Кван Со. Московское совещание министров иностранных дел (декабрь 1945 г.) и раскол Кореи // Проблемы Дальнего Востока.— 1997.— № 5.
20. Ким Дэ Чжун. Южная Корея: драмы и надежды демократии.— М.: Дипломатическая академия МИД Российской Федерации, 1992.
21. Ким Чен Ир. Светлый путь: Статьи и выступления.— М.: Палея, 1996.
22. Корея: расчленение, война, объединение.— М., 1995.
23. Ланьков А.Н. Борьба фракций и становление режима личной власти в Корее // Восток.— 1992.— № 5.
24. Ланьков А.Н. Ким Ир Сен: опыт биографического очерка // Восток.— 1993.— № 4.— С. 60—72. (См. также: Меклер Г.К. Ещё раз о Ким Ир Сене // Восток.— 1995.— № 3.— С. 217—219).
25. Ланьков А.Н. Кризис 1956 г. в КНДР // Восток.— 1995.— № 4.— С. 105—118.
26. Ланьков А.Н. Разгром некоммунистических партий в КНДР (1945—1959) // Восток.— 1999.— № 4.— С. 36—49.
27. Ланьков А.Н. Северная Корея в 1945-1948 гг.: от Освобождения до провозглашения КНДР // Проблемы Дальнего Востока.— 1991.— № 6.
28. Ланьков А.Н. Северная Корея: вчера и сегодня.— М.: Изд. Фирма “Восточная литература”, 1995.
29. Мазуров В.М. От авторитаризма к демократии: (Практика Южной Кореи и Филиппин).— М.: Изд. фирма “Восточная литература”, 1995.
30. Мельников Е. Корейская война 1950—1953 гг. Размышления о причинах конфликта и его действующих лицах // Международная жизнь.— 1995.— № 8.— С.87—93.
31. Мессенджер Ч. Энциклопедия войн XX века.— М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Яуза, 2000.
32. Міжнародні відносини та зовнішня політика (1945 — 70-ті роки): Підручник / В.А. Манджолла, М.М. Білоусов, Л.Ф. Гайдуков та ін.— К.: Либідь, 1999.
33. Мишин Н.Л. Правда о стране чучхе: [К 50-летию основания Корейской Народно-Демократической Республики].— М.: Палея, 1999.
34. “Оказать помощь корейским товарищам!”: Переписка вождей // Источник.— 1996.— № 1.— С. 123—126.

35. Окрут З.М., Фам За Минь. Модель экономического развития Южной Кореи: Путь к процветанию.— М.: Финансы и статистика, 1992.
36. Орлов А.С. Советская авиация в корейской войне 1950—1953 гг. // Новая и новейшая история.— 1998.— № 4.— С. 121-146.
37. Петухов В.И. У истоков борьбы за единство и независимость Кореи.— М.: Наука, 1987.
38. Почтарёв А.Н. Из истории советско-корейских отношений в 20—40-е годы // Новая и новейшая история.— 1999.— № 5.— С. 135-160.
39. Республика Корея: опыт модернизации: [Сб. статей].— М.: Изд. фирма “Восточная литература”, 1996.
40. Республика Корея: становление современного общества: [Сб. статей].— М.: ИМЭМО, 1996.
41. Рубан С.Н. Участие СССР в корейской войне: [Новые документы] // Вопросы истории.— 1994.— № 11.
42. Савельев Р. Перспективы объединения Кореи: Взгляд из России // Проблемы Дальнего Востока.— 1997.— № 2.
43. Сергеев П. Июньские иды. К северу и югу от 38 параллели // Азия и Африка сегодня.— 2000.— № 10.— С. 20-27.
44. Сергеев П. О бедном “чеболе” замолвите слово... Или трудная жизнь южнокорейских олигархов // Азия и Африка сегодня.— 2001.— № 2.— С.27-32; № 3.— С. 24-28.
45. Тарасов В.Л. Страна утренней свежести в сумерках смерти: Заметки о гражданской войне на Корейском полуострове // Военно-исторический журнал.— 1996.— № 2.— С. 66-76.
46. Толорая Г., Яковлев П. Как развязать “корейский узел”? // Международная жизнь.— 1999.— № 3.— С. 22—26.
47. Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950—1953 годов.— М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.
48. Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: новый взгляд.— М.: Изд. центр “Анкил”, 1995.
49. Узэрсби К. Ничто не потеряно, кроме людей // Родина.— 1998.— № 8.— С. 43-47.
50. Федоровский А. Экономика Южной Кореи: трудное время реформ // МЭМО.— 1997.— № 6.— С. 106-110.
51. Хрущёв Н.С. Правда о корейской войне: Из воспоминаний // Проблемы Дальнего Востока.— 1990.— № 6.— С. 105-107.
52. Чёрная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии / Куртуа Ст., Верт Н., Панне Ж.-Л. и др.— М.: Три века истории, 1999.
53. Шабшина Ф.И. Южная Корея 1945-46 гг.: Записки очевидца.— М.: Наука, 1974.
54. Юрьев М.Ф. История стран Азии и Северной Африки после второй мировой войны (1945-1990): Учебное пособие.— М.: Изд-во МГУ, 1994.